

Владимир Дмитриевич Пронский родился в 1949 году в городе Пронске Рязанской области. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором региональных СМИ. Публиковался в журналах «Подъём», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Север», «Странник», «Берега» и др., в литературных изданиях, коллективных сборниках, альманахах ближнего и дальнего зарубежья. Автор многих романов, повестей и рассказов. Лауреат премии имени А.С. Пушкина, Международной литературной премии им. А. Платонова, премий нескольких литературных журналов. Секретарь Союза писателей России. Живет в Москве.

Владимир Пронский

ДЫХАНИЕ ДОНБАССА

Роман

1

Ж

изнь Семена Прибылого проста и незатейлива, сам он неконфликтен, хотя многие терпеть его не могут из-за тестя — местного олигарха Германа Черногута. Семен же давно привык к суетливому, мелкому ростом человеку с лохматой шевелюрой то ли льняных, то ли седых кучерявых волос чуть ли не до плеч. Прической он явно гордился, всегда любил на общих фотографиях быть в первом ряду, становясь обязательно по центру. Все считали, что именно он вытащил зятя в люди, словно взял его в детстве за руку и опекал до нынешнего дня, хотя это было во многом не так.

Семену под тридцать. Он слегка скуласт, сух, прогонист, не особенно и высок, но Чернопут ему по плечо. Родился и вырос в райцентре Затеряево, что в двух часах езды от Сарматова. Родители ничем особым не могли помочь в учебе, да он и не ждал ничего от отца — водителя автобуса, и матери — нянечки детсада. До восьмого класса Семен учился ни шатко ни валко, но в старших классах проявил взрослое прилежание, вдруг ощутив иное отноше-

ние к учебе, обращался к учителям, не стесняясь спрашивать о том, что непонятно.

Хотя знания были крепкими, но их все-таки не хватило для поступления в университет на бюджетное место. Пришлось служить в армии, а потом неожиданно легко сдать экзамены и с первого семестра прилежно учиться. На третьем курсе познакомился на предновогоднем вечере с белокурой Ксенией Чернопут с экономического, сразу забыв все, что было до нее, и завязал настоящие отношения, какими он себе их представлял, будучи далеким от того, о чем был наслышан от сверстников. Она же, посетив его раз-другой в общезитии, попив с ним чаю и нацеловавшись, стала приглашать к себе. Познакомила с родителями, иногда, когда он застигивался, его оставляли ночевать, но спали они в разных комнатах. Семен в одно из первых посещений услышал, как Ксения о чем-то шепчется с матерью. Ксения говорила совсем тихо, но Маргарита Леонидовна будто кипятком ошпарила дочь:

— И не думай!

Долго так продолжаться не могло, и Ксения обозначила условие Семену:

— К Восьмому марта обязательно распишемся, тогда переберешься из общежития на законных основаниях.

Все так и произошло. Накануне праздника они отметили свадьбу в ресторане. Со стороны Семена были родители, брат Андрей с женой Ольгой да свидетель. От Чернопутовых гостей собралось поболее, но все равно не столь богато, как можно бы предположить. Отмечали свадьбу в отдельном банкетном зале, не желая особой огласки.

После свадьбы Ксения и Семен переехали в загородный дом Чернопутовых, а чтобы удобнее добираться на занятия, тесть, зная, что у зятя есть водительское удостоверение, выправил ему доверенность на BMW и отдал ключи от машины. Не сказать, чтобы Семен был ошарашен, но удивился по-настоящему, и когда впервые поехал с женой в университет на иномарке, то исподволь косился по сторонам, пытаясь по взглядам водителей понять их отношение. Ничего особенного он не заметил, зато, когда припарковал авто около учебного корпуса, достаточно было одному увидеть его выходящим с женой из «крутой» машины, чтобы эта новость заставила говорить о Семене всю группу. И сразу изменилось к нему отношение: кто-то заискивал, кто-то, напротив, не хотел смотреть в его сторону, и лишь несколько остались прежними. И Семен понял, что надо общаться именно с ними.

Еще до женитьбы Семен узнал, что тесть-олигарх ко всему еще и литератор, даже издал несколько книг. Однажды, проявив уважение, попросил у него что-нибудь почитать. В итоге Семен немного разочаровался, но, понятно, своими мыслями он не мог «обрадовать» тестя, так что, хочешь не хочешь, пришлось похвалить, хотя он никогда льстецом себя не считал.

— Герман Михайлович... — начал Семен, когда старшие Чернопуты приехали вместе отобедать, а женщины накрывали на стол, и сделал многозначительную паузу. — Должен сообщить, что Ваши рассказы прочитал буквально на одном дыхании!

Чернопут, видимо, ожидал от зятя чего угодно, но только не похвалы. Поэтому внимательно посмотрел ему в серые глаза — уж не смеется ли? — и глубоко вздохнул, зажмурился, осмысливая услышанное. Потом поднялся с дивана, пригласил к столу:

— За это надо выпить, а то наших барышень не дожدهшь!

Герман налил виски в широкие массивные стаканы:

— За настоящую литературу!

С того памятного разговора и теплого обеда он сделался в семье окончательно своим. В конце лета Ксения родила девочку, назвала ее Виолой. Когда появилось белокурое и голубоглазое — в мать и деда — чудо, молодые переехали из загородного дома и заняли в четырехкомнатной квартире комнату Ксении. Для нее было очень удобно оказаться под опекой располневшей Маргариты Леонидовны, так как Ксения, устав от роли домохозяйки, устроилась не без помощи отца в бухгалтерию известной торговой компании. Семен же принципиально сам нашел после университета работу мастера-ремонтника на одной из грузовых баз. Правда, сначала в отделе кадров ему отказали, мягко сославшись на отсутствие опыта. Но когда он, не солоно хлебавши, отчалил на BMW, начальница увидела в окно его машину и спросила у сотрудницы, завернувшей новичка:

— Чего это зять Чернопута у нас забыл?

— Откуда вам известно?

— Моя дочь с его женой училась... Ну, а все-таки зачем пожаловал?

— Устраиваться...

Прибылому тотчас позвонили:

— Семен Иванович, произошла ошибка из-за невнимательности нашей работницы. Приезжайте, мы готовы оформить вас.

Так Семен приступил к работе, вскоре получил первую зарплату, да и Ксения стала зарабатывать, пусть и немного, и отец подсмеивался над ней:

— Трудись-трудись... Узнаешь, как кусок хлеба достается.

Утром все уезжали на работу, лишь Маргарита, оставаясь безработной, занималась воспитанием Виолки. Это было ей не в тягость, но все равно делалось немного обидно, когда молодежь вечерами даже спасибо не говорила, словно она для того и жила на свете, чтобы быть нянькой, пусть и у собственной внучки.

Досада брала только первое время, а через месяц-другой она привыкла, изучила ее повадки и характер, и кто ни бывал в гостях, удивлялись:

— Как же быстро растет ваша внучка!

Маргарите это приятно было слышать, но она-то хорошо знала, сколько бессонных ночей провела с голубоглазым чудом.

2

Гендиректор строительной компании Герман Чернопут частенько оказывался в мутной ситуации, но все предыдущие мало чем напоминали теперешнюю, откровенно связанную с возможной потерей бизнеса. Едва закончились рождественские каникулы, пугающие известия стали поступать одно за другим. Выглядели они реально грозно: Чернопуту было что терять, если его компания вошла по итогам года в лучшую десятку города-миллионника. Как только это стало известно, пришли гости — два крепких молодых господина, со вкусом одетые, на вид и по поведению вполне интеллигентные, и, нахально улыбаясь, предложили... продать бизнес. Догадываясь, кто за ними стоит, Герман не стал грубить и возмущаться.

— Передайте тому, кто вас прислал, что год только начался, я обещан сотнями договоров, и если их скопом разорвать, то фирма сразу обанкротится. Понимаю, что кому-то это будет на руку, но готов рассмотреть предложение о продаже контрольного пакета акции, и позвольте мне до-

стойно разругать ситуацию. А пока отложим предметный разговор до лета! — доходчиво и твердо сказал Герман Михайлович.

— Мы вас слышали! — как по команде поднялись «интеллигенты» и, не попрощавшись, ушли.

— Кто это был? — испуганной канареечкой заглянув в дверь и трягнув локонами, удивилась секретарь Лена. — Такие наглые!

— У меня спрашиваешь? Сама же записывала их на прием!

Шуганув секретаря, Герман Михайлович сидел какое-то время без движения, обдумывая визит гостей, прикидывая свои возможности борьбы с ними, но нужна ли ему борьба? Может, пора уgomониться, довольствоваться тем, что нажил. Ведь этого вполне хватит не только им с женой, но и дочери с внучкой. Не тот у него возраст, чтобы «бодаться».

Была и еще причина пересмотра отношения к жизни. Пришла пора подумать об отъезде с семьей в теплую страну, чтобы обосноваться там и забыть обо всем, что могло связывать с теперешней жизнью, отдаться любимому делу. И делом этим, само собой, была литература. Живи, блаженствуй и занимайся любимым увлечением. В мыслях он улетал даже выше, фантазии увлекали на недостижимую высоту. Казалось бы, ему ли жаловаться, если он публиковался, издавал книги, но сам-то Герман понимал, что необходимо написать такое, от чего ахнет весь мир.

Не зацепившись за основной писательский союз, он пристроился во вновь образованный. Среди своих был на виду, издавая романы, сочиненные с помощью приятеля, которому приходилось платить и-за нехватки собственного времени. Уж худо ли, бедно ли, но в бизнесе он кое-чему научился, умел вовремя пристроиться к нужным людям, заручиться поддержкой друзей в областной торгово-промышленной палате. А чтобы окончательно стать на виду, надумал создать благотворительный фонд помощи творческим людям, но в своем писательском сообществе пока ничего не говорил о нем, зная, что «гений» Тимофей Семибратов, возглавляющий их союзик, в миг превратится в кровососа, начнет клянчить деньги на творческие стипендии, на издание книг и даже подскажет, с кого необходимо начать этот список: с него, конечно же!

Но тот все-таки узнал о задумке. А Герману уж так не хотелось кормить этого прихлебателя, что как-то при встрече грубо сказал:

— Тимофей, да катись ты к бабушке Ядрене и попроси у нее...

После явно оскорбительного выпада Семибратов созвал внеочередное общее собрание, кое-как организовав кворум. Узнав, что готовится его исключение из карманного союза, Чернопут через своего порученца прислал заявление о выходе из него, на что имел полное право, тем самым упредив унижительное событие. Вскоре переманил под новое знамя полдюжины неустойчивых литераторов, пообещав ежемесячную стипендию, создал из них инициативную группу и попросил своего юриста подготовить и оформить надлежащим образом бумаги для регистрации вновь созданной общественной организации «Писатели Заречья». Название звучное и конкретное, не сравнить с прежним, тенденциозным — «Высокий стиль».

Получив на руки регистрационное свидетельство, Чернопут торжественно объявил, что к тому же является президентом благотворительного фонда, и стало понятно, что первыми обладателями творческих грантов будут зареченские писатели и поэты, а литераторы из «материнского»

Сарматова, считавшиеся Заречье городом-спутником, будут им завидовать. Чтобы не слыть пустозвоном, Герман Михайлович объявил конкурс на лучший рассказ и подборку стихотворений, решив напоследок еще раз «хлопнуть» дверью. Когда после объявления о конкурсе на ТВ в печати и на сайте «Город «С» стала известна сумма призовых, то многие ахнули. Миллионную выплату объявил Чернопут победителям, да плюс издание книги, а пятерым финалистам в каждой номинации по сто тысяч положил! Вот это размах, вот это почин! Понятно, что после этого члены «Высокого стиля» начали стремительно покидать Семибратова и перетекать к Чернопуту; многие навсегда, но некоторые, осторожные и дальновидные, не желая расставаться с прежней организацией, лишь на всякий случай запасались новыми членскими билетами, надеясь быть на виду у руководителя фонда.

Одного такого — Валентина Подберезова — он пригласил в загородный дом в Жворонках. Здоровенный и неуклюжий Подберезов, которого Герман называл Джонсоном за его спутанные рыжие волосы и слюнявый рот, потоптавшись у ворот и назвав себя в переговорное устройство, оказался на усадьбе.

— Пользуясь случаем, хотел бы помочь тебе. Ведь ты-то мне помогал в трудные времена... — боевито сказал Чернопут, пригласив Валентина в кабинет. — Есть с чем выйти к читателю?

— Роман лежит готовый. Рассказов да повестей изрядно накопилось. Хотя и любезно разговаривал Герман с Подберезовым, но давнюю обиду помнил, когда тот прикарманил его деньги на издание книги, сославшись на дефолт, хотя до дефолта было полгода. Денег у Чернопута тогда имелось не густо, поэтому и обидно показалось остаться в дураках. Но он никогда не показывал обид, а это совсем плохо для обидчика, если обиженный молча ждет подходящего случая, чтобы расквитаться. Поэтому теперь, когда в фонд стали поступать значительные суммы от меценатов, Чернопут по-настоящему все вспомнил.

— К тому же мы и литературный конкурс решили учредить. Чем не подходящий случай, чтобы отличиться. Сам же знаешь, что в наше время необходимо везде «светиться» и уметь подать себя. Думаю, ты вполне можешь возглавить его. Сразу окажешься на виду, сразу станешь уважаемым.

— Можно, конечно, поработать... — сдержанно улыбнулся Подберезов.

— Так что в ближайшее время начнем действовать. — Чернопут о чем-то задумался и, будто вспомнив важное, хлопнул в ладоши: — Вот что... А не стать ли и тебе меценатом?! А я буду везде вещать, что, мол, простой редактор городской газеты — внес в благотворительный фонд из собственных сбережений... полмиллиона!

— Да откуда такие деньги-то?!

— Кредит возьми. Потом все деньги сторицей вернешь. Обещаю!

— Все равно это невозможно! Такой хомут на шею вешать, проценты платить... У меня в записке есть сотенка тысяч, вот ее могу спонсировать, а более ни-ни — жена из дома выгонит, — испуганно отказался Подберезов и сильно покраснел от волнения.

— Как у тебя все просчитано... — усмехнулся Чернопут. — Ладно, не переживай. Для почина хватит и твоей сотки, дело верное. Надеюсь увидеть тебя на своем юбилее.

На другой день Чернопуту позвонил Семибратов. Слышать этого тол-

стыка и обжору Герман не хотел, но любопытство оказалось сильнее, и моментально созрел план разговора с недавним недоброжелателем.

— Герман Михайлович, рад, очень рад приветствовать вас и поздравить с прекрасным начинанием! Каюсь, я был не прав, когда уж слишком резко отзывался в ваш адрес... Все нервы распатал, чтобы удержать в узде организацию. Некоторые прежние наши с тобой расхождения во взглядах мной устранены, и нам ничего не мешает вновь быть любезными друг с другом, как в недавние времена, — вкрадчиво говорил Семибратов.

— А я ничего и не помню такого. Как говорится, кто старое...

— Вот именно. Поэтому очень хотелось бы поучаствовать в твоём конкурсе.

— Я сам им не занимаюсь, а ведёт его известный тебе Подберезов. Так что свяжись с ним. Он, кстати, первым пример подал: уже внес деньги в фонд конкурса. Но и ты не теряйся! Пол-лимона внесешь и будешь на коне!

— Не, такой подход не годится. Никакая мне тогда премия не нужна! Ладно, извини... — и Семибратов положил трубку.

Не успел Герман подумать: «Вот скупердаш!», как раздался звонок и снова от Семибратова:

— Ладно, согласен... — негромко, через силу промолвил он. — Пару сотен как-нибудь завезу.

— Вот это другой разговор! — не показывая радости, похвалил Герман Михайлович.

4

Юбилей Чернопут готовил загодя.

С каждым годом Герман обрастал влиянием, связями и, как человек в душе творческий, находил в этом некоторую выгоду для себя. Книги его продавались, расходились на презентациях, а профессор-словесник Иннокентий Павлович Столбов рекомендовал студентам его роман времен перестройки о собственной первоначальной неудаче в бизнесе и о том, как потом все наладилось. Профессор указывал адрес книжного магазина, давая понять, что без прочтения и осмысления этого произведения известного земляка о зачете можно лишь мечтать. И покупали. Водитель только успевал подвозить пачки книг в указанный профессором магазин. Сначала Герману делалось неловко от такой услуги, но лишь стоило заикнуться об этом, как профессор Столбов превратился из вдумчивого научного авторитета в метавшего молнии из карих глаз ярого поклонника, и ему не только нельзя было возразить, но даже подумать об этом.

— Дорогой Герман Михайлович, неужели непонятно, что всякое замалчивание вашего таланта обедняет всех нас?! — вспыхнул профессор. — Это же элементарно! Надо лишь раскрыть глаза и оглядеться, чтобы понять, как вы нужны людям!

Чернопут в ответ сдержанно улыбался, не понимая профессорского льстивого отношения. Ведь Ксения университет давно окончила, об аспирантуре не помышляет. Так в чем дело? Пока это непонятно, и Герман даже не мог предположить, чем так расположил Иннокентия Павловича к своей персоне. Особенно, когда профессор устроил ему творческую встречу с преподавателями и студентами. Тем вечером приятно удивил полный актовый зал, а главное потрясение было в конце встречи, когда к нему выстроилась извилистая очередь из желающих получить автограф, и он поверил, что его роман действительно чего-то стоит. Даже не расстроила

знаякая мысль о том, что роман написал знакомый писатель, и втайне от семьи Чернопут хорошо заплатил ему.

Недавний триумф на встрече в университете повторился и на юбилейном вечере. Один из выступающих долго и умильно рассказывал в пространном тосте о Германе Михайловиче, а тот не сразу узнал знакомого профессора, зачем-то отпустившего «академическую» бородку. В тот момент Чернопут удивился его появлению среди гостей, прекрасно помня, что фамилия профессора не значилась в списке приглашенных. «Вот чертяка! Наверное, затем и бороду отрастил, чтобы под шумок просочиться!» — весело подумал Герман Михайлович, но охранникам он все-таки указал на нерадивость, на что старший из них озобоченно молвил:

— Его провела ваша Маргарита Леонидовна.

— Тогда другое дело... — как о нестоящем эпизоде отозвался Чернопут, все-таки не одоббив в душе самодеятельности жены.

Когда ей сказал об этом, то она обиделась:

— Как тебе не стыдно?! Доча училась у Иннокентия Павловича, он помогал распространять твой роман, а ты его даже не пригласил. Это свинство.

— Уж не знаю, какое это свинство, но поверь, я не привык, что кто-то хочет мне сделать приятное и полезное за просто так. Друзья в молодости могли, а теперь все наторели, только и ждут момента... — Он не договорил, отмахнулся, мол, и так все очевидно.

Во время перекура Герман Михайлович оказался рядом с Ефимом, который держал крупную логистическую компанию. Прежде их связывали лишь производственные дела, но года два назад они перешли в приятельские. В тот раз они случайно встретились в самолете по пути в Испанию.

Сразу взаимный вопрос: «По делу?» Первым спросил знакомый, и Герман не мог увернуться под его испытующим взглядом, нехотя признался: «По личным делам...» — «Знаем мы эти личные дела... Наверное, дворец свой летишь проверить?»

Чернопут, сообразив, что врать бесполезно, сознался как нашкодивший школьник:

— Тут такое дело... Еще в доковидное время прикупил домик на побережье близ Барселоны, теперь переделывать его замучился. Место козырное, надо соответствовать.

Ефим вздохнул:

— Обычная история. Тоже вот мотаюсь...

С тех пор Чернопут разговаривал с ним лишь по телефону по производственным делам, и ни разу никто не задал какого-либо вопроса о Барселоне, а сегодня вдруг тот сам негромко спросил:

— Давно туда навевдывался?

— Из-за ковида, будь он неладен, особо не наездишься. А что?

— А теперь надо бы. Ничего особенного не заметил? Наверно, знаешь о декабрьском послании нашего Верховного западникам?

— Слышал немного, не углубляясь в детали.

— А зря... Перспектива скверная. Сейчас все ждуют ответа от Запада, и что будет потом — лишь Богу известно, хотя предположить можно: конфискуют по щелчку недвижимость, перекроют авиасообщение — вот и отлетались мы.

Откровение ошарашило Германа, потому что сам он никогда не думал об этом, мало интересуясь политикой, и теперь растерялся:

— И что же делать?!

— На днях вернулся оттуда. Недвижимость продал, продешевил, конечно, но деваться некуда. Деньги перевел в офшор на остров в далеком океане. Конечно, и там нет стопроцентных гарантий, но все подальше от Европы и америкосов. Так что не теряйся.

Слова приятеля обожгли Чернопуга, перевернули душу, на губах он почувствовал привкус горечи. Отругал себя в душе за ротозейство, за неумение быть в курсе событий.

Герман сразу понял, что надо предпринять, поэтому, когда вернулись после перекура за стол, долго не церемонились. После десерта он не стал удерживать гостей, распродался со всеми, а вскоре, подхватив Маргариту и собрав в охапку цветы, вернулся домой, где удалился в кабинет и допоздна просидел в одиночестве, пытаясь найти хоть какую-то лазейку в сложившейся ситуации.

В Барселоне у него давно имелся счет в банке, который он периодически пополнял. У них с Маргаритой и у Ксении имелся вид на жительство. Так что практически наполовину они уже тамошние жители и ничто их не держало на Волге. И оставалось самое главное — продать свой бизнес и выйти из игры белым и пушистым. Это в идеале. На самом деле так до конца не получится, обязательно теперь придется нести потери в финансах, быть может, до половины денег потерять, чтобы оставшейся половины хватило надолго, а лучше навсегда.

Настропавив себя, он решил: «Надо лететь и самому разобраться на месте!»

В понедельник, только увидев секретаря Лену, сразу попросил:

— Подбери стыковой рейс до Барселоны, чтобы поменьше болтаться в Шереметьево!

Лена позвонила минут через пятнадцать и ласково сказала:

— Есть билеты на завтра... Заказываю два?

— Один! По делам еду, некогда шашни разводить!

— Ну и пожалуйста... — услышал он обиженный вздох и подумал: «Совсем обнаглела! Скоро кофе ей буду подавать!»

Когда вечером сказал Маргарите о намечающейся поездке, жена вспыхнула:

— Опять к мулатке?! И чего там делать?

— Кое-какой вопрос по жилью решить! Мне сведущие люди шепнули, что надо срочно продавать дом.

— С какой это стати?!

— Знаешь, что в мире творится?! Нет? Могу объяснить! Обстановка серьезная.

Вылетев ранним утром следующего дня, к обеду он приземлился в аэропорту Барселоны. Было ветрено и чуть теплее, чем дома. Мелькавшие за окном такси виды мало чем отличались от сырой зимы на Волге, даже скукожившиеся пальмы на себя не походили. Вскоре распахнул дверь белоснежной виллы. В его отсутствие за порядком присматривала Лионелла — немолодая, но подвижная брюнетка, с постоянным оливковым загаром и цветастым ожерельем из мелких ракушек. Перед вылетом Герман позвонил ей, спросил все ли в порядке, какая погода, попросил включить отопление. Она каждую неделю делала уборку, следила за общим порядком, оплачивала счета и за свою работу получала пятьсот евро в месяц, всячески стараясь угодить хмурому русскому.

Лионелла его ждала, приготовив обед, прогрев виллу и заполнив холодильник продуктами не на два-три дня, как просил он, а настырно запасла на неделю, зная, что оставшаяся еда достанется ей. Подав Герману его любимый суп из мидий, она присела в сторонке, чего никогда он не любил и всегда шпынял ее за неприкрытое подглядывание, шедшее то ли от любопытства, то ли от глупости, хотя и не ожидал какого-то особого интеллекта в ее поведении. Он и сейчас ее шуганул, но не обидно, потому что она устраивала в основном: не задавала лишних вопросов, была исполнительницей и не болтливой с соседями, не затевала откровенных разговоров в его отсутствие, хотя в округе знали, что владелец виллы — русский, но совсем не богач, если платит служанке всего-то сотню в месяц, как говорила она им. Даже иной раз посмеивались: «Ну, и нашла себе скупердяя?!» — «Скупердяй не скупердяй, а сотню евро на набережной мне никто не оставит, и помочь внучке есть с чего!» Никогда Лионелла не открывала истинного заработка, как научил ее Герман, хотя очень хотелось похвалиться пятьюстами евро перед родственниками, будто деньги сыпались с неба, но лишь благодарила деву Марию, пославшую такого соседа.

Выпив белого вина, вкусив свежих устриц и не доев суп, Чернопут принял душ, прошел в спальню, отделанную в бирюзовых тонах, и рухнул на мягкий матрас. Уже засыпая, вспомнил о Маргарите, позвонил ей, чтобы успокоить:

— Я на месте. Сегодня буду отсыпаться, а завтра займусь делами.

Утро он начал со звонка нотариусу, с которым имел дело при покупке виллы. Герман очень боялся обмана и был готов на хорошее вознаграждение нотариусу, потому что кого-то еще, кому мог довериться, в городе не имелось. Волнуясь, он активировал подзабытый номер, моля Бога, чтобы тот оказался действующим, и не сразу услышал голос в трубке: «Алло, алло — говорите, сеньор!» Как мог, Герман сообщил, кто он, несколько раз повторив слово «делка», и его поняли, ответили на ломаном испано-русском, уточнив адрес:

— Приезжайте, могу принять сеньора!

— До встречи! — по-русски сказал Чернопут, ругнув себя за недальновидность и лень, мешавшую выучить за последние два-три года хотя бы несколько ходовых испанских слов и выражений.

По известному адресу на визитке он выехал сразу, боясь опоздать, разминуться и сорвать все планы. По пути решил, что будет торговаться лишь для вида, если придется сделать большую уступку. Герман не знал, сколько времени потребуется на оформление купли-продажи, помнится, он трижды летал, чтобы оформить сделку, а теперь у него нет на такие поездки ни сил, ни времени. Нужно сделать быстро, пусть и за две трети стоимости, а то и за половину. А то западники введут зверские санкции, как они это делают в последние годы, запретят все, что можно, и тогда конец всему — ложись и помирай. А чтобы успеть и чтобы сделка не сорвалась, надо поступить просто: оформить генеральную доверенность с правом продажи, деньги сразу положить на счет.

Нотариус, внешне похожий на Чернопуга, такой же невысокий и подвижный, только моложе лет на десять и с черными смоляными волосами, сразу понял, что желает сеньор из России, и написал на бумаге процент от цены, который тот может получить за виллу. Герман увидел цифру «60» и почувствовал, что вспотел.

— Это же грабёж?!

— Плата за скорость...

— Тогда хотя бы... — и написал цифру «65».

Нотариус сделал вид страшно обиженного человека и, поколебавшись, положительно махнул рукой, спросив о сумме, какую хотел бы получить сеньор.

Чернопут примерно знал стоимость подобного жилья и то, что сам покупал виллу за миллион евро, поэтому твердо вывел сумму «650». Нотариус зачеркнул ее и, написав «630», сказал «сорри»... И Герман сдался, спросив:

— Когда будет сделка?

— Завтра утром приеду с риэлтором, он осмотрит виллу, ознакомится с документами, потом оформим доверенность на его имя, и тогда поедем в банк, где переведем деньги на счет сеньора... — Нотариус говорил торопливо, путая испанские слова с русскими. Договорились, что завтра утром Герман будет ждать гостей, тогда и решат все окончательно.

Утром после осмотра виллы и изучения документов они поехали в нотариальную контору, из нее с риэлтором — в банк, где у Чернопута ранее был открыт счет, и только после того как деньги зачислили, он подписал генеральную доверенность. Его приглашали отметить сделку в ресторане, но он отказался, сославшись на усталость, а ключи от виллы пообещал передать завтра перед отъездом. А сегодня никак: не ночевать же ему в аэропорту или гостинице?!

Но не ночевка его заботила, а тайник на участке, который куда-то необходимо определять. Поэтому, вернувшись к себе, Герман попил сока и решил достать тайник, чтобы завтра завезти его содержимое в банк (сегодня он уж не успевал, так как банк работал, как принято в Испании, до четырнадцати часов) и оттуда — сразу в аэропорт. Он взял в кладовке лопату и вышел на участок, где под одним из персиков, посаженным собственноручно, хранилась пластмассовая капсула с деньгами. Поэтому и не разрешал Лионелле ничего делать на участке, единственное, что можно было, — это использовать газонокосилку и поливать: не разводить цветников, не окапывать деревья.

И вот теперь Чернопут, признаваясь самому себе, даже был рад, что пришло время достать заначку. А то уж сколько раз в последние месяцы просыпался в липком поту и никак не мог остыть и успокоиться, когда приходил жуткий сон о полной потери накоплений. Причины были разными, но разве ему от этого легче?! Нет, нет и нет. Поэтому и металась его душа. Она и сейчас заметалась, когда он копнул лопатой... Холодная мысль кольнула в этот момент: «Вот копну, а здесь пусто!» Но нет, лопата уперлась во что-то плотное, и вскоре он увидел темно-коричневый футляр, обмотанный скотчем. На душе потеплело. Начал далее окапывать дерево, незаметно косясь по сторонам, а потом, никого не обнаружив на балконах соседних вилл, подхватил футляр и пошел к себе, где деньги пересчитал и переложил в двойной пластиковый пакет.

Утром, дождавшись риелтора, передал ему ключи, платежные документы, вызвал такси и отправился якобы в аэропорт. Сам же остановился в стороне от банка, отпустив такси, и ужом скользнул в сверкающие стеклом двери. Его попросили предъявить паспорт, карточку банка и выложить содержимое карманов на стол. Герман положил телефон, ключи, пошуршал пакетом, сказал «мани», на что охранники попросили открыть его... Убедившись в содержимом, указав рукой — мол, проходи-

те. Он заполнил платежку, дождался, когда пересчитают деньги. Когда их зачислили, он попросил выписку со счета и на пальцах объяснил оператору свое желание. Она не сразу, но поняла, когда он вспомнил нужное слово «банкариос», понятливо кивнула, и вскоре Чернопут держал распечатку с указанием хранящейся на счету суммы. Он не стал вчитываться в подробности, не понимая их, лишь увидел вчерашнее и сегодняшнее зачисления и общую сумму остатка: почти пять миллионов! Сказав «грасиас», подумал: «Откуда я столько слов-то испанских знаю!» — и под улыбочивые и слегка завистливые взгляды вновь вызвал такси. На пути в аэропорт позвонила жена, тревожно спросила намеком:

— Как ты там?

— Все нормально... Крышу проверил, не течет. Сегодня или завтра буду дома.

Сказать-то сказал, но душу точила мысль: а правильно ли сделал, может, сразу надо было перевести все средства в Москву и на этом успокоиться. Но как бы ни было, а теперь живи и ломай голову, терзай оставшиеся нервы. Единственное, что успокаивало и грело душу, — «банкариос» во внутреннем кармане пиджака у самого сердца.

6

Профессор-словесник Столбов позвонил на следующей неделе. Герман Михайлович только-только пришел в себя от недавних заграничных волнений, говорить ни с кем не хотелось, но, выслушав бойкую преамбулу, в которой тот живописно описал скорый приход весны и, по слухам, отмену масочного режима, ернически спросил:

— Иннокентий Павлович, все так и есть... У вас какой-то вопрос ко мне?

— Вопрос сложный, поэтому хотелось бы встретиться лично.

— Ну, тогда хотя бы тему раскройте, чтобы, если понадобится, смог подготовиться.

— Он глубоко личный, касается дачного строительства. Прошлым летом мы с женой прикупили землицы, теперь надо строиться, а финансов, сами понимаете, не густо. Только не подумайте, что прошу денег. Нет, нет и нет! У вас же есть другие возможности помочь?

— Я не директор домстроя!

— Но связи-то имеются. Известно, что именно на нашем комбинате открыли линию по производству панелей для частных домов, и частенько бывают бракованные; я бы с удовольствием забрал.

Чернопут вздохнул:

— Действительно, есть о чем поговорить. Подъезжайте в следующий вторник после обеда.

— Договорились! — поспешно согласился профессор, а Герман Михайлович вообразил, как тот после его слов расплылся в улыбке.

Точно такую же улыбку, только с заискивающим оттенком, он увидел на лице профессора, когда тот появился у него в бизнес-центре. Профессор переступил порог кабинета Чернопута и замер.

— Проходите, Иннокентий Павлович! — пригласил хозяин и, поднявшись навстречу, указал на кресло рядом со своим столом. — Так, значит, говорите, что на комбинате брак лепят?!

— Родственник говорил. Он в прошлом году таким образом дом себе построил. Часть панелей были списаны, а часть специально слегка попор-

тили, чтобы списать: кувалдой углы побивали — вот и брак. Зато приобрел по бросовой цене. За взяточку, конечно же, сами понимаете.

— Значит, говорите, кувалдой... А что — метод известный. Я вас понял! Сейчас попробую связаться с нужным человеком.

Чернопут набрал номер, сказал:

— Приветствую, Андрей Сергеевич! Ваша светлость на работе? Хорошо, тогда не буду расплываться словесами, а сразу попрошу помочь уважаемому человеку. Зовут его Иннокентий Павлович, профессор словесности. Да, несколько необычно, но разговор у него по твоему профилю... Хорошо, дам ему телефон твоего секретаря... Договорились.

Профессор исчез так же неслышно, как и появился, а Чернопут шумно вздохнул и попросил Лену принести кофе.

Несколько дней Герман Михайлович пребывал в более или менее спокойном состоянии, но оно мало-помалу испарилось, когда обстрелы на Донбассе переросли в настоящие бои и руководство нашей страны ввело войска на помощь жителям теперь признанных Россией республик, чтобы остудить горячие головы нацистов, творивших восемь лет бесчинства.

И вскоре по всем СМИ прошло сообщение о заморозке заграничных активов не только Центробанка, но и физических лиц; запретили российским авиалиниями полеты в Европу и сами отказались от них. Для кого-то эта новость стала, как удар молнии в темечко, а он почти перестал спать. От виллы избавился, но что теперь будет с деньгами за нее?

Чернопут не заметил, как сделался иным человеком, в котором ужились две ипостаси: страх за нажитое и обида за то, что все катится в неизвестность, когда рушились задумки, планы, и от этого делалось невыносимо обидно за себя, семью и за страну. Да-да, именно за страну, о которой он в последние годы особенно не думал, полагая, что невозможно ее пошатнуть или как-то раскатать.

Герман даже стал спать в отдельной комнате. Вроде бы без жены засыпал быстрее, но не по-настоящему, если уже через полчаса каждый день вскакивал от собственного крика. И тогда прибежала Маргарита, включала свет, прижимала к себе потного и всклокоченного мужа и вместе с ним плакала. Они уже ничего не обсуждали, не говорили, не успокаивали один другого, а лишь молчали и вздыхали.

Герман незаметно засыпал на ее руках, а она, аккуратно накрыв мужа одеялом, молила Бога, чтобы Он помог маявшейся душе.

Маета у Германа ненадолго проходила, но потом опять захлестывала, и начинало мниться, что преследует его злая старуха-кощунница в образе Маргариты. Как-то приснилось, будто она тихо прокралась к нему в комнату, якобы миловаться, да только Герман вовремя заметил нож в ее руке, спрятанный в складках ночной рубашки... Жена думала, что он ничего не слышит, а он как раз в этот момент проснулся, будто от Божьего знака, и едва вернулся от занесенного на него ножа...

От неожиданности и страха он заорал на весь дом, да так, что проснулась и жена в соседней комнате, и дочь с зятем. Маргарита прибежала, включила свет и увидела мужа, забившегося в угол кровати, будто он хотел просочиться сквозь стену, и его безумный взгляд...

— Что с тобой? — перепугалась Маргарита.

— Это ты?! — спросил встречно Герман и вдруг закрыл лицо руками, завсхлипывал.

— Что еще случилось-то?

Он внимательно посмотрел на нее долгим и немигающим взглядом, вздохнул, отвернувшись к стене:

— Глупость какая-то приснилась.

На следующий день Маргарита пришла к нему, но он вновь воспротивился:

— Один буду спать, чтобы тебе не мешать.

— Без меня, сам же говоришь, снится, бог знает что! Что вчера-то приснилось?

— Да будто в аварию попал... — придумал он.

На следующую ночь Герман положил под подушку нож. На всякий случай. И, укладываясь спать, теперь знал, что сможет защититься. От этой мысли он даже перестал волноваться и сожалеть о значительной потере денег. Что ему голову напрягать, если у него этих вкладов несколько: и в Москве, и в своем городе. Да и у жены есть, и у дочери, а для зятя единственное, что он сделал доброго, не считая машины и карманных расходов, — прикупил новую двухкомнатную квартиру на берегу протоки. Оформил на его имя, но ничего не говорил ему, лишь поставил в известность Маргариту и указал, где хранит документы на квартиру и ключи от нее, и обязал платить все коммунальные платежи, так же, как и за квартиру для Ксении. И ей ничего не сказали, чтобы они оба носы не задирали, а то скажи — так мигом улизнут из-под родительского крыла, а за ними еще глаз да глаз нужен.

Никто в семье не знал, что Семен давно на них смотрит с презрением. И совсем перестал уважать даже Германа. Тот до недавнего времени был нормальным мужиком, а в последние месяца полтора с ним что-то произошло. Всегда Семен считал его своим заединщиком, который подерживал, составляя неплохую мужскую партию в семье против женской, никогда не отказывал в деньгах, делая это без огласки, но теперь непонятно из-за чего отдалился.

Получалось, что Семен остался в семье один на один со своими мыслями и привычками. Поэтому он легко, даже с некоторой мстительностью, записался добровольцем в казачий отряд, ничего не говоря семье. И от Ксении этот факт скрыл, зная, если откроется, то она никуда не пустит, а все остальные пристыдят, заплкуют, а потом... Потом, вполне возможно, просто дадут пинка, и катись тогда Семен Прибылой на все четыре стороны. Поэтому он и скрывал свои планы, а чтобы совсем уж не выглядеть дерзким, написал перед выходом из дома записку Ксении с сообщением о своем отъезде на Донбасс.

Ксения обнаружила записку, вернувшись вечером с работы. И сразу же устроила истерику, перед ужином степным заволжским вихрем влетев в столовую, и, сверкнув сузившимися глазами, кинула записку на стол:

— Пап, мам, как это понимать?

Чернопут нехотя взял записку, скользнул по ней взглядом и встретился:

— Как это уехал? И почему на Донбасс? Кто его там ждет?

— Пап, у меня спрашиваешь?! — спросила, укорив, дочь и зарыдала. — Не посоветовался, не предупредил. Раз — и уехал! Аника-воин выискался, воевать ему захотелось, словно я для него пустое место. Ну не скотина?!

Маргарита выхватила у мужа записку и чуть ли не набросилась на дочь с кулаками:

— Ну и как ты могла допустить это?

— Он что, предупреждал?.. Утром лишь сказал, что позже пойдет на работу. Разве я могла знать, что задумал наш Семен Прибылой!

— А ведь он действительно прибылой! — многозначительно и непонятно сказал Чернопут и пояснил: — Так молодых волков называют, хотя и живут они в стае.

На какое-то время все затихли, обдумывая откровение Германа, а потом Маргарита чуть не подскочила на стуле:

— Ну, что ты сидишь-то? — замахнулась она на него, словно хотела ударить. — Позвони военкому.

Герман взял трубку, потом с кем-то поздоровался, спросил, коротко описав ситуацию. Сказав «извини», бросил телефон на стол, посмотрел на дочь, потом на жену:

— Никого они никуда не отправляли, и нечего меня подставлять... Это все казаки гуртуются. Они, видно, и Семена подбили. Едут группами на Кавказ, там проходят подготовку, а потом их переправляют на Донбасс.

— И что, нельзя ни у кого ничего узнать? — ахнула дочь.

— Может, и можно, — холодно сказал Герман, — да только у меня таких людей нет! — Хотел добавить и съязвить, что, мол, сами выживали Семена, а теперь вкоччете курами, но промолчал.

Прошло несколько дней после этого разговора, и в какой-то момент Герману стало ни до чего на свете: ни до жены, ни до внучки и дочери, ни до глупого зятя. Даже конкурс перестал волновать, потому что деньги на него поступать почти перестали. И он решил «кинуть» всех. И не просто, а поглумиться, насладиться их утробным визжанием. Конечно, потом они попытаются вернуть вложенные в фонд деньги, но как докажут это, если деньги передавались из рук в руки, движения по расчетному счету не было, поскольку финансовые операции не проводились, и у фонда нулевой баланс. Лучшим вариантом в этой ситуации — залечь на дно, затаиться, может, даже надолго заболеть, а потом, например, перенести подведение итогов на другой год, сославшись на сложную обстановку в стране, тем более что в положении и на конкурсе не указан срок его проведения.

Задумав такую аферу, Герман не стремился к обогащению, потому что деньги фонда небольшие, для него серьезного значения не имевшие: ему лишь хотелось моральной победы над творчески похотливыми литераторами, и оставить конкурсантов с носом стало жгучей идеей. Очень хотелось покуражиться над теми, кто всю жизнь мешал, кто лез вперед, расталкивая локтями окружающих; у некоторых, замечал он, локти на пиджаках были основательно стертые, и они прикрывали дыры, нашивая на них кожаные заплатки, бывшие модными лет тридцать назад, но дыры вылезали по бокам.

Ни жена, ни дочь, конечно, не догадывались о задумке Германа Михайловича. Маргарита устала от домашних забот, занимаясь воспитанием внучки, по-научному готовя ее к школе, так как по образованию была педагогом, хотя ни одного дня не работала. Она в последние дни похудела от переживаний, перестала напоминать цветущую пышную розу, какой была совсем недавно. Ксения же после бегства мужа оказалась и вовсе предоставленной самой себе, и то ли весна подействовала, то ли захо-

телось хоть как-то навредить ему за то, что бросил ее, поэтому в какой-то момент по-иному начала поглядывать на компьютерщика Максима. Он появился минувшей осенью, частенько заглядывал к ним в бухгалтерию, когда возникали проблемы с техникой, и никто почти не обращал на него внимания: среднего роста, худощавый, как подросток, хотя ему было за тридцать, ходил вечно в облезлых джинсах и мятой клетчатой рубашке, нахальный. Может, поэтому и начал заглядываться на Ксению, когда от кого-то узнал, кто ее отец, и с каждым днем все настойчивее, но она запросто отшила, едва он в очередной раз попытался проговорить.

— Максим, не старайся. За мной машина придет! — заносчиво сказала Ксения, зная, что должен заехать Семен на BMW.

Сообразительный, конечно, Максим понял ее высокомерие и отступился: мол, тогда не смею задерживать, а сам помаленьку отдалился, но в какой-то момент, осмелев, все-таки пригласил на чай, узнав, что ее муж уехал в командировку. Ксения потом ругала себя, что проболталась сослуживицам, когда муж отправился в Набережные Челны получать машины для автобазы. Подруги, видимо, и шепнули Максиму: мол, не теряйся. И он не растерялся, а она воспользовалась приглашением и поехала в гости. Думала, что он возьмет такси, а они долго ехали на автобусе. Мать Максима их встретила, видимо, предупрежденная сыном, поужинала с ними, а потом ушла в свою комнату, и более Ксения ее не видела в тот вечер. У нее действительно были мысли остаться на ночь. Она даже предварительно наврала Маргарите, что поедет навестить больную подругу, и попросила чем-нибудь занять дочку, но Виолка будто нарочно стала звонить каждые десять минут и ныть, что очень соскучилась.

— Извини, Макс, ничего сегодня не получится. Дочка плачет, домой зовет. Не могу я так! — вздохнула Ксения и начала одеваться.

Но обычно обходительный, вдруг часто задышавший Максим оказался диким и неотесанным. С неожиданным напором он приказал:

— Раздевайся!

Не дожидаясь, когда она начнет шевелиться, чуть ли не силой попытался стащить с нее одежду, что для Ксении было в новинку, но именно от этого она будто потеряла голову. Стеснительно поглядывая на Максима, сама быстро разделась, побросав одежду на стул и мимо стула, и упала в его объятия, показавшиеся сильными и крепкими. Произошло то, что ожидалось и желалось, и они лежали и приходили в себя, счастливо поглядывая друг на друга и улыбаясь. Вскоре Ксения попыталась подняться, чтобы собираться домой, но Максим резко и зло вновь опрокинул ее; она хотела что-то сказать, но он зажал ей рот поцелуем, и она ослабла, покорно сдалась, очень желая сдаться. Через полчаса она уже ехала от Максима на такси и долго потом дома рассказывала о якобы болевшей подруге.

— У нее, случаем, не ковид? — забеспокоилась Маргарита.

— Мам, я совсем, что ли, «ку-ку»?! Она на машине в аварию попала. Долго в больнице лежала, а теперь по квартире на костылях скачет.

Та встреча оказалась не единственной, и Ксения частенько навещала «больную» подругу, отчего Маргарита все чаще спрашивала:

— Как выздоравливает она? Уж что-то засиделась дома?! — и подозрительно посматривала на дочь, дожидаясь от нее откровений.

— Ей еще две операции делали, — отговорилась Ксения.

Но когда и Герман Михайлович заинтересовался частыми отлучками дочери, то Маргарита в один из вечеров навязчиво пристала к ней с допросом, и Ксения созналась во всем матери:

— А что мне делать, если Семен за месяц лишь раз позвонил?

— Но ведь позвонил же! Значит, живой, радуйся!

— Радуюсь, но на душе все равно беспокойно, и от одиночества с ума схожу.

— А ты как думала. В войну жены мужей годами ждали, а на чужих постелях не валялись. Эх, доча, доча... Прекращай. Гадко это, скверно. Хорошо еще, что отец не знает.

— Мне что, еще и ему доложить? Ему до нас и дела нет! Словно мы не существуем. Даже с внучкой перестал играть. Сам по себе живет.

— В общем, я тебе свое слово сказала. А далее сама думай, не маленькая.

Ксения не знала, рассказала ли мать отцу о ее похождениях, но заметила, что тот перестал вообще замечать ее. Она не могла знать, что творилось на душе у отца, потому что родители не посвящали ее в свои финансовые дела. Да она особо и не любопытничала, знала только, что дом в Барселоне отец продал, а деньги... И в нее будто кто-то стрельнул: деньги, где деньги?! Вот отчего отец сам не свой ходит. Поневоле задумаешься и озаботишься. А у него это, видимо, дальше пошло: о чем ни спросишь — либо молчит, либо отвечает невпопад. А как-то расплакался, рыдался, да так, что Маргарите пришлось вызывать «скорую». Какого-то особенного расстройства здоровья врач не обнаружила, сделала ему успокаивающий укол и посоветовала, не отрываясь от авторучки:

— Завтра обратитесь к участковому врачу и подумайте о поездке в санаторий, но сначала надо полечиться в клинике нервных заболеваний. Усталость накопилась у вас, и быстро от нее не избавиться. На ее фоне обострилась вегетососудистая дистония. Лучшее избавление от нее — покой и отдых, а лекарства за две-три недели значительно улучшат ваше состояние. Думаю, вы можете позволить себе качественное лечение. Я сейчас выпишу рекомендацию, а врач окончательно оформит направление.

— К психиатру?

— Зачем же так резко? Я же сказала: участковый терапевт подскажет, что необходимо делать.

Утром Маргарита мягко напомнила о вчерашнем визите врача, посоветовавшего лечить дистонию. И поторопила:

— Так что собирайся, дружок, надо тебе заняться здоровьем.

— Почему ты разговариваешь со мной таким тоном?! Ехидным и издевательским. Поеду я только на работу и никуда более!

— Обо всем подумал?

— Да, обо всем, обо всем!

— Тогда как хочешь, так и живи.

Но Герман Михайлович и на работу не поехал, устроив квартирный бунт. Начал бросаться обувью в жену и плевать в водителя, пришедшего на подмогу, а потом выхватил из-под подушки нож и пригрозил:

— Кто приблизится, жалеть не стану...

От него отшатнулись, а он, продолжая грозить, сел около кровати и неожиданно уснул, повалился на ковер, безвольно раскрыв рот. Привели его в чувства врач и два санитаря, вызванные Маргаритой, и почти сонного повезли в психиатрию. Герман Михайлович в машине крутил головой, оглядывая санитаров и указав на потолок «скорой», над крышей которой голосила сирена, попросил, будто они за кем-то гнались:

— Не упустите их!

Когда Германа поместили в клинику, Маргарите пришлось чуть ли не каждые пять минут объяснять звонившим мужу, что, мол, его госпитализировали с инфарктом и что более она ничего не может сказать. Доложила об этом и его секретарю, а та замучила вопросом:

— Нельзя ли перемолвиться с ним хотя бы двумя словами?

— Нельзя... Он находится в реанимации, и этим все сказано. А вы передайте его заму, чтобы тот временно взял на себя заботы по управлению фирмой, а как только у Германа Михайловича появится возможность, он позвонит.

Отключив телефон, Маргарита связалась с приемным покоем клиники:

— Недавно к вам поступил Герман Чернопут. Когда можно будет поговорить с его лечащим врачом?

— Сегодня вряд ли, — ответила женщина, как показалось, что-то жевавшая. — Приезжайте завтра в первой половине дня и обратитесь в регистратуру.

— Спасибо! — только и смогла сказать Маргарита и долго сидела, обдумывая ситуацию, не сулившую ничего хорошего.

Отвлек телефонный звонок. Посмотрела — номер незнакомый. Все-таки активировала.

— Здравствуйте, Маргарита Леонидовна!

— Вы кто?

— Подберезов я, Валентин... Звоню Герману Михайловичу и не могу дозвониться.

— Он в больнице с инфарктом. А вы по какому вопросу?

— Творческому... А он действительно в реанимации?

Маргарита спросила, не удосужив Подберезова ответом:

— И откуда у вас мой номер телефона?

— Герман Михайлович когда-то дал на всякий случай... Хотел у него узнать, как быть с деньгами, которые жертвуются в фонд?

— Деньгами распорядитесь так, как всегда распоряджались, — нашла она.

Отключив телефон, Маргарита ухмыльнулась, подумала о муже: «Ну и жук! Со всех сторон деньги гребет! Ведь ничего о фонде не говорил... И где же он деньги прячет? У этого Подберезова, что ли? Или в сейфе на работе?»

Мысль о деньгах, о которых она ничего не знала, начала преследовать ее. Если ранее они с Германом во всем доверяли друг другу, то теперь в ней закралось сомнение. «Вполне может быть, что это — не единственная неизвестная заначка, — подумала она, вспомнила дом в Барселоне и встрепенулась: — А может, и не продешевил, а припрятал деньги в тайном месте, а мне лапшу вешает. Хитроумный!» От всех душевных нестроений Маргарита решила на следующий день в клинику не ездить, обойтись телефонным разговором, предполагая, что вряд ли ее пустят к Герману в закрытой больнице. Решила — и правильно сделала.

Поговорила с лечащим врачом, раздобыв телефон отделения в регистратуре, и узнала, что Германа, как минимум, будут наблюдать около десяти дней, а если подтвердятся худшие подозрения, то оставят на два месяца, чтобы сложить полную картину течения болезни.

Словам доктора Маргарита верила и не верила. Ну не мог так быстро

человек лишится рассудка, если два-три дня назад был вполне здоровым — немного, правда, взвинченным, но с кем не бывает чего-то похожего. Тем не менее, немного успокоилась, рассчитывая на его скорое возвращение, и даже слегка злорадствовала в душе, вспоминая, как он в последние дни трепал нервы, хотя и без его заморочек хватало проблем. То с дочерью воевала, то внучку успокаивала, говоря, что папа вот-вот вернется из командировки, ничего конкретно не говоря о «непутевом» отце.

...Попаив с дюжиной зареченских казаков в добровольческий центр в Гудермесе, Семен через две недели уже называл их не как-то по-иному, а только «брат». Армейская спайка приходит через пот, это он знал по службе. Но именно теперь, набегавшись, наползавшись до судорог в ногах и руках, иногда под дождем, в грязи или по мокрому щебню, он по-настоящему понял суть военной службы. О себе он не думал до того момента, когда их сборные роты, в которых были и казаки, и бывшие краповые береты, и чеченцы-спецназовцы, посадили в транспортные самолеты и отправили в Ростов, а после доставили на боевую позицию под Рубежное. Здесь рядовой Прибылой потуже застегнул бронезилет, поглубже нахлобучил каску, проверил патроны в магазинах, в скоротечных и сумбурных мыслях представляя, как будет выглядеть его первый бой. Когда же в отделение прислали нескольких бойцов, успевших «понюхать пороха», это придало уверенности, словно подросли старшие братья, а с ними ничего не страшно.

Первое столкновение произошло совершенно неожиданно, когда его рота выдвинулась на «передок» и заняла вдоль лесополосы свежие окопы, из которых днем ранее выбили противника. Бойцы слышали свист мин со стороны зеленевшего перелеска и попадали на дно окопчиков. Ждали приказа на атаку, но пришлось самим отстреливаться, увидев фигурки врагов, продвигавшихся перебежками... Похоже, даже старшие командиры не ожидали появления на другой стороне балки противника. «Разведка боем!» — кто-то крикнул вдоль линии окопов, и поступил приказ ротного: «Приготовиться к отражению атаки!» До врагов было метров сто пятьдесят, надо было подпустить поближе, и Семен, дождавшись приказа «Огонь!», первым жажнул короткой очередью в полусогнутый абрис противника.

Справа и слева застучали автоматы; стрелять начали и в ответ, хотя кто и откуда стрелял — было практически не видно из-за прошлогоднего бурьяна; лишь сизый дым от выстрелов указывал на противника. Кто-то вскрикнул и застонал справа от Семена, и он увидел, как зажал окровавленную руку «краповый» Леха, ходивший в тельняшке с красными полосами.

— Ты как? — машинально крикнул Семен и увидел, как тот отмахнулся:

— Ерунда. Пуля срикошетила.

А далее, словно по команде, раздалось несколько выстрелов из гранатометов с нашей стороны. Видимо, поняв, что с наскака не удастся пробиться, подхватив обвисшего на руках раненого, противники начали отходить к лесу. Вскоре раненый совсем обмяк, и они его бросили. Огрызаясь из автоматов и подствольников, ранили еще одного нашего, и тоже в руку, осколком гранаты, но вскоре начался интенсивный обстрел с нашей стороны, отступавшие залегли, а в короткие перерывы между разрывами ломались через поле до следующего лога.

Этот короткий бой Семену показался бесконечным. Когда все вроде бы стихло — лишь на правом фланге бригады шла отдаленная перестрелка, — провели перекличку, и оказалось, что в их взводе несколько раненых. Их перевязали, а одного вывели в тыл и отправили на эвакуационной машине в медсанбат. Первый бой, как оказалось, не был самым трудным, но стал самым запоминающимся изо всех далее случившихся.

Семен воевал вторую неделю, когда ранили его самого: пуля прошила голень навывлет, задела артерию, он потерял много крови; из госпиталя его ночью переправили в Ростов, где прооперировали и, накачав лекарством, погрузили в сон. Чувствуя, что засыпает, он понял, что теперь жизнь вне опасности, надо хорошенько отоспаться, потом позвонить домой и ждать выздоровления. Жалел лишь об одном: что так быстро закончилась фронтовая эпопея.

На вторые сутки, кое-как оклемавшись, он позвонил жене, зная, что она на работе. Прежде Ксения всегда откликалась живо и радостно, а сейчас, услышав его голос, показалась совсем убитой, будто разговор с мужем ей в тягость. От этой тревожной новости Семену невольно подумалось, что она завела в его отсутствие кого-то и теперь муж ее совсем не радовал, тем более что он, по сути, бросил ее и, понятно, ожидать от жены в таком случае счастливого придыхания в голосе не приходилось. Так что какой-то жгучей обиды на ее равнодушие не было. И когда она сказала, что отец находится в клинике, ничего не изменилось в его душе.

— Ты-то где?

— В госпитале, в Ростове...

— Ой, что с тобой? Давно лежишь?

— Несколько дней с ранением в голень, много крови потерял, слабость есть.

— Как же ты так?

— Когда стреляют, бывает и хуже. Это уж кому как повезет.

Жена вдруг переменяла голос:

— Надо было раньше думать. А то герой выискался. Сбежал из дома, и где он, что с ним — гадай жена. И когда теперь домой?

— Недели две-три проторчу здесь. Врач говорит, что какой-то нерв разбит, от этого нога малоподвижная. Еще одну операцию будут делать: искать нерв и сшивать его. Так что выздоровление обещают, но нескорое. Надо будет потом реабилитацию проходить: прогревания, массаж и все такое. Что молчишь?

— Думаю, — не сразу отозвалась жена. — Может, к тебе приехать, навестить?

— Не тот случай. Скоро сам появлюсь.

— Приезжай скорей, будем с Виолкой ждать!

Поговорив, Семен откинулся на подушке, почувствовав, как вспотел от слабости, но на душе все равно было нестерпимо радостно.

Через несколько дней Ксения, обосновавшаяся у Максима, поехала домой навестить дочку, но ей об отце ничего пока говорить не стала, чтобы не выслушивать вопросы, на которые сама не знала ответов. Матери, конечно же, рассказала.

Маргарита, услышав о зяте, воскликнула, укорила дочь:

— А то сбежал, сбежал?! Вот и нашелся — сам позвонил, о дочке спрашивал. Радуйся!

— Не знаю, мама, что и делать из-за Максима? Прикипела, будто заново родилась...

— Как это понять?
— Счастлива, мам, я с ним. По-женски счастлива!
— У него, наверное, медовый месяц с тобой?! Покувыркается-покувыркается и охладает. У мужиков бывает так. Надоедает одна, за другой тащатся!
— Вот об этом ничего не могу сказать, а то, что есть, меня устраивает.
— «Устраивает» ее! Ты хотя бы думаешь, что говоришь-то? О Виолке совсем забыла, телячий задор навалился?!
— Если все сложится, ее к себе возьмем.
— Ой, как далеко заглядываешь-то? Какие планы грандиозные!
— Ладно, мам, разберусь. А ты, если не хочешь помочь, так и скажи. Тогда Виолку в садик отдам, на пятидневку!

Маргарита вздохнула, и Ксения поняла, что мать согласилась с ней, хотя куда ей деваться? «Ведь ей ничего не стоит понять дочь, ну, загулявшую, называй меня, как хочешь, но ведь мною движет обида. Как бы ты поступила, если бы отец уехал на войну, не объяснившись, тайно, отделившись лишь запиской! Это что, нормально? А ведь я живой человек, у меня собственная гордость имеется!» — думала Ксения, когда установилось напряженное молчание.

И чтобы освободиться от гнетущей неловкости, спросила:
— Как дела у отца?
— Кто мне чего говорит... «Проводится лечение...» — вот и весь сказ! Если было что-то серьезное, то, думаю, обязательно бы сказали.
— Не факт!
— Даже если это и так, что я могу сделать?! Не буду же я медикам указывать.

О Германе Михайловиче, его болезни они теперь говорили спокойно, как и о Максиме, и Ксения поняла, что мать окончательно согласилась с ней, приняла ее сторону, поэтому и в разговоре пропал оттенок непримиримости. Они вновь стали мамой и дочкой в лучшем понимании этого определения, и Ксения, когда уезжала, обняла ее:

— Люблю тебя, мам!

10

Германа в клинике ничего не удивило. Накаченный лекарствами, он проспал почти сутки с небольшими перерывами, а когда более или менее пришел в себя, то быстро освоился. К концу первой недели он все чаще вспоминал семью, работу, свой фонд, существовавший на словах и весь помещавшийся в его сейфе. Он думал обо всем сразу и по отдельности, желая сосредоточиться, понять, что важнее для него теперь и в будущем. Зная, что в скором времени его выпишут, он решил, что пора пересмотреть жизнь, оставить все хлопоты в прошлом и воспользоваться тем, что он оказался в клинике, а если уж это случилось, то необходимо запастись справкой о своей болезни и пожить остаток жизни для себя. А что? Разве плохо смотреть на всех свысока, в душе посмеиваясь. Тогда и о конкурсе можно забыть, а когда придет время подводить итоги, подводить их будет некому, так как он формально будет не готов к подобной процедуре из-за состояния здоровья. Поэтому, все рассчитав, он сказал Маргарите перед ее уходом после очередного визита:

— В следующий раз принеси пятьсот тысяч. Нужно кое-кого отблагодарить.

— И есть за что? Сумма-то крупная?! — засомневалась жена.

— Есть, есть... Ответственно говорю. Не затягивай с этим делом.

Чтобы она не сомневалась, он рассказал ей об особом плане, по которому его будущее решится легко и просто. Он попросит своего врача все устроить так, чтобы признать его шизофреником, пусть даже придется потомиться месяц-другой в клинике, но получить справку о болезни.

О многом передумал в госпитале и Семен Прибылой. Настроением он себя не баловал, да и причин не было, если стопа оставалась малоподвижной, и он ждал новой операции. И вот наконец-то обрадовали, после того как взяли анализы. Лечащий врач, майор медицинской службы, по-мальчишески коротко подстриженный, насмешливый не в меру, шепнул:

— Готовься завтра к бою... — И пояснил: — Будем нерв сшивать. Думаю, все пройдет нормально, и будешь ты в скором времени на танцульках с дамами отплясывать!

Операции из-за анестезии он ее не чувствовал, «замороженный» от поясницы до пяток, лишь слышал стук и звон инструментов, команды врача. Семен чуть не заснул, лежал действительно закрыв глаза и мечтал о том времени, когда попадет к жене и дочке, а потом съездит на несколько дней в поселок к родителям. Обнимется с ними, расцелуется, выпьет с отцом по рюмашке, поговорит с мамой, расскажет ей о Виолке. Говорить будет много, но ничего — о Донбассе, а если все-таки к тому времени будет хромать, скажет, что попал в аварию, чтобы не жечь родительские сердца испугом. Потом пройдет по родной улице, постоит на берегу речки, посмотрит на стрекоз и покормит маленьких утят хлебом... От приятных мечтаний он расслабился, забыл об операции и действительно задремал, а открыл глаза от голоса хирурга:

— Просыпайся, братец-кролик, пошли в футбол играть!

Семен промолчал, начал озираться, когда с него снимали покрывало и панель. Потом помогли сесть на столе, врач спросил о самочувствии, а Семен, сказав «нормально», попытался встать на ноги, но тот предостерег:

— Отставить! — И обратился к медсестре: — На каталку его!

Сестра отвезла в палату, помогла перебраться на кровать, а позже принесла костыли, пояснила:

— Сегодня они только для того, чтобы дойти до туалета. А в остальном необходимо соблюдать покой, а завтра доктор скажет, что надо делать и чего не надо.

Вскоре в палату пришла нянечка с тележкой, начала раздавать обед, но его предупредила, поставив суп и макароны с котлетой на тумбочку:

— Не торопись обедать, пока анестезия держится... Вот пройдет, тогда можешь немного поклевать.

Через несколько дней Семен ходил на костылях по коридору, а через неделю, после массажа и физиотерапии, ему сделали рентген стопы и разрешили слегка наступать на большую ногу, и он замечал, что стопа не отвисает — и радость от этого разливалась по душе необыкновенная.

Вскоре его выписали, наградили на дорогу тростью для страховки, и после суток, проведенных в поезде, он сошел на перрон в Сарматове. Его никто не встречал, потому что никому не сообщил о возвращении, решив, если уж уехал почти тайно, то так же и прибыть должен. И вообще: как только увидит жену, то сразу повинится перед ней.

Она открыла дверь на его звонок, увидев Семена, удивленно улыбнулась и отступила назад, пропуская в квартиру. Они обнялись, но не пыл-

ко, и поцеловались небрежно, вскользь, это ему не понравилось, и он сказал обиженно:

— А вот и я! Не ждала?!

— Ждала-ждала, — отговорила Ксения и крикнула, отложив цветы: — Виола, иди, посмотри, кто приехал!

Тотчас из комнат пулей выскочила дочурка и, спутав льняные волосы, повисла на шее у отца, а когда нацеловалась с ним, то укорила мать:

— Вот, мамочка, а ты говорила, что он не придет...

— Ну и врушка ты стала, доча!

— Нет, не врушка! — и прицелкнула языком.

На шум в прихожей выглянула Маргарита:

— Ну, здравствуй, молодец! Живой, здоровый! А то мы уж тут все испереживались! Как доехал? Что с ногой?

— Поезд довез! Вторую операцию делали. Как видите, сам добрался. Немного прихрамываю, конечно. Но динамика восстановления положительная.

— Вот и замечательно. Иди в душ, а я пока обед соберу.

К тому времени, когда он, сняв пакет с больной ноги, осторожно вышел из ванной комнаты, стол на кухне был накрыт.

Они выпили, перекусили, и теща вдруг стала собираться с внучкой на улицу, со значением поглядывая на дочь и зятя, но более на него. Она явно хотела оставить их одних, и Семен это понял, оценил. Как только ушла теща с дочкой, и Ксения начала собираться.

— Куда это? — удивился Прибылой.

— В Сарматов. К подруге с работы... Она сильно болеет, просила приехать, помочь ей надо.

— Более, что ли, некому?!

— Родители у нее дипломаты, в Аргентине служат, вот мне и приходится мотаться.

— Вообще-то я думал, что дипломаты в Москве живут... Надолго едешь?

— До вечера, а возможно, и на ночь останусь. Я тебя очень понимаю, да и сама соскучилась, вот завтра приеду, и вся ночь будет нашей. А чтобы ты не подумал бог знает что, этим можно заняться прямо сейчас, ведь мама неспроста Виолку увела.

— Мне почему-то казалось, что будет как-то по-иному... Но если есть такая необходимость, то езжай. Буду ждать.

— Не горюй! Сейчас все сделаем.

Она подошла к нему, обняла, обдала теплом, а он почувствовал, что сдерживать себя не в силах. Похоже, и она: приподняла юбку, облокотилась о стол, слегка оглянулась:

— Я готова!

Все произошло так быстро и постыдно, что потом он жалел, что поддался минутной слабости, уподобившись животному.

Вскоре она глянула на часы в комнате:

— Ой, опаздываю. Подруге укол давно пора делать.

Хотя Прибылому и жалко было отпускать жену, но видя, как она торопливо собирается, не стал ее удерживать и ныть не стал, проводил до двери, поцеловал.

Через полчаса она позвонила, сказала, чуть ли не рыдая:

— Семушка, дорогой, у меня не хватило сил сказать тебе всю правду. Прости за вранье. Не к подруге я еду, а к мужчине, уж извини — по-

любила, пока ты мотался на Украину. И ничего не могу с собой поделать. Я ждала твоего возвращения, переживала, когда ты попал в госпиталь, думала, к сегодняшнему времени улетучится моя влюбленность...

Далее он слушать ее не стал. Какое-то время сидел, ошарашенный, потом достал из бара бутылку водки и, налив в бокал для вина, одним махом — зло и радостно — выпил. Захмелев, позвонил родителям, ничего не звавшим о госпитале. Телефон взяла мама, удивилась:

— Вот и сынок долгожданный объявился! Ну и как ты, где пропал, мы с отцом уж заждались? Звонили несколько раз, сватья сказала, что ты срочно улетел в заграничную командировку.

— Мам, не переживай, все хорошо! Я вернулся. На днях приеду — все расскажу!

11

Когда Маргарита и Виолка пришли с прогулки, он, находясь в растерзанном состоянии, обрадовался возможности побыть с дочкой сегодня и завтра, когда теща поедет к мужу. В какой-то момент Маргарита вспомнила о дочери, спросила:

— А Ксюшка где?

Семен сперва промолчал, а потом все рассказал, потому что не нашел сил хранить это в себе. Маргарита же после откровений зятя не могла понять, как с ним говорить и зачем дочь все рассказала: бабьей хитрости-то, что ли, нет совсем? А от ее глупости у них теперь все по-серьезному закрутится. И Семен хорош — сразу в деревню собрался, птичек, что ли, давно не слышал? Впрочем, у нее своих волнений хватало, и Маргарита оставила Семена и на время забыла о молодых. Почему-то казалось: вот побесятся-побесятся и обломаются — не они первые, не они последние.

Она хотя и опечалилась, но ее в эти дни заботило совершенно другое — просьба мужа о деньгах, хотя он и объяснил, для чего они нужны. Но одно дело объяснить, а другое — понять, для кого они, за что, за какие заслуги? Подарки — это привычно, ну, можно заплатить, если какая-то операция намечалась. Все так. А что за необходимость деньги по ветру пустить?!

Утром до клиники она не доехала, а попросила водителя, вызванного с работы Германа, остановиться у салона красоты. Пусть ей пришлось полкилометра идти пешком, зато водитель — болтун и пустомеля — не расскажет о месте ее поездки. Она и подумать не могла, что ее поведение тому показалось подозрительным, тем более что не просила подождать, и он потихоньку проехал за ней следом. Когда же она скрылась в психдиспансере, все понял и, вернувшись в бизнес-центр, по секрету шепнул о новости Лене, а у той стойкое словесное недержание.

Маргарита же кое-как уговорила врача выйти в холл и было приготовила деньги, но хорошо, что сразу не отдала, а начала издали:

— Что-то не звонит мой муженек? — спросила она, оглядывая высокого и горбоносого врача с длинными, заложенными за уши волосами. Врач замаялся, жалеючи посмотрел на Маргариту:

— Он и не мог позвонить, так как вторые сутки содержится в изоляторе...

От такого ответа у нее сердце будто оторвалось и затрепетало на тоненькой жилке, она испуганно и тихо спросила, словно остерегалась, что их кто-то услышит:

— Что за причина?

— Вчера здоровье Германа Михайловича резко ухудшилось, его вернули из санаторного отделения, но потом наступил кризис, и мы были вынуждены поместить больного в изолятор. Должен вам признаться, что состояние его, значительно обострившееся, видимо, связано с утратой крупной суммы. Он постоянно твердит: «Сгорело бабло!» — и это, надо полагать, неспроста. У него были какие-то финансовые проблемы?

Рассыпаться в подробностях ей не хотелось, но все-таки сдержанно сказала:

— Да, относительные трудности имелись, но главное, думаю, — осложнение на работе... Кто-то влиятельный позарился на его компанию, а ведь он поднимал ее с нуля. Сами понимаете, сколько это стоило здоровья? Он старался-старался, и вдруг... Представьте, приходит дядя со стороны и подвигает. Любому-каждому станет обидно!

— Тогда вполне можно предположить, что это и повлияло на его здоровье. Кризисы, особенно финансовые, частенько гнут людей. Слаб человек, слаб. Но не все потеряно. Думаю, пары месяцев хватит, чтобы проследить динамику здоровья Германа Михайловича и понять его перспективы. Но сейчас важно добиться хотя бы относительной стабилизации, и она у него уже налицо, если вечером переводим его в обычную палату.

Он слегка поклонился, а она, сладко млея от мысли, что не надо расставаться с полумиллионом, все-таки приличия рада достала из сумочки пяти тысячную купюру, приготовленную на всякий случай, и вот этот случай представился. Она вплотную, будто случайно, приблизилась к врачу и опустила купюру, легко провалившуюся в оттопыренный глубокий карман халата, пояснив негромко:

— От души благодарю вас, Владимир Абрамович, за внимание к мужу!

— И вам спасибо за понимание! Будем на связи.

В клинику Маргарита вызвала такси и, пока шла до машины, чувствовала, как дрожат ноги. Никогда она не представляла, что попадет в такую ситуацию, ломавшую все планы и ожидания. «Что случилось? Почему такое происходит? Почему все так вдруг и резко меняется? Муж в психиатрической, дочь загуляла, зять раненым вернулся из Донбасса? Зачем, почему так сразу и резко поменялись люди? Или, может, они всегда такими были?! А теперь, когда настали испытания, все сразу раскрылись?»

Маргарита вернулась домой в полдень, но Семен обедать не собирался, о чем сразу сказал и указал на рюкзак в прихожей:

— Мы с Виолкой перекусили, так что она не голодная, а мне пора к родителям.

— Завтра бы утром и поехал!

— Сегодня вполне успею, езды-то на электричке два часа. Так что как раз к ужину попаду, обрадую предков.

— А на машине-то почему не едешь? Два месяца ждет в гараже!

— Все, отъездился. Ключи от машины, доверенность и техпаспорт на тумбочке.

— Семен, чего дуришь-то?! Ну, случилось. Ну, Ксюшка виновата, но она же повинилась, а повинную голову меч не сечет!

— Сечет, еще как сечет! Мне такая жена без надобности!

И Маргарита отмахнулась:

— Езжай, герой ты наш, другого от тебя и ожидать не приходится.

Зять ушел, обняв на дороге Виолку, а Маргарита прошла в спальню, легла на кровать и долго лежала, прижимая к себе плачущую внучку, хотела, но не могла собрать мысли в пучок.

На другой день, немного взбодрившись, она достала из укромного места под матрасом ключи от сейфа мужа, позвонила его секретарю, заказала пропуск и попросила прислать машину. Потом сама собралась и начала собирать внучку. Войдя в приемную кабинета мужа, она грустно поздоровалась:

— Елена, пришла по просьбе Германа Михайловича. Он просил забрать деньги из сейфа... — И добавила после паузы: — На лечение.

— Ой, господи, что случилось-то с ним, а то разговоры ходят разные? — Лена вспомнила, что шепнул ей вчера вернувшийся шофер, поделившийся догадкой.

— Инфаркт. Лежит в реанимации. Будут делать операцию. А если операция, значит, надо готовить деньги. Вот приехала за ними, с вашего позволения, конечно.

— Но у меня нет ключей от сейфа! — как чужой, резко ответила та Маргарите.

— Герман Михайлович передал. Вот они... — Она достала из сумки два массивных ключа, соединенных длинной цепочкой. — Верхний и нижний замки открываются одновременно.

— Забирайте, как я могу быть против, если это его личный сейф, а вы жена.

Суетясь от волнения, Маргарита раскрыла тяжелую дверь и чуть ли не ахнула от количества пачек, но виду не подала, сказала, как о нестоящем, радуясь, что прихватила объемную сумку:

— Думаю, здесь на операцию хватит...

Загородив собою сейф, Маргарита покидала пачки пятитысячных, двухтысячных в сумку, сунула в нее какие бумаги и, едва закрыв на молнию, вздохнула притворно:

— Нет бы в крупных купюрах, а то мелочевка.

— Может, вам чаю, а то у вас щеки горят?

— Нет-нет, водитель ждет... — отговорилась Маргарита.

— Ну как хотите, — не стала настаивать Лена и подала Виолке, рассматривавшей в аквариуме цветных рыбок, шоколадку.

Внучка только успела сказать «спасибо», как Маргарита схватила ее за руку и рванулась к выходу, словно ее могли остановить.

В машине внучка начала ныть:

— Почему у нас нет аквариума, я тоже рыбок хочу!

Маргарита могла наобещать ей сейчас что угодно, а сама пела в душе от радости, что не упустила своего, пусть и немного денег, но и такая сумма не будет лишней в семье. Перед домом вспомнились слова Подберезова, говорившего о деньгах, по-прежнему поступающих в фонд. Поэтому, приехав домой, сразу позвонила ему, но никто не взял трубку. Тогда раскрыла сумку, решив пересчитать деньги, но прежде взглянула на бумаги. Взглянула и ахнула: на одной список меценатов фонда, а на второй — выписка из испанского банка! Всмотрелась в сумму и, не веря себе, протерла глаза: без двадцатки пять миллионов евро значилось в выписке! «Ах паскудник, ах негодяй! — заочно заклеимила она мужа. — А то миллион, да и тот неполный...» Но ругалась в душе недолго, начала думать, как вернуть эти деньги, как ими завладеть, и возможно ли это в нынешнее сволочное время?

От мыслей отвлек звонок. Посмотрела — Подберезов.

— Слушаю вас!

— Вы звонили? У меня есть пропущенный звонок.

— Я сейчас от Германа Михайловича, он просил вам передать, чтобы все деньги, поступившие в фонд, вы привозили мне в любое удобное для вас время! — строго сказала она, будто собеседник стоял перед ней навытяжку.

— Обязательно-обязательно, Маргарита Леонидовна! По-иному и быть не может! — торопливо и угодливо пообещал Подберезов, зная, что ее муж находится в психической, и мстительно подумал, невольно вспомнив об отданной Герману сотке: «Но сперва свое верну, да с прицепом — как компенсацию за порчу нервов и стихийную трату времени! А потом и “Писатели Заречья” будут в моем кармане! Вот так всех держать буду!» — и, стиснув кулак, счастливо улыбнулся и вздохнул.

12

Настороженно подходил к родительскому дому на окраине поселка Семен Прибылой, представляя встречу с родителями, придумывая объяснение долгого отсутствия, когда даже не мог позвонить, а теперь чего ж — придется изворачиваться. Что он теперь скажет родителям: мол, на войне был?! Да у матери сразу сердце остановится, а отец, не поверив, переспросит: «Где-где?» — и, не дождавшись ответа, потянется за сигареткой. А что им еще сказать? Что рассчитался на работе? Что жена загуляла? Что, окончательно на все обозлившись, бросил разухабистую семейку, в которой каждый за себя?

Дверь рядом с воротами была заперта, Семен нажал кнопку звонка, услышал в открытую форточку звонок в доме и где-то совсем рядом хрипловатый голос отца:

— Это кто там?

— Открывай ворота, Иван Семеныч, не прогадаешь!

— Вот кто, оказывается, прибыл!

Отец хлыбстнул задвижкой, растворил дверь и отступил на шаг, пропуская сына:

— Ну, наконец-то, — вздохнул он. — А то уж заждались!

Они обнялись, в обнимку пошли к крыльцу, а навстречу мама — Вера Алексеевна.

— Вот и сынок приехал! — вздохнула она. — А чего же машину-то не загоняешь?

— Без машины сегодня... — он не стал объяснять причину, а она промолчала, не желая настырничать.

Скрывая хромоту, Семен вошел в дом, снял с плеча рюкзак, заглянул в ванную комнату, где помыл руки, умылся. Вернувшись, достал из рюкзака гостинцы. Повесил на спинке стула около кровати кое-что из одежды, поправил на серванте фотографию старшего брата Андрея, утонувшего пять лет назад... На какое-то время застыл, перебирая в памяти прежнюю жизнь, а встрепенулся от голоса мамы:

— Семушка, ты где? Иди ужинать, отец перед бутылкой волнуется...

Семен выпил с отцом лишь по рюмке — тому надо было утром на работу. Он принял бы еще одну, но в одиночку не стал.

— Как там за границей-то? — спросила Вера Алексеевна, когда мужики закусили. — А то сватья говорила, что теперь туда не очень-то и попадешь — война идет.

— Ну, не на все же они санкции-то навалили. Им ведь тоже надо существовать. Чего они без нашего газа, например, сделают. Привыкли на дармовщинку жить, а теперь газ-то кусается. Ну, это уж — за что, как говорится, боролись... Не все им других грабить да войны развязывать.

— Да-а, — вздохнул отец, поддерживая сына. — Прожили жизнь, горя не зная, а теперь вон какая заваруха. И чем все закончится — одному Богу известно.

— Нормально закончится. Западники все изоврались — уж не знают, что придумать, а врут-то из-за подлой сущности, всю свою грязь на нас вешают. Только ничего у них не выйдет, и победа будет за нами! — твердо сказал Семен и неожиданно спросил: — Как племяш-то поживает?

— А чего Женьку будет. Забегает иногда, только с ним особо и не поговоришь. Два слова скажет — и только видели его. О тебе спрашивал, когда, мол, Семен придет.

— Велосипед обещал ему, вот и спрашивает. Завтра сходим в торговый центр, посмотрим. Как его мать-то? Замуж не вышла?

— Не тот она человек, чтобы мужиков перебирать. Оленька-то в церковь зачастила. Как воскресенье подходит, так она спешит-торопится с утра в храм. И молчаливая стала. О чем ни спросишь, ответ один: «На все воля Божия...»

Они на какое-то время замолчали, и Семен подумал, что зря спросил о невестке, словно очень интересовался ею, хотя всегда она ему нравилась: тихая, спокойная, никогда голоса не повысит; даже, грешным делом, думал: «Вот бы мне такую жену! Забот бы не знал!»

После ужина за чаем особого разговора не получилось, хотя родители заметили его изменившееся настроение, но расспрашивать и что-то уточнять не решались, только спросили о Виолке, мол, как она? Подросла, наверное?

— Растет, чего ей делается...

— В садик водите? — спросила Вера Алексеевна.

— Дома с бабушкой занимается.

— И правильно! В садиках только ковид ловить. Теперь им и дети стали болеть — нигде от него не спасешься.

Спросив о внучке, иных вопросов родители не задавали. А что-то еще захочет сын рассказать — сам и расскажет, чего же неволить. Но он был не охоч до разговоров в этот вечер. Рано улегся спать и рано проснулся.

Лежа в постели, слышал, как отец и мать собираются на работу, и вставать не спешил, чтобы не мешаться под ногами. А как захлопнулась за ними дверь, то зашевелился и... неожиданно задремал.

Проснулся, когда солнышко заглядывало в комнату из верхнего угла рамы, усмехнулся: «Ну и даванул я!» Посмотрел время на смартфоне — половина одиннадцатого, помаленьку раскачался, позавтракал, вспомнил о племяннике, о том, что собирался к брату на могилку. Решил пока Женька не тревожить, чтоб не суетно было. После завтрака отправился, набрав на клумбе во дворе букет цветов. Помня слова мамы о том, что могилка ухожена, более ничего с собой брать не стал.

Когда оказался на месте, то долго стоял перед фотографией на памятнике, вспоминая брата. Он был старше на пять лет. Разница в детстве большая. Андрей уж был «женихом», а Семен только-только вырос из начальных классов. И никогда они не дрались, не жаловались друг на друга родителям. Уже позже, когда сам стал взрослым, Семен понял, что

брат похож характером на свою жену. Или она на него. В их семье никогда ничего не происходило шумного, неуправляемого — жизнь текла и текла широкой рекой, плавно и спокойно. Жили они в «двушке», доставшейся Ольге от бабушки, заработками большими не отличались: сама Оля работала в районном архиве, Андрей — электриком. Только бы жить и жить, да на зимней рыбалке Андрей провалился в полынью и выбраться не сумел... Воспоминания текли потоком, и Семен, перекрестившись над могилкой, пошел к выходу с кладбища, где перекрестился повторно.

Возвращаясь к привычной жизни, вспомнил о племяннике, позвонил ему. Тот звонку обрадовался, сразу спросил:

— Ты где?

— В Затеряеве... В торговый центр пойдем за велосипедом?

— Дядь Сем, конечно!

Через полчаса они встречаемся у входа в магазин.

— Ну, где велики продают, показывай?! — спросил Семен.

Они прошли в дальний угол, где у второго входа-выхода разноцветным табуном сгуртовались десятки велосипедов. Племянник тихо попросил:

— Дядя Сем, а можешь купить велик для взрослых с широкими шинами?

Семен знал, что такие велосипеды дорогие, но что он мог сказать племяшу, тем более, что сам когда-то обнадеежил.

— Не вижу проблем! — запросто сказал он. — Пойдем выбирать!

Выбирать тяжело, когда глаза разбегаются, но, просмотрев несколько, остановились на велике рубинового цвета. Он был немного тяжеловат и великоват для худенького Женьки, мальчишка засомневался, но Семен успокоил:

— Через год-другой будет то, что нужно! Не на месяц покупаем. Так что береги и в чужие руки не отдавай.

Женька вздохнул, когда выбрались с покупкой на улицу:

— Спасибо, дядь Сем!

— Пожалуйста, дорогой. Один доедешь до дома?

— Конечно! Что я, пацан, что ли, какой?!

— Тогда возьми... — он незаметно вложил ему в ладонь пяти тысячную купюру. — Не светись с ней, а то стационарные отнимут, отдай матери — пригодятся.

— Никто у меня не отнимет — все знают, что ты на крутой тачке едешь!

— Ну, хоть этим успокоил, — улыбнулся Семен и не стал разубеждать племяша. — Сделай обтяжку своей «машине» — гайки проверь. Если нужно — подтяни.

Посмотрев ему вслед, Семен неторопливо шел домой и радовался встрече с Женькой, радовался, что сумел помочь ему, и от этого легче на душе стало. Добравшись до дома, Семен понял, как устал. Он нагрел воды, умылся, попарил раненую ногу, а после, не разбирая кровати, прилег и незаметно проспал до самого возвращения матери с работы. Чуть позже позвонила Оля и долго благодарила за деньги и велосипед, правда, посетовала:

— На велосипед необязательно было тратиться, а то наш Женек плоховато стал учиться!

— Не переживай, Оль! Возраст у него сейчас такой, а так будет чем заняться.

Он еще немного поговорил, в разговоре вспомнил о своей дочке, сказал, что балованная стала, но Оля защитила ее:

— Она же такая прелесть у тебя! А то, что иногда балуется, — так она ребенок совсем. Да и у твоей Ксении не разбалуешься особенно — враз на место поставит.

Семен не стал развивать мысль о жене, дежурно спросив о ней самой, и, услышав: «Что со мной делается», начал закруглять разговор, и Оля это почувствовала, отозвалась:

— Ну, дорогой Семен, еще раз спасибо! Дай Бог тебе счастья!

Отключив телефон, Прибылой какое-то время сидел молча, вспоминая, как Оля сказала «наш Женек», слыша, как мама собирает ужин, как коротко поговорила по телефону с отцом, а потом заглянула в комнату:

— Пойдем ужинать! Отец просил не ждать его — задержится сегодня.

Поужинав, Семен вышел на улицу, долго сидел на крыльце, прислушиваясь к вечерним звукам засыпающего поселка. Невольно в мыслях перенесся к дочке, представив, как она сейчас воюет с Маргаритой, не желая укладываться спать. Он долго размышлял о семье Чернопута, вспоминая и хорошее, и не очень, и понимал, что все-таки привык ко всем. И если бы Ксения не закусила удила, то все нормально бы текло. Подумал так и укорил себя: «Да и я хорош! Чужим умом стал жить. Казаки мне в уши надули, и я уж побежал за ними, как послушная собачонка. И в результате — ни семьи, ни работы, и неясная впереди перспектива».

Все эти мысли преследовали Семена три недели, пока он жил в Затеряеве, и все сильнее его влекло к Виолке, к городской жизни. О ноге он почти забыл, хотя в первые дни мечтал показаться врачам, потому что она, натруженная за день, начинала ныть. Ей бы физиотерапию делать, как делали в госпитале. Но все это, конечно, мелочи, если нога перестала болеть и отекать, и теперь пришло время как-то налаживать дальнейшую жизнь.

На прощальный вечер позвали Олю с Женькой, приготовили шашлык, и ужин удался на славу. После, когда вышли из-за стола проводить гостей, Семен даже прокатился на Женькином велосипеде и видел, как мальчишка переживал:

— Дядя Сень, вы только поаккуратней!

— Молодец, парень, душой болеет за технику! — похвалил дед. — Забирай и более никому не отдавай.

Оля пошла догонять сына, Семен вызвался проводить. Женька то обгонял их, то отставал. Они остановились около подъезда.

Когда Ольга издали увидела подъезжавшего сына, то чмокнула Семена в щеку, и тот застыл от торопливого поцелуя, показавшегося неожиданно приятным.

Он так и возвращался домой с этим чувством, во многом изменившим его отношение к невестке.

На лавочке около ворот ждала Вера Алексеевна.

— Пошли, сынок, домой, а то уж стемнело — теперь от комарья отбоя не будет... Да и вставать тебе завтра рано.

Следующим утром, когда он возвращался в город, в электричке всколыхнул телефонный звонок, поломавший план, по которому он должен был встретиться на вокзале с хозяином съемной квартиры и посмотреть жилье. Звонила теща и попросила срочно приехать.

Семен спросил недовольным голосом, помня, как он расставался с ней:

— К чему такая спешка?

— Сразу и не расскажешь, дорогой Семушка. Сейчас позвонили из клиники и сообщили, что не стало Германа Михайловича... А я по рукам и ногам связана Виолкой, и столько хлопот сразу навалилось. Приезжай, помоги, ради Бога, управиться!

Семен хотел спросить о Ксении, мол, что же она не поможет, но не стал не только произносить ее имя, но даже упоминать. И упрашивать себя не стал заставлять.

— Скоро буду, — ответил он сухо, зная, что подъезжает к городу, и сразу позвонил хозяину квартиры, сказал, что на три-четыре дня откладывает осмотр из-за семейных обстоятельств.

— Сожалею, но и ждать без залога у меня нет возможности! — приуныл тот.

— Тогда извините...

Телефон отключили, а Семен подумал: «Три недели жил спокойно, а как собрался в город, началась катавасия!»

На вокзале он взял такси и через полчаса стоял у двери знакомой квартиры. Позвонил в дверь — заплаканная теща появилась на пороге, и Виолка выскочила из-за ее спины. Семен поцеловал и обнял дочку, а Маргарита запричитала по-деревенски:

— Это за что такие напасти валяются на мою голову, это чем же я так провинилась?

— Маргарита Леонидовна, не надо слез — ими делу не поможешь. А где Ксения?

— Эх, горе мое, горе. Говорила же ей не уезжай — нет, по-своему сделала. Вдвоем со своим Максимом неделю назад улетела в Испанию, чтобы деньги отца каким-то образом вытянуть. Взяла выписку из тамошнего банка, сказала, что у нее имеется доверенность на управление счетом и справка о недееспособности отца. А я и не знала, Герман Михайлович ничего не говорил. Прямых рейсов из Москвы теперь нет, так они через Ереван с пересадками.

— Много денег-то? — зачем-то спросил Семен и смутился. — Это я так спрашиваю, к слову.

— Много, Семен, много — из-за этого и душа болит. Голову как цып-лятам открутят — и знать ничего не будешь. Время-то какое?!

— Звонила она?

— Позвонила три дня назад. Сказала, что добрались до места, а как, что — сиди, мать, и гадай.

Пока они говорили, Виола пыталась их слушать и вдруг разревелась:

— Когда мама придет? — раз за разом спрашивала она и не хотела успокаиваться.

Еле-еле Семен успокоил ее, сказав, что деревенская бабушка с дедушкой не велели ей плакать. И вообще — такая большая девочка, а ведет себя как рева-корова. Когда дочка более или менее успокоилась, Семен спросил:

— Что с Германом Михайлович случилось?

— То и случилось, что невменяемым он стал. Я уж его более месяца не видела. В изоляторе держали... Говорят, что произошла остановка сердца. А как проверить? Да и никто проверять не будет! Так что, дорогой Семен, теперь только на тебя надежда. На работу мужу звонила, так секретарша со мной и разговаривать не захотела, лишь сказала, что назна-

чен конкурсный управляющий, будут банкротить фирму, — и бросила трубку. Когда муж был здоровым, то вокруг него все въюнами вертелись, а теперь никто и вспоминать не хочет. Ты вот хотя в прошлый раз отказался от машины, а теперь придется вспомнить о ней. Не упрямясь, пожалуйста. Ну не такси же нам брать на весь день.

Не хотел Семен связываться с чужой машиной, но и отказать в беде не мог. Ведь Маргарита ему ничего плохого ему не сделала, а что иногда ворчливой была — так теща ведь! Сходил он в гараж, выгнал BMW, протер пыль и вскоре подъехал к дому, и весь день потом машина простояла, потому что долго не могли определиться, где хоронить. Если в городе, то просили уйму денег, а далеко за городом не хотелось. Потом туда не наездишься. Решили кремировать, потому что людей почти не было проводить в последний путь Германа. Маргарита предложила и перекрестилась: «Прости меня, Господи!»

Когда вечером Семен отогнал машину в гараж, то, возвращаясь, вдруг подумал: «А ночевать-то мне где? Хочешь не хочешь, а придется к теще идти!» Думал, вспоминая, как уезжал от нее в деревню, что-нибудь скажет неприятное, укорит, но она даже полусловом не упомянула об этом. Вела себя так, что будто бы ничего не произошло. И это походило на нее. Она то вдруг всех собак спустит, то начнет пирогами кормить.

Когда он вернулся, она спросила:

— Работать-то не устроился?

— Нет... На прежней работе сказали, что взяли другого человека, а более я нигде и не узнавал особо, ведь только сегодня от родителей приехал.

— Приехал, а дальше что?

— Квартиру сниму, буду работу искать, нужно будет, у родителей пропишусь.

— Ты как был дурным, так им и остался. Погоди... — Маргарита вышла из-за стола, сходила в свою спальню и принесла какую-то папку и ключи, положила перед Семеном, а он даже не взглянул на них, обиженно сказал:

— Я же в прошлый раз отказался. Никаких мне ключей не надо — чего же непонятного-то?!

— Это другие ключи. От твоей квартиры. Герман Михайлович купил вам с Ксюшкой два года назад по «двушке» в новом доме, на всякий случай. Оформил на каждого по отдельности, но молчал, чтобы вы носы не задирали. Я исправно платила коммуналку и налоги, а теперь пришла пора сказать вам о них. Так что не надо снимать квартиру — деньги на ветер пускать. Если с нами жить не захочешь, то живи там, я тебе запретить не могу. Квартира в новой высотке на соседней улице, пять минут ходьбы. Так что всегда можешь с Виолкой пообщаться, а то я совсем с ней заматалась за последний месяц. Чего молчишь?

— Признаться, ошарашен! То у вас каждая копейка на учете, а то вдруг щедрость неимоверная. К чему бы это?

— Бывает так, когда жизнь круто меняется, и вдруг понимаешь, что все, к чему привыкла и стремилась, с неимоверной скоростью покатилося в пропасть, тогда и мысли иные приходят. И самое обидное, что ничего не можешь с этим поделать. А квартиры? Что квартиры... Этой нам с Виолкой хватит, а ты мне не чужой человек. Плохо, конечно, что у вас с Ксюшей непутево вышло, но отчасти и ты виноват. Сделал по-своему, а о жене и ребенке не подумал. Для любой женщины это обида великая.

— Все равно как-то не по себе...

— А что же ты о машине не спрашиваешь? Она ведь твоя, ты же это давно знаешь, если доверенность генеральная. Так что оформляй ее на себя и пользуйся. Мне не жалко. Может, когда нас с Виолкой прокатишь.

Проводили усопшего через день. В траурном зале крематория провожающих в последний путь было всего ничего: Маргарита (Виолку отдали на время соседям, чтобы не ранить чувства ребенка), несколько человек с работы Чернопута, Семен с отцом да московский брат усопшего с женой, приехавший скорее не проститься, а получить тысячу долларов, которые Герман при жизни так и не успел вернуть. Семен едва узнал Германа Михайловича — таким он выглядел изможденным, без привычных кудрей на себя мало похожий. Даже хотелось заплакать.

Поминали на квартире у Маргариты. Она прочитала по бумажке успокоительную молитву, предложила помянуть усопшего и расплакалась, и ее долго не могла успокоить даже Виолка, неожиданно ставшая серьезной и заботливой.

Московские гости остались ночевать у Маргариты, а Семен с отцом отправился к себе. Сперва Иван Семенович не понял, куда сын привел его, а потом, хотя и был под хмельком, все-таки удивился:

— Это чьи же хоромы, если в них распоряжаешься?

— Теперь мои, пап... Герман Михайлович оставил на память. Добрейший был человек.

14

Месяца хватило Семену Прибылому, чтобы выписаться из квартиры Маргариты, зарегистрироваться в собственной «двушке», а машину переоформить на себя. Беззаботную жизнь он принимал легко, но понимал, что она будет продолжаться ровно до того момента, пока есть деньги, хотя они, судя по остаткам на карточке, очень быстро таяли, поэтому устроился мастером ремонтного цеха на автобазе логистической компании. Он стал реже встречаться с дочкой, приезжая к ней в загородный дом в ЖAVORонки лишь по выходным.

О жене он старался не вспоминать: подал заявление в полицию о ее пропаже и вычеркнул из души. Невольно начал отслеживать события на Донбассе, хотя первое время после госпиталя и думать о них не хотел. Как-то и о казаках вспомнил, но, побывав у них, заметил, что многое изменилось за несколько месяцев. В апреле движение шло, особенно перед отправкой на Донбасс, а теперь и народу меньше, и настроение пропало.

Ни с кем не подружившись на работе, в будни Семен оставался один, приходя с работы, зависал в ютубе, и более всего его интересовали бои на Донбассе и под Херсоном. Он еще летом заметил, что снизился темп наступления, войска явно устали, хотя, надо думать, их периодически выводили на отдых и переформирование, но личного состава не хватало для растянутого более чем на тысячу километров фронта. И было понятно, что уж если с каждым днем страна все более втягивалась в конфликт, постоянно обострявшийся западным участием и мобилизацией с украинской стороны, то и самим необходима мобилизация, причем во всех смыслах.

Все это не давало покоя Семену. В какой-то момент у него вновь мелькнула идея отправиться на фронт и доделать прерванное дело, потому что не мог он спокойно относиться к тому, что происходило на юго-востоке Украины, к каждодневным обстрелам Донецка, Горловки, Макеевки и

других городов. Нацисты дотянулись и до Херсона, Мелитополя — везде и всюду им не давали покоя русские, хотя почти все они говорили на одном языке, ничем внешне не отличались, но в них жило главное отличие: проданная дьяволу душа. Именно это толкало их на безумные поступки, такие как постоянные обстрелы Запорожской атомной станции. Это-то как можно объяснить? Каким умом надо обладать, вернее отсутствием его, чтобы забыть обо всем на свете, даже о себе, своих семьях.

Чем сильнее Семен «накачивал» себя подобными мыслями, тем тревожнее становилось. Даже мелькнула мысль: «А не пойти ли вновь добровольцем?» Как-то заглянул к казакам, пытаюсь понять их настроение, но никого в офисе не увидел, кроме дежурного, сидящего на телефоне. Перекинулся с ним парой слов и понял, что все разъехались: кто на даче сидит, кто к теще на блины отправился.

— Вот с октября зашевелятся, — отозвался мухортый мужик, парящийся от жары в форме хорунжего и игравший в шахматы сам с собой.

— Тогда бывай здоров! — пожелал напоследок Прибылой и подумал: «Как бы поздно не было». И сразу отругал себя: «Чего это я? Раньше времени навожу тень на плетень, как отец говорит!»

Напряжение в стране от событий последних недель все обострялось, все сильнее возвышали голос неравнодушные люди. Вскоре и Верховный выступил с обращением к народу. Прозвучали слова о частичной мобилизации.

Со всех сторон слышалось:

— Теперь держись, мужики!

— Где наша не пропадала...

Семен прошел к директору автобазы, отложившему бумаги, спросил:

— Слыхали, Джоник Ашотович? Мобилизацию объявили. Частичную, но от этого мужикам не легче.

— Это мне теперь надо голову ломать. Тебе-то чего?! Вот если повестку пришлют, тогда другой разговор. Так что ни о чем таком не думай. Иди и работай!

Не стал Семен ему говорить, что если даже повестка задержится, то он вновь пойдет добровольцем, потому что тоска и неопределенность тревожили душу.

Вернувшись в стеклянный кабинет-кабинку в углу ремонтного цеха, зачем-то начал перебирать накладные и наколотые на дырокол заявки на обслуживание, словно ему уже пришла повестка и необходимо срочно покинуть рабочее место.

Тем временем об объявленной мобилизации поговорили-поговорили и занялись производственными делами, хотя каждый молодой мужик примерял на себя прозвучавшую новость.

15

Утром, когда он собирался на работу, позвонили в дверь, и столь неожиданный звонок отозвался тревожным сердцебиением. Открыл и увидел полицейского и курсанта военного училища.

— Прибылой Семен Иванович? — спросил он.

— Так и есть...

— Вам повестка о мобилизации. Прежде чем расписаться о получении, предъявите, пожалуйста, паспорт, — попросил полицейский.

Семен взял на полочке в прихожей приготовленный паспорт, отдал

лейтенанту. Тот полистал его, убедился, что данные верны, а курсант попросил:

— Распишитесь вот здесь.

Прибылой расписался, курсант оторвал корешок с подписью, а Семену отдал саму повестку, напомнил:

— На основании «Федерального закона о воинской обязанности и военной службе» вы обязаны явиться в Зареченский военный комиссариат завтра, то есть 23 сентября 2022 года, к восьми часам утра! Иметь при себе повестку, паспорт, военный билет...

Они ушли, а он вздохнул, опустил на банкетку и какое-то время сидел в оцепенении. Пытался разложить по порядку предстоящий день, но в голове полный сумбур, и ясно просматривалась лишь одна мысль: «Надо ехать на работу!» Он попытался позавтракать, но лишь выпил чашку кофе и поехал на базу. В ремзону не стал заходить, сразу поднялся к директору и, поздоровавшись, положил повестку на стол.

Не читая, Джоник Ашотович, сморщив худое и без того морщинистое лицо, взглянул на бумагу:

— Что могу сказать? В другое время, Семен Иванович, на тебя бронь определили бы, но пока такой команды нет, да и вряд ли она будет. Ведь у нас частная компания, хотя есть ли теперь нечастные? Иди в бухгалтерию, получай причитающиеся деньги, но учти, что трудовая книжка остается у нас, и когда вернешься, займешь нынешнюю должность. Это, так сказать, официальная часть, а от себя скажу, дорогой Семен: возвращайся поскорее живым и невредимым, с победой! Будем ждать тебя! — Он поднялся из-за стола, подал, напутствуя, руку, обнял: — Береги себя!

В бухгалтерии, где получили указание начальника, его вместе с еще одним мобилизованным — водителем из первой автоколонны — рассчитали. Вскоре появившаяся кассирша выдала причитающиеся наличными — и все, летите, орлы! Водителя, всего лишь год назад дембельнувшегося со срочной, звали Анатолием, он предложил отметить мобилизацию, но Семен отказался, сказав, что за рулем. Вернулся в ремзону, поговорил напоследок с мужиками и пошел к проходной.

Семен заехал к теще, пытаясь коротко, намеками объяснить ситуацию, чтобы дочка ни о чем не догадалась, и заметил, как белолицая Маргарита сразу потемнела лицом.

— Беда, беда... Может, тебе какая отсрочка полагается? Чего же я одна, — она кивнула на внучку, — с ней буду делать?! А если с самой, не дай бог, что случится. Что тогда?!

— К сватьям обращайтесь. Всегда помогут. Телефон-то есть? Проверьте!

Она проверила, вздохнула:

— Вот они: Иван Семенович и Вера Алексеевна.

— Все правильно. — Он написал на листке их адрес. — Это на всякий случай. К тому же в Москве у вас есть деверь, кажется, так называется брат Германа Михайловича.

— Да ну его... Ненадежный человек.

— Ненадежный сейчас, но все может измениться. Ладно, пойду машину в гараж отгоню, заодно Виолку прокачу. Доча, если хочешь прокачаться, одевайся!

— А пончиков купим?

— Обязательно, как без них.

Они быстро доехали до гаража, Семен хотел отсоединить аккумуля-

тор, но он был спрятан так глубоко под задним сиденьем, что не сразу его извлечешь. Хотя зачем? Не год и не два он собирается воевать.

Оставив машину, они заглянули в палатку рядом с магазином, где он купил пакет пончиков. Потом вышли в сквер и уютно усьелись на освещенную солнцем скамейку.

После того как Семен вернулся из Затеряева, он мало приглядывался к облакам, лужайкам, аллеям, а сейчас заметил, что пришла настоящая осень, если клены и липы закутались в золотые, искрящиеся на солнце одежды. Да и под ногами было разбросано много цветастых листьев, а среди них — почти незаметные, слетевшиеся воробьи: скачут бочком, склонив голову, заглядывают в глаза — выпрашивают угощение. Покрошил Семен пончик, отдал дочке, и она, словно курам, принялась разбрасывать угощение птичкам, устраивая среди воробьев кутерьму.

Когда угощение закончилось, Виолка попросила:

— Давай еще покормим воробьишек!

— Хватит, они уже наелись, видишь, как перышки чистят и прихорашиваются. Да и мало пончиков осталось — как раз бабушку угостить.

Пока они гуляли, Маргарита собрала обед, вскоре все сидели за столом. Семен грустно поглядывал на дочь, теща его взгляд перехватила, сморщилась, покачала головой, печальным видом будто говорила о скором расставании.

Он вроде бы все сказал, но уходить не хотелось. Виолка все это время не отходила от него, он прижимал ее к себе, напоследок обговаривая с Маргаритой бытовые мелочи, и не было сил сказать: «До скорой встречи!» Теща вполне поняла его состояние и перекрестила, вложила в карман куртки бумагу, завернутую в целлофан, пояснила:

— Это «Живые помощи»! Всегда держи при себе, а лучше выучи и повторяй в трудную минуту... Храни тебя Господь!

Семен понял, что Маргарита искренне переживает за него, и по-новьи обнял ее, потом подхватил и поцеловал Виолку, вздохнул:

— Мне пора. Будет возможность, позвоню! — и поспешил выйти из квартиры; не дожидаясь лифта, побежал по ступенькам.

Тревога, печаль расставания — все в нем смешалось. Даже не верилось, что так быстро жизнь может изменить семью, выхолостить ее, превратить из беззаботной в полную тревог и неизвестности. Тесть отошел в мир иной, жена, пусть и неверная, пропала. Была бы она рядом с Виолой, было бы спокойнее, а если что-то случится с Маргаритой... Даже думать не хотелось об этом.

В квартире он начал потихоньку собираться в дорогу: приготовил куртку, брюки, берцы, свитер, достал вязаную шапочку, порыскав по шкафу, нашел две пары белья, несколько пар носков, добавил «рыльно-мыльные» принадлежности, ложку, кружку, перочинный нож. Что еще взять? Да разве все предусмотреть!

Чтобы не слоняться по квартире и не тосковать впустую, позвонил отцу и как можно спокойнее сказал, что получил повестку, завтра отправляется. Отец выслушал его и ничего сразу не сказал, словно не понял, а потом встрепенулся:

— Скажи, где, когда — приедем с матерью проводить тебя!

— Пап, спасибо, но, честное слово, не хочется видеть мамины слезы. Лучше вот что имей в виду: позванивайте Маргарите, а то она одна осталась с Виолкой.

— А где же Ксения?

— Нет ее. Поехала в Испанию, и ни слуха от нее, ни духа. Так что позвоните Маргарите, поддержите ее.

— Позвонить-то позвоним и, в случае чего, выручим — родные все-таки, а вот что жена твоя пропала — это непорядок. Написали хотя бы заявление в полицию?

— Пап, давно написали, хотя сейчас такое время, что трудно ожидать чего-то определенного, тем более искать концы в Европе. Ладно, надеюсь, все будет хорошо. Постарайся успокоить маму, скажи ей, что скоро вернусь. Целую вас! Мне надо собираться.

— Погоди, где твой военкомат?

— В Заречье. Почтовая... Все-таки хочешь приехать?!

— А как бы ты поступил, если сын на фронт уходит? На какое время назначено?

— К восьми...

— Вот и хорошо, завтра увидимся. Взял бы и мать, но она приболела. Так что до встречи.

Семен вздохнул:

— Ладно, пап, до завтра!

16

Поднялся он задолго до отправления. Попил кофе, перекусил, потом отключил холодильник, перекрыл воду, вырубил электричество, закрыл окна, сказал сам себе:

— Присяду на дорожку!

До военкомата он добрался на маршрутке, где к этому часу сошлось изрядно народу, и почти у дверей чуть ли не столкнулся с отцом.

— О, привет, Иван Семенович! Ты уже здесь?!

— А я было звонить тебе хотел...

Они обнялись, и отец потянул его за собой к выходу со двора:

— Давно тебя ждем! Я ведь с матерью приехал. Пойдем, поговори с ней! Она почти ходить не может — радикулит перекошил, еле до машины довел.

Они вышли за ограду, а за ней машины в ряд к бордюру приткнулись, и мама из знакомой легковушки машет. Семен распахнул дверцу, обнял свою родимую, а она сразу слезами зашлась; отец закурил.

— Как же так, сынок, получилось, что покидаешь нас? По своей воле или как?

— Мам, разве не слышала о мобилизации?

— Это что же — война пришла, а мы живем и знать ничего не знаем. Где-то что-то происходит, нас не касается, думали, что всегда так будет.

— Ну вот коснулось. И ничего изменить нельзя: закон есть закон.

— Как же жалко тебя. Ты ведь у меня один теперь, вся надежда на тебя была, когда Андрея не стало, а теперь и тебя забирают!

— Мам, да вернусь я, никуда не денусь. Я ведь не пацан какой... — Он еще что-то говорил, а она, похоже, не слышала — утирала платочком слезы и беззвучно рыдала.

Семен обнял отца, поцеловал мать, несильно прижав к себе, и словно попросил извинения:

— Пора!

На медкомиссии в военкомате из врачей Семен опасался хирурга и невропатолога. Терапевта он прошел легко, а эти вполне могли придраться

к раненой ноге: когда, при каких обстоятельствах была проведена операция, как проходила реабилитация.

На его счастье, невропатолога не оказалось, а на вопрос хирурга, были или нет переломы, скороговоркой ответил: «Нет, не было...»

— У вас вот отмечено, что вы участник СВО. Давно вернулись? И по какой причине?

— Добровольцем был, но недолго... Ранение в голень.

Врач вышел из-за стола, осмотрел ногу, спросил:

— Кость была задета?

— Нет...

— Но шрам почему-то обширный.

Врач, видно, был опытным, внимательно посмотрел в глаза Прибылому, будто сказал: «Лукавишь, братец!» — и попросил:

— Вытяните руки вперед и присядьте несколько раз!

Просьбу Семен послушно и резво выполнил, а врач, что-то записав, отдал ему «бегунок» и махнул рукой, мол, проходите далее.

С легкой душой прошел Семен в зал, где собирались прошедшие медкомиссию. Народ разный, и по-разному вели себя мужики: кто ел, кто дремал — и ни одного знакомого.

После часа ожидания появился невысокий новичок с навьюченным рюкзаком выше головы; приглядевшись к нему, Семен узнал водителя со своей базы, предлагавшего отметить мобилизацию. Махнул ему рукой — тот увидел его, подошел и заулыбался:

— Один знакомый есть!

— Рад видеть, Анатолий!

Поздоровались. Тот сел рядом, попросил:

— Семен Иванович, называйте меня Толян — мне так привычнее.

— Тогда и я буду просто Семеном. В какую команду зачислили?

— Мотострелок я, буду за танками пыль глотать да на бэтэрах задок морозить, а в перерывах в землю закапываться. Хотя до конца не знаю, куда меня записали. Может, сразу в водители. Я бы согласился!

— Значит, мы с тобой коллеги. Смотришь, вместе попадем.

— Неплохо бы, если уж такая масть пошла.

Семен подумал, что ему, в общем-то, все равно, куда направят, не для того он сюда пришел, чтобы торговаться и выпрашивать для себя хлебное место. Правильно ведь Толян сказал: какая масть придет, так и будет. Из-за таких слов «коллеги», заранее остригшегося наголо, отчего рыжеватые волосы почти не были заметны, Семен по-иному присмотрелся к нему: мелкий, кособокий на вид и говорит, через слово матюгаясь, а все равно в нем чувствовался характер и надежность. И еще подумалось о том, что среди многих тысяч воинов Толян будет единственным знакомым, к тому же земляк — это многое значит.

Они пробыли в военкомате почти до обеда, когда началась, как сказал Толян, «движуха», и вскоре прозвучала команда дежурного офицера: «Выходи строиться!» Все они, утомившиеся от ожидания, устремились к дверям, на свежий воздух, и построились перед зданием военкомата в четыре шеренги без соблюдения ранжира.

После напутственных слов чиновников, военкома и священника им оставили несколько минут на общение с родственниками.

Когда духовой оркестр заиграл марш «Прощание славянки», Семен подумал: «Вот и началась другая жизнь!»

Через неделю после мобилизации Семена Маргарите пришло странное письмо без обратного адреса, лишь штемпель московский. Она редко заглядывала в почтовый ящик, очищая его от рекламных газет и листовок, и ждала в середине месяца «жировки». А тут словно кто надоумил заглянуть неурочно. Дверцу открыла, а там письмо, и почему-то сразу подумала о Ксении, потому что почти никогда им обычных писем не присылали. Не зная, что и думать, затрясшись от волнения, она торопливо распечатала конверт и вlepилась читать неровные строки, написанные женской рукой.

«Здравствуйте, Маргарита (простите, забыла ваше отчество), пишет вам девушка, знавшая вашу дочь Ксению. Правда, знакомство наше было случайным и продолжалось недолго, тем не менее, судьба Ксении запала мне в душу. К сожалению, всего я не запомнила, общалась с ней, но и то, что она успела рассказать, потрясло. Она какое-то время назад летала в Барселону со своим парнем, чтобы попытаться получить вклад отца в тамошнем банке. Хотя у нее была доверенность на управление счетом, но из-за санкций счет был заблокирован. Тогда какие-то темные личности подкатили к ним с предложением о сделке: Ксения написала им доверенность на пользование вкладом, а за услугу — пятьдесят процентов суммы, а это несколько миллионов евро, но ей ничего не оставалось, как согласиться. Особенно настаивал ее молодой человек, Максим, кажется. Когда деньги были получены, то им обещали помочь добраться, минуя таможду, до Стамбула на морском лайнере, где у тех людей были связи. Ничего не подозревая, Ксения с Максимом поднялись на борт теплохода, где их развели по разным каютам, и более Ксения не видела его, как и рюкзак с деньгами, бывший при нем. Когда же она стала искать, требовать Максима, ее попросили успокоиться, дали попить воды, говоря, что он вот-вот появится, но далее она ничего не помнила. Пришла в себя только в душевной комнате с неизвестными мужчинами. Они помогли ей прийти в себя, сказали, что ее спутник погиб, вывалившись за борт в открытое море. К сожалению, вместе с рюкзаком. Ксения закатила истерику, попросила, но обнаружив своего паспорта, вернуть его; в ответ на это они только рассмеялись, сказали, что надо отработать путешествие на комфортабельном теплоходе в массажном кабинете. Ее познакомили с нами, такими же невольницами из России и Молдовы. Когда она поняла, где оказалась, то попыталась сбежать, но усилия были тщетны. Ее избili до беспамятства, изнасиловали (простите за такие подробности). Придя в себя, она отказалась обслуживать клиентов. Тогда же попросила, зная, что меня скоро должны выкупить, все рассказать вам. Записку с адресом я спрятала в закладке. Через день ее вновь избili и куда-то увезли. Нам сказали, что эту строптивую отправили в Россию. Но мы-то знали о тамошних порядках, и скорее всего, Ксению просто уничтожили... Маргарита, я вполне могу понять ваше состояние, но будьте снисходительны — я всего лишь выполняю просьбу Ксении. Мне это горько писать, и я не сразу решилась, но знаю, как переживают матери, когда пропадают их дочери, как переживала моя мама. И хорошо, что нашелся человек, вызволивший меня из тамошнего ада. Хочу предупредить вас, что паспорт Ксении остался у тех негодяев, и они легко могут расправиться с вами и вашей семьей.

если будете предпринимать какие-то действия по поиску Ксении. Они страшные люди и готовы на все. Ксению теперь уж, видимо, не вернуть, но у нее есть дочка — берегите себя ради нее. И, пожалуйста, это письмо уничтожьте и не упоминайте о нем ни в телефонных разговорах, ни в интернете — нигде. Прощайте».

Уронив безымянное письмо, Маргарита опустила на стул, беззвучно зарыдала, не желая верить в прочитанное. Сразу пришли мысли, что всю эту историю могли сочинить мошенники, надеясь развести ее на деньги, хотя автор анонимки ничего не требовала и, наоборот, просила забыть ее, а написанное уничтожить.

Подбежала Виолка, удивилась:

— Бабушка, почему ты плачешь?

— Головка у меня разболелась, пойду полежу... — Маргарита обняла внучку и зарыдала по-настоящему.

Взяв, наконец, себя в руки, она невольно подумала о Максиме и его возможной роли во всей этой жуткой истории. Ведь он пропал вместе с деньгами, как было ясно сказано в письме. Маргарита было решила позвонить его матери, но вспомнила предостережение незнакомки даже не пытаться разрулить эту ситуацию и никому не говорить о ней по телефону.

Надо самой ехать, решила она. Что ж, ехать, так ехать, тем более что наступил вечер, и мать Максима должна быть дома.

Одела Виолку, сама оделась, вызвала такси.

Вскоре нашла нужный дом, квартиру и, позвонив в дверь, услышала усталый женский голос:

— Кто там?

Маргарита представилась, дверь распахнулась, и хозяйка спросила с порога:

— Ну и что вы от меня хотите?

— Узнать о вашем сыне Максиме, может, какая-то весточка от него приходила, а то как улетел он с Ксенией — ни от кого из них ни слуху ни духу.

— К сожалению, мне ничего не известно. Так что ничем помочь не могу. И попрошу вас, Маргарита Леонидовна, более меня не тревожить. Мне самой не до себя.

— Извините... — только и могла сказать Маргарита, и ей сделалось необыкновенно горько на душе и окончательно тоскливо.

Уже на обратном пути она вспомнила про Семена: умный человек, бывалый и вполне может ей что-нибудь дельное посоветовать. Но вот опять же — телефон светить не хотелось, ведь Семен по-прежнему официально оставался мужем Ксении.

И все-таки, добравшись до дому, решила, потому что никаких иных вариантов не оставалось, а от безвыходности что хочешь сделаешь — будь что будет.

Когда набрала номер Семена, то сразу услышала его голос:

— Кто это?

— Семен, это Маргарита Леонидовна. Звоню с другого телефона, так уж получилось... У меня, у нас с тобой большое несчастье. Сегодня пришло письмо от незнакомой женщины, и лучше бы я не читала его. — Маргарита пересказала содержание и зарыдала.

— Погодите... И обратный адрес не указан, и имя не обозначено?

— Ничего — полная тайна... Я бы и не обращалась к тебе, но я совсем одна, родители твои далеко, а вдруг что-то случится со мной? Как тогда с Виолкой быть?

— Сделаем так! Для начала успокойтесь. На всякий случай напишите номера телефонов всех близких вам людей и повесьте их на видном месте. А вообще-то не переживайте. Уверен, все будет хорошо!

— Ты-то где? Все последние дни думала о тебе!

— Пока в нашей области на сборах, на полигоне тренируемся. Скоро отправка намечается.

— Обнимаю тебя, дорогой зять! Что бы я делала без тебя!

Его окликнули:

— Прибылой, хватит болтать! Становись в строй!

Маргарита после разговора с зятем немного успокоилась, если это можно назвать успокоением, вспомнила, что в разговоре с Семеном упомянула Бога, и подумалось в эту минуту, что неспроста упомянула, что-то на душе тяжелое висит, а что — сразу не понять. Она уж готовила Виолку ко сну, и вдруг как стрельнуло: «Грехов на мне много, в лукавстве погрязла, всю жизнь с Германом только под себя гребли. А помнили бы всегда о Боге, глядишь, по-иному все пошло, более справедливо и радостно».

Эта мысль словно осветила ее изнутри, захотелось сделать что-то необычное — такое, что потом долго бы радовало, помогало в трудную минуту. И вдруг она вспомнила Подберезова и то, как несправедливо поступила с ним, когда он недавно требовал возврата денег.

Схватила смартфон, пролистав входящие и вызвала Подберезова.

Когда ответили, Маргарита сказала:

— Валентин, это вы?

— Да, он самый...

— Вам звонит Маргарита Леонидовна Чернопут. О вас очень хорошо отзывался покойный Герман Михайлович, вы бывали у нас в гостях, можно сказать, друг семьи, и как-то нехорошо получилось... Помните недавний разговор о деньгах? Извиняюсь, что произошла ошибка, но теперь она будет исправлена. Так что приезжайте в любое удобное для вас время, и этот вопрос будет решен.

Подберезов прискакал на следующее утро: глаза горят, волосы ко лбу прилипли. Позвонил в дверь — и сразу с порога:

— Вот и я!

Маргарита пригласила его попить чаю, но он отказался, не раздеваясь схватил конверт и повернулся к выходу.

— Погодите! — остановила его Маргарита. — Я вас попрошу, учитывая дружеские отношения, не оглашать сегодняшнюю встречу, а то пойдет слух по городу, что вдова Чернопута деньгами разбрасывается, а я, поверьте, знать ничего не знаю о них. Это только вам могу поверить на слово, а ведь кто-то недобросовестный может воспользоваться этим ходом и придумать от себя небывлицу, и Бог не поможет! — сказала она и пожалела, когда Подберезов исчез: «Рано у Бога просить защиты, напутано у меня в душе, беспокойно, кто бы помог разобраться, но пока нет такого человека».

Шестого октября за мобилизованными закрепили оружие, сделав соответствующую запись в воинском билете, объявили, что до утра их доставят к ближним подступам передовой, где они вольются в подразделения своего батальона. В первую партию отобрали в основном мотострелков и водителей, служивших в горячих точках, бывших контрактников

и недавно отслуживших — всех тех, кого особенно и готовить не надо. И Прибылой, и Толян Кочнев (Семен только на полигоне узнал его фамилию) попали в эту партию и договорились по возможности держаться вместе.

Перед отправкой их построили, от командира полигона прозвучало напутствие, священник прошелся вдоль шеренг и окропил их святой водой. Из нескольких автобусов сформировали колонну, вскоре за окнами замелькали осенние пейзажи, украшенные росчерками золотистых берез да осинников.

— Эх, сейчас бы за грибками в лес сойти, набрать на жарешку! — мечтал Толян.

Он, наверное, думал, что кто-то поддержит его в разговоре, но не оказалось охочих до пустой болтовни. Поэтому не прошло и получаса, как все в автобусах спали, получив указание о запрете пользования мобильниками, которые с прибытием в зону боевых действий вообще отберут.

Они ехали остаток дня, ночь, а под утро, прежде чем пересечь из автобусов на тентованные КамАЗы, офицеры коротко объяснили ситуацию там, куда они вскоре выдвинутся. Второму взводу второй роты третьего батальона, куда попал Прибылой и Кочнев, ситуацию довел капитан, появившийся вместе с лейтенантом.

Он построил второй взвод и отрекомендовался:

— Капитан Тундряков — командир роты, хочу представить вашего непосредственного командира — лейтенанта Акимова. После перерыва, связанного с ранением и излечением, он вернулся в строй и, думаю, будет вам примером. Сегодняшней ночью пополнение нашего батальона выдвигается к линии фронта и вольется в подразделения бригады. Ситуация, бойцы, такова: на линии автодороги Хватово — Временная силы противника заканчивают перегруппировку для дальнейшего наступления на эти города. Наша задача — сдержать их. А теперь проверьте вооружение и подгонку обмундирования — и по машинам!

Около часа добирались в район боевых действий, после чего бойцы спешили, построились в колонну по двое и молча начали выдвигаться к передней линии. Гул машин, прорезавших синим светом узких фар волглое от тумана пространство, давно отдалился, а они шагали и шагали, оступаясь и спотыкаясь, вдоль опушки за лейтенантом и, наверное, через час вышли к окопам, где началось «братание» со старожилками; те обнимали прибывавших и радостно приговаривали:

— Вот и подмога прибыла! Вместе мы сила!

В темноте, конечно, никого не запомнишь и не разглядишь, зато лейтенант словно вырос здесь. Одно отделение рассредоточил слева, второе — справа, и только с наступлением рассвета начали разглядывать друг друга, привыкая. Все то время, пока они знакомились и дербанили сухпай, то вдалеке, то ближе раздавались взрывы снарядов. Иногда справа и слева стучали автоматы, поэтому никто из окопов не высывался. Когда рассвело и прилетели первые мины, все укрылись в блиндажах, отнорках. А когда огонь союзной артиллерии и минометов прекратился, раздался голос лейтенанта Акимова:

— Взвод, к бою!

Бойцы заняли места у брустверов, и Толян, горячая голова, высунулся и крикнул, увидев наступавших:

— Закопошились, суки!

Заработали гранатометы. Семен чуть ли не радостно подумал: «Вот и

началось!» — и, взяв на мушку ближайшего врага, ломившегося сбоку от БТРа, угостил его двумя короткими очередями.

До обеда противник наступал не раз, оставил два подбитых бронетранспортера, нескольких убитых и одного раненого, звавшего на помощь, привлекая внимание болтавшейся рукой, как заведенной. Но вскоре он, видимо, упокоился, и никто не обращал на него внимания, даже не смотрел в ту сторону.

Во время «отжимания» наступавших во втором взводе ранило двух бойцов. Одного, с пробитым плечом, эвакуировали, другому осколком посеколо руку, но не опасно, и он, выделяясь белой повязкой с проступившей запекшейся кровью, сидел на уступе бледный, осунувшийся — скорее не от боли, а от каких-то своих мыслей.

Зато Толян Кочнев весь взвод взбаламутил.

— Смотрите, что сделали мрази?! — и показывал верх каски, пробитой пулей навывлет. — Ненавижу их, ох как ненавижу! Пусть живыми не попадают!

В какой-то момент его осадил Семен:

— Хватит верещать! И каску надень, а то пальные пули только и ждут момента.

— Да никто же не стреляет!

— Во-во, зато снайпера не дремлют, только и ждут таких лохов. Пока только каску пощекотали, а не ровен час, и башку снесут. И вообще, бери котелок, пошли за обедом. На край, говорят, термосы привезли.

Они долго петляли окопами, а потом за минуту расправились с супом, кашей и наелись хлеба. Тут же напились невкусной воды, наполнили фляжки. Возвращались назад неожиданно сытые и сонные.

— На ходу сейчас засну, — то ли пожаловался, то ли предупредил Толян. — Свалюсь здесь, где иду, и до утра меня не кантовать.

— Не слышал, что Акимов говорил? «Если позволит обстановка, все будут строить укрытия».

— А спать когда? Ведь почти ночь глаз не сомкнули?

— Забудь о сне... Это тебе не у мамы. А пока надо блиндажом заниматься! Вот построим, тогда и поспишь!

Копали, вышвыривая грунт высоким бруствером, все вместе, кто был свободен: и «старики», и мобилизованные. Когда блиндаж более или менее начал приобретать нужное очертание, задумались о бревнах для наката. Лучший вариант — почти облетевшие клены на меже заброшенной усадьбы. Сходили, присмотрелись: использовать можно, но кривоваты, только и сгодятся для второго и третьего наката. Надо бы в лес наведаться, но до него метров двести по луговине, да и не заминирована ли она? Доложили лейтенанту, тот через ротного связался с саперами, уточнил этот вопрос и сказал для всех:

— Враги не могли наставить мин, а нашим пока без надобности, хотя это неосмотрительно: ДРГ так и шныряют по лесам, вынюхивают секреты. Поэтому пойдете с охранением — и шага не ступайте, не глядя под ноги: вполне могут быть растяжки. Сержант Перфильев — старший.

В лес отправили первое отделение второго взвода. На опушке пять бойцов охранения рассыпались веером, углубились в лес, а остальная десятка принялась валить подходящие деревья. Семен попал в охранение. Он выдвинулся вместе с остальными, осторожно ступая, стараясь не хрустнуть палым сучком, и шел, более всего опасаясь растяжек. Он слышал, как метрах в ста за спиной шумно падали деревья, как изредка долетало

чье-то ругательство, но не эти звуки заставляли Семена ко всему прислушиваться и приглядываться. Напрягая в первые минуты зрение и слух, мало-помалу Прибылой ослабил внимание, понимая, что днем вряд ли можно ожидать противника. Другая забота, более насущная, овладела им в этот момент. Не зная, как долго придется находиться в охранении, он решил не терять времени и присесть за пенек по нужде. «Распахнул» «броник», ослабил ремень и тут боковым зрением увидел движение... Присмотрелся и обомлел: шли трое, а впереди Толян, уже без автомата, с поднятыми руками. За ним метрах в трех — военный и следом — второй с желтой повязкой на рукаве! «Враги!» — будто лезвием резануло. Не снимая с шеи ремень автомата, Семен, прижимая ладонью планку предохранителя, чтобы не щелкнула, двумя короткими очередями, зная, что патрон в патроннике, сначала уронил одного конвоира, потом второго. Они и завалиться толком не успели, как Толян спрятался за дерево, а Семен оцепенел, не понимая, что произошло.

Подошел к бледному товарищу, спросил:

— Что это было?

— В плен взяли...

— И что, никто из наших не видел?

— Четверо понесли бревна, остальные устроили перекур. Я в сторону отошел, грибы посмотреть. А эти двое вышли из-за куста, и один командовал: «Ствол на землю и руки в гору». Второй забрал автомат и шибанул пинком. Повели — куда мне деваться? А тут ты нарисовался.

— Грибник хренов.

В этот момент один из лежавших застонал, потянулся за оружием... Семен подскочил, отбросил автомат.

— Пшепрашам, пан... — пролепетал тот и попытался вытянуть руки вверх.

— Что, пшек, добегался по чужой земле? Исподтишка за автоматом тянешься?! — и, не прицеливаясь, всадил в него короткую очередь. Тот дернулся, засучил ногами.

Семен посмотрел на Толяна, гаркнул:

— Что застыл? Забирай свой автомат, да и чужие бери заодно.

Кочнев завертелся юлой, обвешался автоматами, один из которых был иностранным, спросил:

— А дальше что?

— Скажешь, что отошел по нужде, они пытались захватить в плен, а рядовой Прибылой их завалил. Понял?

Вдруг в глубине леса застучали короткие очереди, и Семен крикнул:

— ДРГ!

Толян с Семеном упали за деревья, вглядываясь в сторону, откуда разносились выстрелы. Вскоре подбежали «лесорубы», тоже заняли позиции. В глубине леса очереди прекратились, и лишь в одном направлении изредка звучали, отдаваясь эхом, словно охотники преследовали добычу. Вскоре и там все стихло, и было слышно, как ломились бежавшие от окопов на подмогу. Первым был лейтенант Акимов. Сержант доложил ему обстановку, указал на убитых.

— Кто отличился?

— Рядовой Семен!

— У Семена есть фамилия?

— Прибылой моя фамилия, — пояснил тот.

— Молодец, рядовой Прибылой! Хороший у нас сегодня денек! —

И посмотрел на Толяна: — А с вами, Кочнев, мы еще много дел наворочаем!

Один за другим стали подходить бойцы из охранения, опускали к ногам лейтенанта чужие автоматы, среди которых был еще один «иностранец». В общей сложности автоматов набралось восемь.

— Забирайте трофеи и марш в расположение! — приказал лейтенант. — А вы, сержант, объяснительную мне, как только вернемся.

Все уж было развернулось, как лейтенант всполошился:

— Отделение, становись! По порядку рассчитайсь!

Нехотя построились, рассчитались... одного бойца не хватало. Тогда двоих отправили в окопы с трофейными автоматами, а остальные во главе с лейтенантом пошли прочесывать лес. Бойца нашли почти сразу, прошитого у ключицы пулей, угодившей наискось под броник. Его опознали, подхватили под руки и ноги и понесли к окопам. Время от времени менялись, и никто не проронил и единого слова.

Семен возвращался вместе со всеми и чувствовал себя опарашенным. Прокручивая сегодняшние события в уме, он насчитал, как минимум, трех врагов, уничтоженных собственноручно. Зато и своего бойца потеряли. И если к врагам не было сочувствия и жалости, даже к просившему о пощаде поляку, будто душа в тот момент очерствела, ожесточилась и превратилась в безжалостную машину, то своего стало неимоверно жалко. Он оказался из мобилизованных, местный по рождению; когда выдвигались на передовую, говорил, что, мол, родные места, мать с отцом живут неподалеку. Можно сказать, дома погиб.

В этот день о лесных событиях более не вспоминали, а на другой и вовсе забыли, отражая новые наскоки врагов.

— И правильно, — порадовался пришедший в себя Толян Кочнев, немного поспав в блиндаже и вспоминая вчерашнее приключение. — Зачем нам пустая работа — не до зимы же здесь сидеть!

И все-таки через два дня новый блиндаж построили, потому что пошли дожди, окопы раскисли, в ямах скапливалась вода, ее отчерпывали, но все равно грязи хватало, а обогреться и хоть немного обсушиться хотелось всем. Когда укрытие оказалось готово, где-то добыли жестяную печку, но днем ее не затапливали, чтобы дымом не выдавать блиндаж, топили по ночам, и теперь имелось место, где можно и поспать, и переодеться, и обогреться. Правда, настроения это не сильно прибавляло. Поэтому все рвались в наступление, лишь бы выбраться из осклизлых окопов. Когда Кочнев (более ведь некому) спросил о наступлении у Акимова, тот хмуρο сказал:

— Будет приказ, и пойдём!

Полмесяца минуло со дня прибытия Семена на передовую, но мало что изменилось в диспозиции сторон. Фронт к этому времени стабилизировался по речке Жеребец. Противники словно приглядывались и примеривались друг к другу, причем украинские формирования проявляли национальную упертость и не оставляли попыток штурма опорных пунктов Российской армии, хотя знали, что линия обороны постоянно насыщается новыми подразделениями. Если полмесяца назад второй линии практически не было, то теперь она отчетливо просматривалась. При этом командование противника продолжало переброску резервов для восполнения по-

терь. Судя по всему, с их стороны предполагалось наступление одновременно на широком участке фронта с выходом на трассу Временная — Хватово. Для этого враг продолжал попытки разведки боем, но встречной атакой его ротные группы постоянно жестко выбивались на исходные позиции.

Прибылой вместе со своим отделением участвовал в этих «боях местного значения» и в такие моменты словно забывал, где он, что с ним, лишь старался как можно плотнее держаться к машине, короткими очередями косил противника, боковым зрением отмечая, как валяются и наши бойцы. И было жутко на секунду представить, что вот-вот и тебя скосит, но об этом в такие моменты не думалось, лишь после очередного боя он вспоминал свист пуль, треск осколков гранат по броне, а как-то два впились в его «броник». Повезло, что оказались мелкими, а третьим все-таки ногу раскровенило. Но это ерунда. В остальном Бог миловал, хотя за минувшие недели у них в роте было несколько двухсотых и десятка полтора раненых. Но бывали и затишья, когда враги не рыпались, а наши, зная о копящихся силах, на рожон не лезли. Даже Толян Кочнев изменился, видимо, набравшись опыта, и более не отличался бесшабашностью, превратившись из необстрелянного молодняка в матерого окопника. Он где-то добыл красной ткани, нарезал из нее лоскутов и носил их на рукаве вместо белых повязок.

— Мой прадед и дед не любили белогвардейские тряпки! И мне они ни к чему!

— Все же их носят! — возражали ему.

— Пусть носят... В уставе это не записано!

А через несколько дней он разукрасил каску красной звездой.

— Чего тебя на красное-то тянет? — спросили у него.

— Потому что душа моя так устроена, обмана не терпит.

— А что, в недавние времена все гладко проходило?

— Может, и не все, но обмана и лжи было меньше! — твердо отвечал Кочнев, и никто не смог убедить его в обратном.

Этих минувших недель хватило для изменения отношения к службе и взаимному общению. Теперь все знали друг друга по именам, кто-то успел подружиться, находились и земляки. Семен удивился, когда узнал, что сержант Костя Перфильев — из Заречья, и это их волей-неволей сблизило, а где они, там и Толян — тоже земляк. Как без него.

В один из пасмурных дней, когда почти нет коптеров, в расположении роты появился комбат Пронько. По обычаю он поставил «уазик» под маскировочную сетку, собрал командиров рот и взводов для совещания. Рядовые, кто не находился в охране, расслаблялись до того момента, когда комбат пойдет после совещания по окопам. Сегодняшний визит не исключение: прошелся упитанный майор по окопам, поговорил с бойцами и направился к машине.

Дремавший водитель завел двигатель, когда майор уселся рядом, хотел тронуться с места, но в моторе раздался треск, и скорость не включается. Вышел, поднял капот и сказал:

— Вилка сцепления выскочила, минутное дело... — и, достав из-за сиденья коврик, полез под машину.

Пока он возился, майор Пронько укрылся в окопе и оказался рядом с Прибылым. Семен не выдержал и усмехнулся:

— Ну и водила у вас, товарищ майор! По объявлению взяли?

Майор промолчал, начал переминаясь от нетерпения, а потом спросил у Прибылого:

— А вы что, рядовой, такой специалист, что позволяете себе шутить над однополчанином?

— Не шучу я, а вангую, как сейчас говорят.

— Свое предположение оставьте при себе и покажите свое умение в таком случае! — приказал он и окликнул водителя: — Валухин, выбирайся из-под машины — тут еще нашелся умелец.

Семен подошел к машине, отодвинул водителя и осмотрел вилку, снял защитный чехол, заметив излишний прогиб, попросил:

— Неси молоток!

Вскоре Семен выровнял вилку на торце валявшегося рядом обрезка бревна, долбанув разок по ней, по гнезду упора штока, и вернулся к «уазу», забрался под него.

— Запоминай, студент... — начал он учить бойца, — вставляешь вилку под наклоном, на ощупь находишь посадочное гнездо на подшипнике и возвращаешь в нормальное положение, одеваешь чехол, присоединяешь шток — готово. Неплохо бы при этом прокачать цилиндр. Иди за руль.

Прокачали они сцепление, водила подлил тормозухи, а Прибылой быстро нырнул в окоп, где его ждал майор, сразу спросивший:

— Теперь нормально?

— Пока да, но вилка изношена, надо будет со временем менять.

— У вас какая гражданская специальность?

— Инженер...

— А почему тогда рядовой, если инженер?

— В армии служил до универа, а когда учился, то военной кафедры не было. А после работал специалистом по эксплуатации и ремонту транспортных средств.

— Почему же на это не обратили внимание в военкомате при мобилизации? С вашими знаниями не место в окопах. К тому же вы успели поучаствовать в спецоперации и были ранены? Где пришлось повоевать?

— Недалеко здесь, под Рубежным... В апреле месяце добровольцем по казачьей линии. Правда, недолго — в госпиталь загудел.

— Долго-недолго — это как посмотреть. Бывает, и несколько минут достаточно для... — Майор не договорил, нахмурился, но быстро сменил выражение курьезного лица. — В общем, человек, судя по всему, вы опытный, поэтому выбирайте: или ко мне водителем, или в рембат?

Семен замаялся, сразу подумал о Толяне, Перфильеве. Получалось, если согласиться с условия майора, как смотреть после этого в глаза землякам? Ведь сразу отвернутся и будут вспоминать тяжелыми словами: мол, спасовал, нашел теплое местечко!

— Не слышу ответа?

— Не хотелось бы, я уж привык со стрелками...

— А если прикажу?!

— Тогда деваться будет некуда... — не глядя на майора, вздохнул Семен.

— Договорились. Жди, боец, приказа и повышения в звании. — Подумав, спросил у стоявшего рядом комроты Тундрякова: — Успел он проявить себя?

— Даже очень! Несколько противников на счету! Готовим документы для награждения!

— Ну, с таким не пропадешь!

Майор попрощался с капитаном, с лейтенантом Акимовым, выглянувшем из-за спины Тундрякова, и отбыл в штаб. Капитан отправился в блиндаж, а Семен сразу обратился не по уставу к Акимову:

— Несправедливо получается! Я вполне привык к ребятам, к землякам!

— Сам напросился, никто не просил лезть под машину. И вообще, Прибылой, другой бы на твоём месте радовался, а ты геройствуешь. Откуда тебе знать, где твоё место на фронте, где больше пользы принесешь. Комбат прав!

— Попросите ротного связаться с комбатом, чтобы тот не забирал меня!

— И не подумаю, как говорится, поперёд батьки в пекло лезть. Не переживай. У нашего майора сто пятниц на неделе — забудет. Нас таких у него — пропасть!

«Лейтенанта, конечно, можно понять, почему он не хочет высываться, — подумал Семен, когда остался один и завис в раздумьях. — Я вот высунулся... Теперь все будут думать, что мне повезло, но это как сказать. Сегодня “повезло”, а завтра как все обернется — бог весть. И вообще об этом надо поменьше думать. Да, может, и прав лейтенант: на словах одно, а на деле все забудется в тот же день в суете и бестолковщине».

Но майор ничего не забыл. Через два дня в роту пришел приказ о командировке рядового Прибылого в распоряжение штаба батальона с присвоением звания «сержант». Вскоре за Семеном пришла машина, он собрал в рюкзак вещи, кинул за плечо автомат и, обнявшись с Толяном, сержантом Перфильевым, попросил:

— Не обессудьте, ребята. По-дурачки как-то вышло.

— Да мы все понимаем. В одном батальоне служим. Увидимся, даст Бог!

В последнее время Маргарита жила предчувствием чего-то неотвратимого, такого, что приближалось с каждым новым днем. Мысли, конечно, были о Ксении, ведь надо что-то делать, чтобы ускорить ее розыск, как-то определиться в ту или иную сторону и найти какую-то ясность, хоть какое-то достоверное подтверждение ее судьбы. Анонимное письмо она всерьез не воспринимала, оно казалось надуманным, будто тот, кто сочинял его, преследовал свои неблагоприятные цели, поэтому опасалась всякого случайного звонка, неожиданного письма или записки.

С 17 июня, когда она подала заявление в полицию о пропаже дочери, прошло уж пять месяцев, она неоднократно звонила, напоминала о себе, даже ходила на прием к начальнику райотдела полиции, но ничего для себя полезного не добилась. Везде ей отвечали одно и то же: «Ваше заявление принято, розыск ведется». А как это узнать, как проверить? Или положиться на волю Божию и смиренно ждать окончательного разрешения этого вопроса. Но так можно ждать бесконечно. При этом неплохо бы знать, что хочешь получить от ожидания, как изменится твоя жизнь и жизнь внуки. Ведь если предположить самое страшное, то необходимо решать многие юридические вопросы: и по недвижимости, и по судьбе Виолы. А вдруг что-то случится с ее отцом на войне. Как тогда быть? И в какой-то момент Маргарита поняла, что сама она ни за что не справится с лавиной вопросов. Нужен адвокат, чтобы помог, а то и взял на себя хлопоты по ведению сложного дела. Ей пришел на память адвокат с запоминающейся внешностью: в меру высокий, чернявый, с глубокими залысинами и в очках. Почему-то очки запомнились более всего, потому что они

напоминали толжили небольшие фары. И фамилию его вспомнила: Померанцев! Именно он был у них на банкете по случаю выигранного в пользу Германа какого-то судебного процесса, после которого муж очень расположился к нему.

Маргарита начала изучать записную книжку Германа, на счастье, сохраненную. Прочитала странички и увидела полузатертую запись с номером телефона Померанцева. Сразу связалась.

— Здравствуйте, Роман Осипович! Я Маргарита Леонидовна Чернопут, вдова Германа Михайловича.

— Слышал, слышал... примите мои соболезнования, пусть и запоздалые. Чем могу быть полезным?

Маргарита звонила с «левого» телефона, поэтому не утерпела, рассказала о сгинувшей в Европе дочери, о массе вопросов, свалившихся в этой связи, а у нее на руках малолетняя внучка, не отпускающая ни на шаг.

— Вас интересует что-то конкретное?

— Прежде всего, судьба дочери. Ведь минуло почти полгода со дня ее отъезда в Испанию, а от нее ни слуху, ни духу. И в полиции молчат.

— Потому и молчат, что им сказать нечего. По опыту знают, что это дело тухлое, извините. Тем более в такое время, когда почти все контакты с Европой прерваны. В этой ситуации вам необходимо признать человека безвестно отсутствующим или пропавшим. А пока оплачивайте коммуналку, воспитывайте внучку. Да, кстати, отец у нее есть?

— Призван по мобилизации...

— Ну, что же. Даст Бог, вернется невредимым и будет исполнять родительские обязанности.

— Спасибо вам за информацию, — вздохнула Маргарита. — Теперь хоть какая-то определенность есть, а то живу как в тумане. Я вот о чем хотела попросить вас. Пожалуйста, возьмите мое дело под свою опеку, иначе мне не на кого положиться, тем более что Герман Михайлович отзывался о вас как о грамотном и порядочном человеке, а о вашем гонораре мы договоримся.

— Попробую помочь вам, хотя эта тема не моя, но, учитывая дружеские отношения с вашим мужем, не могу отказать. В любом случае, держите меня в курсе событий. Успехов!

Весь оставшийся день Маргарита обдумывала этот разговор, даже еще раз прочитала письмо незнакомки. Что если оно рассчитано на то, чтобы она распрощалась с дочерью и перестала искать пути к ее розыску? Ведь и дружок Ксении пропал, но что-то мать его не особенно настроена говорить о нем, а почему? Обычно общая беда сближает матерей, а тут такое показное неприятие. Даже говорить не желает о сыне.

Маргарита дождалась вечера и позвонила матери Максима на домашний телефон, желая либо подтвердить свои мысли, либо развеять их.

Услышав ее голос, та на мгновение опешила.

— Это опять вы?! Говорила же вам, что ничего не знаю о Максиме и о вашей распутной дочери. К тому же все это я изложила в заявлении для полиции. Неужели непонятно?

— Скажите, у вас есть сердце? И материнское ли оно? Я-то думала, что со времени моего предыдущего звонка в вас что-то изменилось, но нет — по-прежнему живет подозрительное и необъяснимое нежелание говорить на эту тему, словно вы многое знаете, но боитесь проговориться!

— Все сказали? Тогда — прощайте! — огрызнулись на другом конце провода и положили трубку.

На новом месте службы Семена встретил крепкий, немного косолапый старшина, провел в блиндаж, находившийся неподалеку от штабного, указал на свободный топчан, усмехнулся:

— Теперь будешь при начальстве служить!

— А командировочные будут платить, товарищ старшина?!

— Ага, заплатят — догонят и добавят. А если всерьез говорить, то нашивай, рядовой, лычки, обустройвайся и дуй на доклад к майору, пока он у себя.

— Есть! — с легкой подковыркой отрапортовал Семен и достал нитки, иголку.

Пришел быстро, а обустроился еще быстрее: раскинул поролон на топчане, бросил рюкзак вместо подушки — и на выход. Предстал перед Пронько и доложил:

— Товарищ майор, сержант Прибылой явился по вашему приказанию! — и отдал честь.

— Вольно... Как добрался?

— Ехать-то всего ничего.

— Настроение?

— Боевое.

— А почему такой невеселый?

— О машине переживаю. Думаю, где бы вилку сцепления добыть, чтобы в решающий момент не оказаться прижатым к стенке!

— И что придумал?

— В рембат смотаться, пока обстрела нет. Может, у них что завалось подходящее. Сами же говорили.

— Отставить! Червонопоповку неприятель атакует чуть ли не каждый день да по нескольку раз. Все им не терпится расширить плацдарм да перерезать дорогу на Хватово. Так что туда даже не суйся. А уж если невмоготу, скажу, что перед Временной со стороны Рубежного в кювете валяется разбитый «уазик», на вид свежий. Вот, может, там чем разживешься? Смотайся, да не один, а с охраной. Два стрелка и одного гранатометчика возьми. Я команду дам. Да будь осторожен с минами. В любом месте может стоять растяжка или «лепесток» валяться. Там лес недалеко, хотя наполовину опавший, но все равно будь внимателен... Жена, дети есть?

— Дочка шести лет!

— Вот ради нее и осторожничай.

У машины Семена ждал прежний водитель. Он особо не распространялся. Показал, где что находится, и отдал ключи:

— А далее уж сами разбирайтесь, товарищ сержант.

Вскоре перед машиной остановились три бойца. Один из них отрапортовал:

— Прибыли в ваше распоряжение!

Выехал Прибылой в сторону Временной, а в голове одна мысль, одно воспоминание — о походе в лес за бревнами, о том, как и чем тот поход закончился: гибелью бойца, хоть кратковременным, но пленением Толяна. Вспомнил он и собственную жестокость, когда впервые в жизни в упор застрелил человека без какого-то раздумья или колебания, потому что тот не сдался, а коварно дернулся за автоматом. И ни о чем Семен не жалел: ни в тот раз, ни сейчас, когда не к месту вспомнил все-таки саднящий

случай, но он поступил так, как и должен поступить. И все бы забылось, но после того случая он часто вспоминал Бога и просил у Него милости.

Перевернутый «уазик» рогатился всего в километре от Временной, поэтому Прибылой добрался до него быстро, хотя дорога была перемолота гусеницами, воронками от снарядов, загромождена разбитой техникой. Когда Семен остановился на обочине, бойцы залегли в кювете, просматривая местность вокруг подбитой машины и более приглядываясь к неподалеку желтевшему леску. Машина лежала на смятой крыше, без колес, которые кто-то успел снять, с простреленным моторным отсеком, без лобового стекла, с насквозь пробитыми передними дверьми и состарившимся и побуревшим слоем крови на изодранных сиденьях. Семен осторожно оглядел машину, заглянул в перевернутое нутро, опасаясь растяжек. Ничего подозрительного не обнаружил и загляделся на вилку сцепления: она была как на ладони. Разжившись малым, захотелось и еще что-то взять. Вспомнил о задней двери. Осмотрел — цела, и даже открывается. Семен порадовался, увидев несколько торцевых ключей в ящичке с инструментами своей машины, и через десять минут уже тащил дверь к «уазу». Поставил за заднее сиденье, свистнул бойцам:

— По коням!

Те поспешно запрыгнули в машину, оцетинились стволами в открытые окна, а Семен ударил по газам. Через пятнадцать минут они были в своих окопах — и, что Семена удивило более всего, им повстречался майор.

— Успешно смотались?

— Нормально...

— Вот и отлично! Идите обедать — вам оставили. Старшина распорядился.

Семен пообедал быстрее своей «охраны» и сразу — к машине: заметил вилку и заднюю дверь, что особо радовало перед наступлением холодов. Можно было оставить машину, загнав ее в кусты акации, как делал прежний водила, но это не устроило его. Пришла мысль выкопать под нее траншею, лучше — в полный машинный рост, но как самовольничать, если в любой момент надо будет куда-то отъехать.

Поэтому нашел комбата, объяснил задумку.

— Молодец, что проявляешь смекалку! Начинай копать метрах в тридцати от моего блиндажа, да так, чтобы въезд в «гараж» был с тыльной стороны, как и у блиндажей. Понятно?

— Так точно!

— Как определишься, пришлю тебе подмогу.

Присмотрел Семен место сбоку от разлатой акации и в перерыве между дальними разрывами снарядов услышал легкое жужжание низко пролетавшего вдоль линии окопов коптера. Дождавшись, когда «птичка» в очередной раз зависла над ним, Семен двумя короткими очередями подсек ей крылья, и, крутнувшись, она спикировала чуть ли ни ему на голову.

Услышав выстрелы, бойцы начали выглядывать из окопов, подбежал старшина, подхватил сбитый трофей, убедившись, что на нем нет сюрприза, увлек за собой Прибылого и крикнул:

— Всем в укрытия!

И очень вовремя скомандовал, так как через несколько минут на их позиции шлепнулось несколько мин. Никто от бойцов, к счастью, не пострадал, Семен отсиделся в первом попавшемся отнорке и вскоре был вызван к майору.

На этот раз Пронько был необыкновенно зол.

— Ну, кто тебя просил стрелять? Летал бы он и летал — толку-то от них. А так лишь обстрел вызвал на себя. Хорошо, что никто не пострадал!

— Что же теперь: каждая тварь будет вонять над нашими головами, а мы голову будем втягивать в плечи и свои позиции светить?!

— Они уж давно засвечены. Вот правда: слухи ходили, что второй взвод второй роты, откуда ты прибыл, — отвязанный, но не настолько же! То ваши пошли в лес за бревнами и на ДРГ нарвались; хорошо, конечно, что уничтожили, но ведь и своего бойца потеряли! Теперь этот дрон!

— На войне не бывает без потерь. Да и случайно я его сбил.

— А вот слова, сержант Прибылой, я вам не давал. И запомните: никто на войне ничего не делает без приказа!

— Пока я получил бы приказ, только бы и видели его.

— Опять! Надоело мне с тобой говорить, вот взял на свою голову. Иди, копай укрытие!

Майор был зол, но и Семен не меньше его. Да и как не злиться, если хочешь, чтобы все по уму было. А у таких комбатов, видно, одно на уме: затаиться и не рыпаться, а там — будь что будет. «Поэтому молчи, Семен, — убеждал себя Прибылой. — Молчи и вкалывай, исполняй приказы, а не обсуждай их!»

Он уж прошел грунт в один штык лопаты, когда пришел на помощь шестеро бойцов и, закинув автоматы за спину, начали помогать копать. И вот что значит — сила: до вечера они выкопали в склоне нишу, соорудили временную крышу из подручного материала, а сверху замаскировали опавшими листьями. Конечно, будь прямой прилет мины или снаряда, вся крыша разлетится вдребезги, но ведь мастерить что-то капитальное — не век же здесь будет стоять батальон. Когда-нибудь, а снимется с «обжитых» позиций, вместе с другими частями пойдет на запад — и тогда держись, враг, тогда ты поймешь, что мы по-настоящему воевать и не начинали.

22

Неделю пробыл Семен при майоре Пронько и успел многое сделать. Самым хлопотным оказался приказ майора установить броневые листы сбоку и снизу переднего пассажирского сиденья, где он обычно сидел. Так — не так, а надо исполнять приказание, и Семен съездил в рембат, где его уже ждали.

— Ты сам это придумал или Пронько приказал? — спросил у него старлей по прибытии, ничем не отделяясь от ремонтников в замызганном маслом и пылью комбинеzone с едва заметными звездочками на погонах.

— Мне-то чего... Приказали — я и поехал.

— Ну, тогда и занимайся сам: размечай, приспособлявай. Сварного я тебе дам, но не более.

Весь день он провозился с двумя пластинами из пятимиллиметровой стали. К днищу было просто присобачить, а вот с дверью пришлось помучиться, чтобы и к ручке стеклоподъемника был доступ, и открыванию-закрыванию. Ведь металл не от консервной банки. А уж сколько «умных» советов и насмешек пришлось выслушать Семену — не счесть, словно не майор, а он сам все это придумал. О самом-то какая забота? Почти никакой: «броник» на дверь — вот и защита. Все так делают и не заморачиваются. К концу дня он уж не чаял, как поскорее уехать в расположение. А

когда вернулся к Пронько, то тот осмотрел сделанное Семеном, похвалил («Хорошо подогнано») и обрадовал:

— Отдыхай, обед и ужин тебя в блиндаже дожидается.

И только при этих словах Семен вспомнил, что за весь день ничего не ел. А как поел, то и в сон повлекло. Но выдержал, дождался вечера и тогда отрубился — так наломался за день.

Утром новая задача: доставить Пронько в штаб бригады. Оказалось, что надо ехать под Старобельск. Пронько указал место на карте, по-барски уселся, а на заднем сиденье уместились два бойца охраны. На своей территории особо опасаться нечего, да и местность позволяла просматривать опустевшие осенние поля во все стороны. Поэтому ехали без лишней опаски, хотя скорость выдерживали максимальную. Пронько ушел в штабную палатку, а Семен притулил «уазик» под широким дубом недалеко от опушки леса; по обеим сторонам стояли иные машины, водители которых выполняли приказ о рассредоточении, полученный из-за опасения, что появятся беспилотники. Бойцы сразу задремали, задремал и Семен, но вскоре начали одолевать любопытные водилы. Они подходили к машине Прибылого, спрашивали, можно ли посмотреть на бронированную дверь. Семен сперва думал, что они всерьез интересуются, а они для того лишь, чтобы позубоскалить, и он закрылся и не отвечал на их ужимки.

Более часа длилось ожидание. И вот часовой дал знак водителям, чтобы машины были готовы забирать пассажиров. Пронько задержался и вышел в числе последних вместе с генералом, и Семен лихо подкатил ко входу. Генерал подошел к машине, попросил выйти водителя. Тот вышел, отрапортовал:

— Сержант Прибылой, вторая рота третьего батальона!

— Вольно, сержант! Давно служите?

— Призван по мобилизации, срочную служил мотострелком, в апреле участвовал добровольцем СВО.

— Какое образование?

— Высшее.

— Командир батальона майор Пронько?

— Так точно!

Услышав свою фамилию, майор козырнул:

— Слушаю вас, товарищ генерал!

— Это с каких пор специалисты с высшим образованием у нас баранку крутят, когда есть нехватка младших командиров?

— Он механик хороший.

— Ясно, что хороший. Поэтому немедленно отправить в роту и дать в командование отделение!

— Слушаюсь... — только и смог сказать Пронько.

Обратную дорогу молчали, а по приезде майор вызвал прежнего водителя, а Семену сказал, вздохнув:

— Вот такая, сержант, судьба комбата. Возвращайся в роту, если козырей у нас не оказалось. Водитель тебя доставит.

«И чего, спрашивается, канителились?! — нехорошо подумал Семен о Пронько. — Или по привычке каждый чин на себя одеяло тянет, хотя генерал-то прав. И повезло, что до него не дошел слух о броневой “капсуле” майора, но ведь когда-нибудь дойдет. Вот потеха-то будет!»

Не успел Прибылой кинуть рюкзак в блиндаж, как на плечах повис Толян, выскочивший из ближайшего отворotka окопа:

— Семен, своим глазам не верю! Неужели это ты — ущипни меня, товарищ сержант!

— Не балагурь, какие новости в отделении и во взводе? Более в плен не попадал?

— Я теперь осторожный, в роте ничего особенного не происходит, если не считать каждодневных вражеских наскоков. Не успевают с утра враги появиться на горизонте, как наша арта начинает молотить. Мы не перестаем удивляться: когда кропы успели столько траншей нарыть?!

— Их числом больше, но теперь и наших заметно прибавилось. Так что время на нас тратится.

— А как-то ночью полезли, да нарвались на наши растяжки... Одно-го двухсотого бросили, а трехсотого волоком за собой утащили. Они его тащат, а он орет, они его тащат, а он орет. А чего, спрашивается, орать. Орать-то все умеют, вот попробуй стерпи — тогда ты молодец.

— Это, Толян, не угадаешь, как будешь себя вести при ранении. Мне в апреле ногу насквозь пуля прошила, так думал, что на том месте кончусь.

— Ты разве ранен был? И ничего не говорил!

— Чего языком болтать, когда у кого что, и не обязательно ранения. Ладно, вон взводный показался — доложить надо о прибытии!

Семен поднялся в рост, благо окоп глубокий, попытался строевым шагом подступить к Акимову:

— Товарищ лейтенант, сержант Прибылой из командировки прибыл!

— Вольно! Вовремя вы. Отправлялись рядовым, вернулись сержантом. Удачно съездили. У нас замкомзвода Перфильев выбыл, так что буду рекомендовать вас на его место. Согласия не спрашиваю, а всего лишь ставлю в известность.

— Справлюсь ли?

— Справитесь. В боевых действиях вы уже проявили себя, даже умудрились беспилотник сбить, находясь при штабе батальона, однополчанина спасли из плена, не растерялись...

В предрассветных сумерках следующего дня капитан Тундряков представил Прибылого личному составу отделения и взвода, пожелал боевых успехов.

И вскоре прозвучала команда «К бою!» Ее всегда ждут, к ней готовят, но всякий раз она звучит резко и неожиданно, словно обжигает огнем.

В этот раз все так и произошло, с той лишь разницей, что теперь Семен Прибылой командовал отделением. Они отбили очередной «наступ» противника, приходили в себя кто в окопе, кто в блиндаже.

От мыслей Прибылого отвлек рядовой его подразделения Безруков, тоже, как и он, недавно мобилизованный, от природы наполовину седой, и это ему прибавляло возраста. Он подсел рядом и закурил, сказал, как и не ему:

— А вы, товарищ сержант, молодец! Все пацаны думали, когда вы слиняли к комбату, что ненадежный этот Прибылой, скользкий, дескать, у него и фамилия соответственная. Это тем более удивило, что все знали, что вы весной участвовали в операции добровольцем. Были ранены. Особенно переживал Толян и сержант, которому ногу отчидало, Перфильев. Всю неделю, пока вы катались с комбатом, они туча тучей ходили, а как вернулись — Толян духом воспрял. Жалко только, что сержант не знает о вашем возвращении, плохая у него память останется.

— Память — дело наживное. Да и земля слухами полнится. Давай по-

просто му... Тебя Антоном зовут, земляк? — Тот кивнул. — Так вот, Антон, мне и самому тошно было, и уж жалел, что вызвался помочь с починкой машины. Сначала жалел, а потом засомневался: «А что, надо мимо пройти, ухмыльнуться и назвать водителя олухом?» Ведь не развалился же я, когда залез под «уазик», а уж что потом случилось — от меня не зависело. Приказ есть приказ, и я его выполнил. А как бы ты поступил на моем месте?

— Так же, конечно. В этом нет вопросов.

— Ну и ладно. Вот «калаши» чистить пора, чтоб в бою осечки не было.

23

Родители знают, как тяжело дожидаться весточки от детей, особенно если твой сын долго не дает о себе знать. Уж сколько мыслей передумается, сколько разных картин мелькнет перед глазами, уж вся душа переболит и иссохнет. Уж с телефоном ложишься и просыпаешься, и в течение дня не рассташься с ним. Все время душе тревожно: что там на фронте.

О переживаниях родителей сержант Семен Прибылой мог только догадываться. А по себе судил о них, когда вспоминалась Виолка. Тогда мысли сразу о ней: скучает ли, не болеет ли, как ладит с бабушкой? И будь такая возможность, звонил бы всем каждый день, но это удовольствие отскели, едва мобилизованные прибыли в район боевых действий. При выдвижении на передовую в каждой роте провели повторную разъяснительную беседу. Они тогда впервые по-настоящему слушали рослого, похожего на носатого сайгака капитана Тундрякова, а сообщение он начал плакатно:

— «Не болтай по телефону! Болтун — находка для шпиона», — так говорили наши деды и прадеды в Великую Отечественную. Поэтому все гаджеты приказываю сдать, храниться они будут у старшины роты. Это делается для вашей же безопасности, товарищи бойцы.

Как можно не согласиться с капитаном и не исполнить его приказ. Семен это обстоятельство легко понимал, как и то, что без телефона под рукой намного спокойнее на душе. Нет его и нет, будто и не было никогда. Поэтому и не хотелось звонить, увязая в череде рутинных дел, а более из-за внутреннего настроения и нервной обстановки, все более нагнетаемой противником. От такой глухой и угнетающей картины даже самый стойкий придет в уныние. Прошла духоподъемность и задор первых дней. Бойцы стали опытнее, мудрее, поэтому скупко общались и почти не улыбались. Даже Толян Кочнев, помучившийся с загноившейся рукой, из-за которой его отправляли в госпиталь, но там не оставшийся. После санобработки, накаченный антибиотиками, вернулся тихим, задумчивым, перестал выкидывать фортели, а приказы выполнял без лишней ажиотации.

Семен, хотя и приглядывал за Толяном, но не видел себя «учителем», понимая, что не будь того рядом, еще тоскливее было бы на душе. Земляк же. А что он знает о нем? Да практически ничего: что работали на одном предприятии, что он единственный сын у родителей, таких же работяг. И ни разу за все время совместной службы не удалось поговорить с ним по душам: все на бегу, перекидываясь отдельными репликами. Но именно к такому Толяну, к его баламутной сущности привык Семен, и будь он иным — спокойным и уравновешенным — не факт, что испытывал бы к нему даже небольшую симпатию. Но на фронте сантиментам не

место, поэтому, когда в затишке в очередной раз принимались копать, Семен говорил, выдавая шутку за правду:

— Самую большую лопату Кочневу! Земляк не подведет!

Как ни тяжелы были условия, но они пытались шутить, убедившись в простой истине: будут молчать, зыркать друг на друга — себе же во вред. А так почесали языки, поприкалывались, и все становилось нипочем, и они уж не понимали, что важнее: окопы рыть или ломиться в ответные атаки, становившиеся в последние дни все ожесточеннее. Противник все чаще стал заходить с фланга, прикрываясь лесом. Хотя нарыли окопов, оборудовали огневые точки и опорные пункты обороны, но все равно это направление было проблемным, учитывая еще и то, что в лесу постоянно шныряли диверсанты. Поэтому усилили караульную службу, на ночь выставляли секреты, луговину перед лесом заминировали, и когда в ночное время случилось несколько подрывов неприятеля, то на какое-то время они перестали атаковать этот фланг, наступали по-прежнему в лобовую, невзирая ни на наш заградительный артиллерийский огонь, ни на атаки вертолетов, молотивших по танкам и бронемашинам.

Отсидевшись в воронках, враги вновь поднимались, и только когда попадали под стрелковый огонь, сначала залегали, а после, не выдерживая натиска и ответной злости наших бойцов, откатывались назад. Правда, российские подразделения далеко не заходили, зная, что вполне могут напороться на замаскированное орудие или пулеметы.

Семен Прибылой первым шел в такие «зачистки», замыкающим возвращался, обходя убитых противников; раненых они все-таки пытались вывести или вынести, но не всегда у них это получалось. На одного, согнувшегося в воронке от снаряда, Семен наткнулся случайно и почти не обратил на него, не подававшего признаков жизни, внимания. Он лишь сжимал в откинутой руке автомат и закрывал другой раненое бедро. Когда Семен мельком глянул на него — боец зашевелился, будто сжался, и только безвольная поза раненого удержала Прибылого от короткой очереди. Он коротко приказал:

— Брось автомат!

Тот безвольно откинул оружие, напоследок посмотрел на противника и вновь закрыл глаза, начав отрешенно креститься и не проронив ни звука. И у Семена все перевернулось в душе, молнией мелькнула мысль о том, что в каком-то ином случае на месте этого человека он мог сам оказаться, и от понимания этого чуть не задохнулся и не знал, что сказать... А раненый продолжал молиться, не открывая глаз, видимо, уже простившись с жизнью и обращаясь к Всевышнему, потому что уж более не к кому было обратиться.

— Вставай! — приказал ему Прибылой. — Сам сможешь?

Раненый разлепил глаза, удивленно и недоверчиво посмотрел на Семена и потупил взгляд:

— Не знаю...

— Скинь нож!

Когда тот отшвырнул нож, выдернув его из разгрузки, Семен шагнул к нему в воронку:

— Укол делал?

— Не могу до аптечки дотянуться...

— Погоди... — Семен достал свой шприц, всадил иглу через брюки раненому. — Сейчас полегчает. — Подумав, перетянул ногу жгутом.

— Как тебя зовут, сержант? — спросил враг.

- Зачем тебе?
- Хочу запомнить...
- Семен я... Ну что, можешь подняться? Давай помогу!

Прибылой подхватил заворочавшегося противника, поставил на ноги, поднял его автомат, отстегнул магазин, клацнул затвором, выгоняя патрон из патронника, бросил себе на плечо, а нож в карман сунул и спросил:

- Идти можешь?
- Куда?
- В плен, куда же еще!

Тот повеселевшим голосом отозвался:

- Смогу...

Семен подхватил его под руку, помог выбраться из воронки и, почти не пригибаясь, повел его к своим окопам. Несколько бойцов, увидев командира, вернулись назад, первым оказался рядом Толян.

- Куда укропа тащишь?

- В плен... Сам идет. Сдайте его к лейтенанту. Пусть разбирается...

Бойцы подхватили пленного и чуть ли не волоком потащили в блиндаж, а Семен не спешил в укрытие. Он неторопливо спустился в окоп, снял каску, ослабил «броник». Глянул в нависшее небо, собиравшееся дождем, и почувствовал себя как никогда уставшим. В голове пронеслась череда дней и ночей последнего месяца, и показался он нескончаемым, без начала и конца. Прибылой опустил на приступок, и почему-то ни мыслей в голове, ни чувства на сердце не ощутил. И ничего не хотелось, кроме одного: вернуться домой, обнять родителей, дочку и долго-долго молчать.

Осень стелилась и стелилась, и никак не переходила в зиму. Грязь на ногах налипала и налипала и не хотела отставать. Берцы совсем разбухли, форма сделалась сплошь серой от грязи и дождей: не успевая высыхать в короткие моменты отдыха, она высыхала на теле, но и такое редко случалось, потому что почти каждый день противник наступал, показывая непонятную упертость. Сколько можно биться башкой в ворота, если их не открывают, а самим сил открыть не хватает?! Или их стратеги после легких прорывов под Изюмом и Балаклеей рассчитывали с такой же легкостью купаться в фарте и впредь? Общему ожиданию предстоящих событий даже не помешало сообщение об оставлении российскими войсками Херсона. Вслед за эвакуированными жителями они переправились на левый берег Днепра, где были заранее подготовлены три линии обороны. Конечно, никто не хотел такого поворота, создававшего напряженность в войсках, непонимание и недовольство в народе. Но все это можно было бы принять и понять, если бы бойцам спецоперации не противостояло агрессивное западное сообщество, но этого буйные диванные головушки не хотели принимать во внимание.

Не обошлось без движения и во второй роте третьего батальона, когда пришло пополнение взамен выбывших за месяц непрерывных боев. С новичками быстро перезнакомились, а «старики» давно знали друг друга, прошли проверку в бесчисленных боях, вылазках, караулах. Поменялось и командование. Командиром батальона назначили капитана Тундрякова вместо майора Пронько, погибшего от снайперской пули. Редкий, конечно, случай, когда снайпер попал в пассажира движущего «уазика»,

да akurat в висок; пуля прошла на два-три сантиметра выше «брони», установленной Прибылым по приказу майора, — вот и не верь после этого в злой рок. Вместо Тундрякова, повысив в звании до старшего лейтенанта, назначили Акимова, а Семен Прибылой стал врио командира взвода. Все эти перестановки доказали, что фронтовая «карьеря» — дама капризная, в один момент может разрушить и опрокинуть тщеславные устремления, если они у кого-то еще остались в таких условиях.

Для Семена ничего не изменилось с новым назначением, к которому он не рвался: назначили и назначили — эка невидаль. С ним, как всегда, на подхвате Толян Кочнев — как без него. И как-то сам собой к ним прибился рядовой Антон Безруков. Его имя и фамилию Семен сразу запомнил, когда тот напрямую высказал мнение о нем после «командировки» к Пронько. Высказал без капли подхалимажа, честно, в глаза. Конечно, правдорубы никому и никогда не нравятся, когда они уж слишком по живому «рубят» и зачастую небескорыстно отстаивают либо свое предвзятое мнение, либо, что еще хуже, за какую-то выгоду — чужое. Нет, Антон сказал и забыл, не стал мелькать перед глазами, надеясь на поблажки. Всегда, при любой атаке или в обороне вместе держался, и Семен знал: «Надежный этот Безруков, на него можно положиться!» При случае, разговорившись с ним, Семен узнал, что несколько месяцев назад он ушел из монтажного управления, перед самой мобилизацией нашел работу, но не успел выйти на нее. Антон не стал особо распространяться на тему, «почему вынудили уволиться», сказал коротко и зло:

— Правду никто не любит!

Ему бы жениться, завести детей, глядишь, как-то по-иному жизнь бы сложилась, но нет, семьи у него не было, развелся, как объяснил, из-за проблем с родителями — каких именно, не уточнил, а у Семена не повернулся язык выпытывать. А вот у его старшего брата все хорошо: работа в полиции на высокой должности, семья — ему бы так. Но что легко на словах, тяжело осуществить в жизни, когда не знаешь, как перемолоть невзгоды.

Во взвод Прибылого неожиданно назначили лейтенанта Комракова из мобилизованных. Ему за сорок, он не по годам располневший, когда-то окончил институт с военной кафедрой, получил звание лейтенанта. И вот теперь мобилизовали, он оказался на фронте после подготовки и начал командовать вверенным взводом. И то ли по привычке, то ли страдая нервами, постоянно похохатывал. Эта особенность показалась странной, не к месту проявлялась, но ко всему привыкают, привыкали помаленьку и к этому. Конечно, как вновь прибывшему, лейтенанту сразу захотелось проявить себя, показать, что он тоже что-то понимает в воинской службе, поэтому, если появлялась минута-другая свободного времени, он тотчас строил взвод: то для информации, то для проверки внешнего вида, то пытался вспоминать строевую подготовку. Командиры соседних взводов ему указывали на неуместность и глупость подобных занятий, создававших опасное скопление личного состава, чреватое тяжелейшими последствиями при артобстреле, но он ни к чему не прислушивался. Даже, говорят, Акимов вызывал его в свой блиндаж и о чем-то говорил, но и это не подействовало. Зато когда на вытертой стенке окопа появилась нацарапанная ножом надпись: «Комраков будешь выеживаться от своих пулю схлопочешь», — все изменилось. Хотя надпись оказалась без знаков препинания, но на лейтенанта она повлияла даже без корректуры, так что сразу его будто подменили: тише воды, ниже травы стал.

Никто не знал, кто это придумал, но Семен догадался, когда увидел повеселевшего Безрукова, мигнувшего при встрече, и озорно подумал: «Молодец, мужик! Так и надо лечить гундосых!»

Прибылой вспомнил разговор с Безруковым через несколько дней и убедился в правильности недавних мыслей. К этому времени по-настоящему запуржило, пусть и ненадолго, грязь под ногами превратилась в слякоть, и они готовились отразить очередной наступ украинских «партизеров», немного сместившись вправо по фронту, а при ответном преследовании занять безлюдную деревушку в «серой» зоне. И никто не объяснил, для какой такой необходимости планируется это «завоевание», какую пользу оно принесет в тактическом плане, если общего движения не намечалось, но, видимо, новому комбату Тундрякову захотелось проявить инициативу и доложить о значительном наступательном успехе. К тому же наступающий в этот день противник появился перед деревушкой мелкими группами, и только техника шла разбитой дорогой.

Когда их начали оттуда выбивать, чтобы не путаться в бурьяне, враги мало-помалу просочились на улицу и отступали, прижимаясь к палисадникам, словно по невидимой линии, за которую не могли заступить. Их поведение никого не насторожило, и только когда под ногами начали взрываться «лепестки», была дана команда на отход, но было поздно: несколько бойцов и среди них Прибылой корчились перед палисадниками, с запозданием сообразив, что их развели как лохов.

Семен увидел почти незаметный в опавшей листе «лепесток» в последний момент, и по траектории на него должен был наступить Безруков, бежавший рядом. Что-то говорить и объяснить Антону было поздно, и единственное, что Семен сделал автоматически, — это шибанул рядового калашом, отчего тот кувырнулся в другую сторону от мины, в тот момент даже не понявши, от чего спастся. Потерял равновесие и Прибылой и, чтобы не оступиться, шагнул в другую сторону, и сразу же его опрокинул удар в левую ногу. От неожиданности он не успел понять, как оказался на траве, и только по развороченному берцу все понял. Боли почти не чувствовал, она была лишь в первый момент — словно огромной иглой вонзилась в ступню и выше во всю ногу. Перехватило дыхание. Ощущение было такое же, как и в апреле, когда получил ранение так же в левую ногу. Сначала ничего не сообразивший Безруков потирал ушибленное плечо, а Семен, изогнувшись, достал аптечку, вколол обезболивающее, а ногу ему перетянул жгутом подскочивший Толян.

— Как тебя угораздило! — возопил он. — Куда глядел-то?!

— Мины тут насыпаны, сам под ноги смотри.

— Из-за меня это, — наконец понял Безруков, что произошло. — Меня оттолкнул, а сам не уберегся.

Семен не стал комментировать, лишь попросил помочь подняться. Ему в этот момент было не столько больно, сколько обидно и тревожно, когда коротко глянул на развороченную ногу со стекавшей по ошметкам берца кровью. Кочнев, подхватив под руку командира, развернулся в обратную сторону; побледневший лейтенант Комраков бегал в это время от одного раненого к другому, пытаясь помочь.

— Да не носись ты вдоль палисадников! — крикнул ему Семен. — Суки укропские «лепестков» набросали.

Осознав свою промашку, бойцы аккуратно вытрисали на асфальт и шли, практически не маскируясь. Из их роты раненых набралось семеро: шестеро подорвались на «лепестках», а у седьмого было разворочено бедро. Всех несли, по двое сцепив руки. И нужно было дойти до крайних дворов деревни, где за полуразбитым сараем стояла медицинская «буханка» и суетились два фельдшера.

Раненых сразу рассадили в машине, фельдшеры на ходу принялись разрезать и сдирать берцы, окровавленные лохмотья носков, заново перетягивать голени жгутами, начали обрабатывать раны. У кого они были сильными, просто собирали ошметки из сухожилий в клубок, бинтовали, бинты тотчас пропитывались кровью и, казалось, распухали.

Машина с ранеными остановилась недалеко от блиндажа комроты, оттуда выглянул старшина, подбежал, сильнее обычного косолапя, переписал всех пострадавших пофамильно и вскоре вынес пакеты с документами, смартфонами и зарядками, а от бойцов принял оружие и снаряжение.

— Держитесь, парни! — сказал старшина, ни к кому не обращаясь конкретно, и было видно, что и он переживает.

К Семену подскочил Толян, попросил, чуть ли не плача:

— Не пропадай! А я при первой возможности свяжусь с тобой!

Подошел и Безруков:

— Держись, Семен! — И слегка похлопал по плечу. — На всю жизнь твой должник!

Через час раненых доставили в полевой госпиталь. Хирург осматривал стопу Семена и давал команды медсестре. Прибылой лежал на столе и слышал позвякивание инструментов, сопение доктора. Более всего Семена интересовало в этот момент тяжесть травмы и последствия ранения. Надеясь, что хирург даст хоть какое-то объяснение, он не дождался от него ни слова и тогда спросил сам:

— Доктор, что там у меня? Опасное ранение?

— Любое ранение опасное, если его не оперировать и не лечить... Вам повезло, что взрывная волна прошла по касательной, лишь разрушив четвертый палец и мизинец. Они восстановлению не подлежат, так как самоампутировались, третий и второй — вывихнуты, но сохранился большой палец, а это значит, что не нарушен свод стопы, и она будет сохранена, если правильно лечить и восстанавливать после ранения и поменьше говорить. Мы все сделали, что можно сделать в полевых условиях, чтобы не развивался некроз. Сейчас вас отправят в тыловой госпиталь, а мне остается пожелать скорейшего выздоровления.

Хотя врач и упрекнул Семена в болтливости, но говорил в основном он сам, и не зря. После его разъяснения ушли мрачные переживания, навалившиеся сразу после ранения, когда в воображении всплывали не лучшие картины предстоящей инвалидности.

Вскоре раненым выдали костыли, завели в автобус, где половина мест оказалось переоборудована для лежачих, и почти все они были заняты. Подошла еще «буханка».

Вновь прибывших рассортировали, нескольких оставили, а остальных добавили на свободные места в автобусе, два из которых были забронированы для сопровождавших врача и фельдшера. Когда они пришли, обвешанные сумками с приборами, аптечками и пересчитали раненых, устроив переключку, водитель принес две упаковки бутилированной воды.

Ехали молча, тишина прерывалась лишь от чьего-то стона на ухабах.

Большинство же раненых молчаливо переносили дорожные лишения, лишь морщились и скрипели зубами, просили сделать обезболивающий укол. Ехали с закрытыми глазами, и можно было подумать, что все спят, но никто не спал, все терпели боль и обдумывали свое положение, в мгновение изменившееся после подрыва мины или пулевого ранения.

Все думали, что их повезут в Ростовский госпиталь, но когда автобус добрался до трассы «Дон» у Богучара, то автобус просквозил далее, пошел шибче, хотя надвигались сумерки, и теперь у всех было на уме и на устах одно слово: Воронеж. Раненые, терпя боль и неудобства, находясь в полусонном состоянии, нагрузились тревожными мыслями, попытки угадать или предвидеть собственное будущее. Семен вспомнил Виолку, вот ей труднее всего, она какой месяц находится в неведении. Вспомнил и мать с отцом, представил, каково им ожидать весточку от сына... В конце концов, Семен задремал, а проснулся, когда автобус въехал в ворота госпиталя, занимавшего старинное здание. Напоследок распрощались с сопровождавшим врачом и фельдшером, поблагодарили водителя и, цепляясь за кресла, опираясь на костыли, выбирались на волю, где не стреляют, не свистят мины и не рвутся снаряды. Всех прибывших ожидали каталки с волонтерами.

После оформления и осмотра их направили в санпропускник. На костылях бойцы чувствовали неуверенно. Долго и неуклюже раздевались, стягивая с себя одежду, превратившуюся в окопах в землистого цвета дерюгу — тяжелую и сальную. Волонтеры, проверив карманы, присобачивали к ней бирки с номерами и бросали в общий, пугающий фронтовыми «ароматами» ящик, а раненых тут же стригли наголо. Потом волонтер, упаковав Семену раненую ногу в пакет, крепко обвязав его скотчем, провел в душевую кабинку. После почти месяцев бесконечного пота, простуды, промокших ног и соплей напиваться теплом под ласковыми струями, согревавшими душу, казалось бесподобным фантастическим удовольствием. Но волонтер все испортил, напомнив, что с повышенной температурой нельзя долго нежиться. Пока Семен мыл голову и тело, то молчал, но теперь захотелось ответить волонтеру, и он сказал будто для самого себя:

— Хорошего много не бывает.

Выбравшись из кабинки, он вытерся полотенцем, надел неправдоподобно чистое белье, пижаму и брюки. И сразу его повезли в операционную, где вновь раздели, уложили на стол, опять, как и в апреле, обездвижили низ, и он впал в эйфорию, кружившую голову. Никто ему ничего не говорил, не спрашивал, словно жалели слова или устали от них. Да ему и не были нужны ничего не значащие реплики, хотелось тишины, покоя и тепла в прохладной операционной... Наполненного этими мыслями его отвезли через час в палату, переложили с каталки на неправдоподобно чистую постель, где он вскоре заснул, с запозданием подумав: «Вот я и на месте!»

А далее все пошло проще и привычнее. Какой-никакой, а госпитальный опыт у Семена имелся. Проснувшись ночью от боли, когда ослабла анестезия, он вызвал медсестру, попросил сделать обезболивание и, получив его, попил воды, вновь окунулся в сон и спал без сновидений, словно беззаботный ребенок, спал до той минуты, когда медсестра пришла мерить

температуру. Он выпил таблетки и откинулся на подушку, почувствовав усталость, принялся рассматривать раненую ногу с просочившейся сукровицей сквозь повязку и шиной на стопе в виде «лаптя» с липучками. «Вот это прикид!» — усмехнулся Семен и огляделся; заметив среди других больных два знакомых лица, удивленно воскликнул:

— Привет, однополчане, не узнаете лысого и в пижаме?! Мы же вместе сюда пылили!

Пацаны посмотрели на него, стараясь припомнить, что было трудно после смены «имиджа», и улыбнулись:

— Под хороший мы попали замес!

— Теперь кто-то либо звездочку на погоны добавит, либо кого-то в рядовые разжалуют.

— Ну, это вряд ли... Не любят у нас этого. В другое подразделение переведут, не более.

Сегодня они уже могли легко вспоминать подробности вчерашнего боя, лишь один боец нелюдимо отвернулся к стене и не принимал участие в болтовне. Семен, указав на него взглядом, молча спросил: что с ним? Вслух Семену не ответили, лишь показали, что оттапали ему стопу — вот и замкнулся... Их короткое обсуждение прервалось врачом обходом. Два врача, как Семен понял, лечащий и начальник отделения, подошли к каждому раненому, спрашивали о самочувствии, изучали снимки, интересовались у медсестер температурой и давлением больных, на что те отвечали, что, мол, все штатно, жалоб нет, а пожелание у всех одно: час-другой поспать перед обедом, хотя бы немного наверстать упущенное. Как только закончился обход, все в палате дружно повернулись к стене и дали храпака, а после обеда начали переговариваться. И только один по-прежнему молчал, даже и тогда, когда, приглушив голоса, начали называть родным. Семен никогда не любил прилюдных телефонных разговоров, но здесь был не тот случай, и он решил позвонить хотя бы по двум-трем номерам. Сначала хотел удивить дочку, но мысль о том, что Маргарита не позволит толком поговорить с Виолкой, начнет либо жаловаться на что-то, либо кого-то клеймить, а Семену так не хотелось в этот момент слышать о чужих дрязгах, что он первым активировал телефон мамы, представив, как она сейчас радостно переполнится.

— Ой-ой, сынок объявился!.. — Она хотела еще что-то сказать, но захлипывала, запричитала и не могла остановиться.

— Мамуль, ну, успокойся... Вот и дождалась, услышала. У меня все хорошо.

— Ты где?

— В госпитале, мам. С легким ранением. Как вы там?

— Да все глаза проглядели, с телефоном не расстаемся ни днем, ни ночью. Уж не знали, что и думать. А ты сам объявился! Где же находишься-то?

— В Воронеже, мам.

— Ой, это недалеко — можно приехать.

— Пока никуда приезжать не надо. Вот немного оклемаюсь, тогда видно будет. Как вы там, как папа?

— Он работает, я тоже на работе. Недавно вышла, а перед этим в больнице лежала — делали операцию по удалению грыжи на позвоночнике. Теперь можно сказать, что оклемалась. Оля помогала, каждый день приходила.

— Это какая Оля?

— Сынок, ты чего? Невестка наша, о тебе часто спрашивала: нет ли весточки. Пыталась звонить, да только телефон твой постоянно отключен.

— Мам, у всех так... Как у отца дела?

— Нормально, работает, о тебе переживает. Сейчас сообщу ему, обрадую!

— Не надо, мама... Сам позвоню. Сделаю сюрприз.

Вера Алексеевна вздохнула:

— Звони, сынок, звони. Если бы ты знал, как я счастлива, когда слышу твой голос!

Семен передохнул, прокрутил весь разговор, вспоминая каждое слово матери, и вдруг почувствовал, что и сам готов заплакать от всего того, что испытал после мобилизации. И сколько подобных испытаний будет еще у тех, кто остался на фронте, кто ютится в эти минуты в окопах и блиндажах. Со стороны это и представить невозможно. Только побывав там хотя бы день, час или даже минуту, можно понять, что это такое — фронтовая жизнь.

Передохнув, попив водички, Семен высветил номер отца и, когда он взял трубку, сказал три слова:

— Папа, это я!

— Слышу, слышу, дорогой сынок! Ты где?

Семен повторил все то, что говорил маме, распространяться не стал, зная, что теперь имеет возможность наговориться со всеми.

Он связался по телефону и с Маргаритой. Услышав ее голос, почти не узнал. Зато она сразу его определила:

— Вот и зятек ненаглядный вспомнил о нас?! И где же вы, уважаемый Семен Иванович, пропадаете?

— В госпитале...

— Опять на больничной койке? С чем на этот раз?

— Ногу зацепило. Как вы поживаете? Как Виолка?

— Простужены обе. Так что сидим дома, лечимся народными средствами... — Если бы Семен мог видеть разговор с Маргаритой со стороны, то увидел бы, как его Виолка, отложив куклу, насторожилась, подошла к бабушке и пыталась понять, с кем так необычно разговаривает она. — Ну, а ты-то давно попал к врачам?.. Ну что, что?.. — донеслось до Семена Маргаритино недовольство. — Твоя доча трубку отнимает, рвется поговорить с папой!

— Папочка, это ты? Жду-жду, а тебя все нет и нет! Когда закончится командировка?

— Почти закончилась. Еще немного, и мы увидимся!

— Я очень скучаю и... — Она не договорила, завсхлипывала. — Папочка, приезжай скорее, я буду тебя очень ждать.

Семен решил, что разговор завершен, но трубку взяла Маргарита, и сразу с вопросом:

— А почему ты не спросишь, как мне живется, сколько тягот приходится переносить, нападок и лжи?

— О чем речь?

— Понимаю. Тебя это особенно не касается, а меня бывшие дружки мужа достали. Они от известного тебе ушлепка Подберезова узнали, что я ему вернула деньги, поверив на слово, сделала, можно сказать, исключение, а он взял и всем рассказал. И теперь несколько человек подали на меня исковые заявления, в суде их объединили в одно дело, и предстоит разбирательство. При моем адвокате понятно, что они получают шиш без

масла, но ведь нервы-то мотают, и какво все это терпеть, ведь я далеко не девочка.

— Адвокат-то надежный?

— Надежней не бывает. Еще с Германом Михайловичем работал: и специалист прекрасный, и душа-человек — Виолку подарками подарил.

Прибылой насторожился от слов Маргариты об адвокате, о его подарках дочке, сразу стало понятно, что неспроста он подкатывает к вдове. А что: недвижимости у нее много осталось от мужа, почему бы не пожить-ся. А для этого можно и на чужого ребенка немного потратиться. К тому же, если дарит, значит, бывает у Маргариты дома, гоняют чай и все такое прочее, а несчастная Виолка смотрит на это. Поэтому она и заплакала, услышав отца. «Вот излечусь и обязательно заберу ее к себе! Отец я или кто?» — решил он.

— Ну и дай Бог, если поможет и есть к нему доверие, — не стал раскрывать своих мыслей Семен. — От Ксении нет известий?

— Как в воду канула. А вот ее Максима в городе видели, раскатывает на дорогой машине.

— Кто это сказал?

— С работы Ксении звонила ее подруга, сообщила, что видела его, не могла ошибиться. Я все-таки позвонила его матери, хотела навести справки, хоть что-то узнать, но никто трубку не взял, что тоже настораживает.

— Вот так фокус! Теперь понятно, почему его мать не желает с вами говорить. Значит, она в курсах и что-то скрывает. Это дело нельзя так оставлять.

— Я рассказала об этом Роману Осиповичу, моему адвокату, он на-вел справки по своим каналам и узнал, что этот Максим, как и Ксения, числится в пропавших без вести, и в этой связи заведены уголовные дела, но официально подтвердить их бесследное исчезновение можно лишь через год в суде. Но занимаются ли расследованием — вопрос?

— Признаться, я ошарашен! Надо написать новое заявление следователю. Пусть найдут этого Максима, допросят: почему он живой и на свободе, а Ксения как в воду канула? Уж не причастен ли он ко всему этому? Надо что-то делать!

— Я звонила следователю, он лишь отмахнулся: мало ли кому что-то привиделось? Фактов, что он пересекал границу, у них нет, а если нет, то и расследовать нечего. Так что остается ждать и более ничего. А ты поскорее выздоравливай и возвращайся, хоть немного поможешь мне.

Пока разговаривал с родными, Семен нет-нет да поглядывал на молчащего парня-соседа. Отложив смартфон, первое, что сделал, окликнул замкнувшегося бойца. Но тот и не пошевелился. Тогда Семен, подобрав костыли, подошел к нему, тронул за плечо:

— Как тебя зовут-то?

Тот долго не отзывался, потом вздохнул:

— Николай я...

— Вот и хорошо. А я — Семен. Ты из какой роты?

— Из третьей, третьего батальона.

— Тогда мы однополчане... Хватит хандрить! Мы тут не просто так собрались, а каждый со своей болячкой. Домой позвони, поговори с родными — все легче на душе станет.

— Звонить не с чего... В роте мой телефон пропал.

— Бери мой, хоть обзвонись.

Семен положил на тумбочку Николая.

— Спасибо! После ужина позвоню родителям.

«Ну, хоть так! — подумал Семен. — Помаленьку придешь в себя».

Жизнь Ольги Прибылой нельзя назвать какой-то особенной: обычная жизнь вдовы. Сама Ольга, в меру современная, в меру замкнутая, обладала характером мягким, не стяжательным, для нее сказать кому-то что-то грубое — себе дороже. Ведь потом вся изведется. Она даже не могла по-настоящему приструнить сына, когда это следовало сделать. Скажет только: «Мне стыдно за тебя...» И ни истерики, ни слез. Лет до одиннадцати Женька не понимал такого отношения, даже пользовался этим, считал слабостью материнскую мягкость, а потом в нем будто что-то щелкнуло. Случилось это недавно, когда Семен подарил велосипед. Обещал — и подарил, и денег дал на форму к школе, что его особенно удивило. Ведь не отец родной, а дядька. Какой с него спрос?! Женья хорошо запомнил, что и мама изменилась, даже переживала, когда его мобилизовали. И если прежде называла его дядей Семеном, то теперь просто Семеном.

Но сама-то Ольга знала, что изменилась в своем отношении к нему не после покупки им велосипеда, а когда он провожал их с Женькой. И что с ней тогда произошло, как она осмелилась ни с того ни с сего поцеловать деверя — так тогда и не поняла. А ведь прилюдно поцеловала — у подъезда, и совсем не жалела об этом. На нее это совсем не походило, но это было так. И тот поцелуй она запомнила. Хотя Семен, похоже, не обратил на него внимания.

Он, конечно, не знал ее мыслей, но когда его мобилизовали, Оля восприняла это близко к сердцу. Месяца четыре уже прошло, когда она приходила в гости к теще и тестю, которые тогда организовали вечер по случаю отъезда Семена в Заречье, а ей казалось, что это все произошло словно вчера. Она пыталась узнать у его родителей хоть какую-то информацию о нем, но и они ничего не сказали нового, хотя свекровь даже ездила в военкомат.

И вот теперь узнала, что Семен находится в госпитале с ранением ноги, и душа всколыхнулась. Сразу масса вопросов: где лежит, давно ли?

Даже ничего толком не узнав, она сразу позвонила ему. Правда, без всякой надежды, что он ответит, как было до этого дня, но нет — отозвался!

— Семен, это ты? — не поверив, переспросила она.

— Я, Оля, я! Спасибо, что вспомнила! А я собирался звонить тебе...

— Правда? — удивилась она.

— Конечно, хотел поблагодарить за помощь маме после операции. Ты — молодчина! Погоди, сейчас перезвоню...

Хотя не это хотела услышать она, но не подала виду, когда он перезвонил:

— Мы вместе с Женькой помогали. О тебе говорили. Мы так все соскучились. — Вообще-то хотела сказать, что это она соскучилась. А почему, сама не знала. — И долго будешь лечиться?

— Только позавчера прибыл. Говорят, недели две прокантуюсь, — приврал он, хотя ему сказали, что будет «кантоваться» месяц, но не хотелось ее пугать, потому что его слова обязательно дойдут до родителей. — Рана так себе, можно сказать, царапина.

— С царицами две недели не держат, — засомневалась она. — Их на месте обрабатывают и бинтуют.

— Суть не в этом. Главное — я живой, а все остальное ерунда. Как вы с Женькой поживаете? Какие новости?

— Все обычно. Я работаю, Женя учится. Велосипед — твой подарок — законсервировал на зиму. В комнате стоит, бережет. «На балконе, — говорит, — заржавеет!»

— Не избалованный он, поэтому и бережливый. Хорошее качество. В жизни пригодится. Мотом всегда успеет стать.

Она вздохнула.

— Чего вздыхаешь?

— Да так... Соскучилась, — призналась она. — Только ты не подумай чего.

— Не думаю, а все равно приятно. Ладно, Оля, у нас будет еще время поговорить.

— А жена твоя не нашлась?

— Нет. И, судя по всему, не найдется, хотя всякое в жизни бывает, но это трудная история, и не хочется ковыряться в ней.

— Ну и правильно! Мы хорошо поговорили. Я рада. Как-нибудь еще позвоню! Ты не против?

— Звони, но лучше я тебе сам позвоню как-нибудь вечером, а то днем тут суета стоит.

— Тогда буду ждать. Целую!

— Взаимно! — отозвался он и отключил телефон.

Семен совсем не ожидал от себя, что скажет: «Взаимно», но это слово прозвучало, и означало оно, что он попался в Олины сети. Уж чего-чего ожидал от этой тихони, но только не этого. «Как она меня? Чудеса и только!» И это тем более удивительно, что никогда прежде он ничего не замечал за Олей подобного, а теперь ее будто подменили. Правда, он давно замечал ее неравнодушные взгляды, но не придавал им значения. Все это так, но надо сто раз подумать, прежде чем откликаться на душевные порывы невестки. Ведь как быть, допустим, с памятью о брате?

Если бы Семен знал, о чем думала Оля после разговора с ним, то вполне убедился бы, что от романтических чувств она немного съехала с колес, и ее звонок подтверждал это. Фантазии уводили ее далеко-далеко, намного дальше, чем он мог предположить. «Вот выйду за Семена замуж, и даже не придется менять фамилию...» Эта мысль даже веселила ее, но с другой стороны, думала: «Одумайся, девушка, ведь не весна на дворе, война идет, а у тебя бог знает что на уме! — клеймила она себя, но нисколько не осуждала, потому что знала, что дождалась, и нашла то, что искала. — И пусть потом что угодно говорят обо мне, о Семене. Совесть наша чиста, и никто не вправе судить нас, если даже в Писании указано, что жена погибшего переходит к его брату и становится его женой». Этим изречением она успокаивала себя, убеждала, хотя такие случаи редки, но все же бывают. И кто теперь, в современной жизни, может сказать, что правильно, а что нет.

Она мечтала о том дне, когда ее желание исполнится. И неважно, каким он выйдет из госпиталя после ранения — она примет его любимым и даже сильнее будет любить, кто бы что ни говорил. Главное, она сама верила в него и знала, что он ей необходим. Разве этого мало, разве мало того, что ее душа соединится с его душой, и кому от этого будет хуже? Его и ее родителям, Женьке, которому Семен заменит отца?

Оставшись без Семена, Толян Кочнев вдруг почувствовал, что земляка очень и очень не хватает. Это тем более удивляло, что он знал-то его по-настоящему без году неделя, зато в условиях постоянного риска и непредсказуемого ближайшего будущего. На фронте люди живут одним днем, даже одним часом, минутой. Иногда миг отделяет от жизни и смерти, уж сколько он успел насмотреться таких смертей. И это при том, что их батальон пока не принимал участия в больших наступательных боях, хотя постоянно оборонялся от наседавшего противника.

Толян не вникал в политику, но и он стремился познать тот или иной расклад вражеских сил. Его интересовало одно: когда враг окончательно поймет бесплодность своих устремлений, а наши войска соберутся в боевой кулак и по-настоящему покажут себя. Уж так не хотелось торчать в опостылевших окопах, в которых изучил все трещины, все обрубки корней, а душа рвалась идти вперед по светлым полям на вольном воздухе. Собраться в лавину и все смести на пути, но пока не намечалось подобного движения. В конце концов, и великие полководцы прошлого не гнушались этим маневром.

Тем не менее, эти мысли озадачивали Кочнева, не давали покоя. Спросить бы у Комракова? Но к нему ведь не подойдешь абы с чем.

Зато на другой день представился случай переговорить с Безруковым, когда тот спросил о его кислой физиономии.

— Радоваться-то нечему. Сидим в норах, как кроты, совсем ослепли и оглохли.

— Не торопи события. Враги личный состав из-под Херсона перебрашивают к нам. Не заметил, как они в последние дни озверели. Так и прут буром. Захватили село Макеевку, чуть ли не отделение наших пленных расстреляли. Не раненых, не контуженных — сами вышли к ним, наивные юноши, и лапки кверху, а враги в расход их. Вот и думай после этого.

— Тебе только политруком быть.

— Не люблю я командовать да людей поучать. Поэтому меня даже из монтажников выперли, а здесь тем более накроют медным тазом и заземлят. Так что приказали наступать — наступаю, прикажут отступать — отступлю вместе со всеми.

— Какие-то мы неправильные с тобой. У меня вот тоже облом получился: обратился к Комракову, хотел напроситься коптерами управлять... Не взяли!

— Правильно сделали. Обучить, конечно, можно любого, у кого башка на плечах, но на фронте не тот случай, чтобы учить с нуля. Здесь подготовленные технари требуются. Так что не переживай. Мы на своем месте нужнее.

— Ладно, вот о ком скажи, о Прибылом. Ничего не слышно о нем? Семен мне, можно сказать, жизнь спас, ну, если не жизнь, то ногу — это без вопросов.

— Это когда же?

— Когда недавно гнали врагов вдоль деревушки, а там «лепестков» как из мешка насыпано. Засмотрелся я, а Семен увидел, что вот-вот наступлю на мину, и оттолкнул меня. Об этом долго рассказывать, а тогда счет шел на доли секунды.

— Семен — тот еще спец-спасатель! Он и меня спас... из плена. В первые дни это было, когда с мобилизованными на пополнение прибыли.

Сразу нам работенку подкинули — блиндаж строить. Выкопали мы яму и пошли в лес за бревнами: пилили, носили, а в какой-то момент я решил по грибам пройтись, по кустам пошарить... Тридцати, наверное, метров не прошел, как передо мной двое нарисовались: автомат отняли и повели в глубь леса. В тот момент Семен стоял в охранении — заметил это гнусное дело и двумя короткими очередями срубил их. Потом слух прошел, что его к награде представили, только где эта награда, где теперь сам Семен.

— Это ты поэтому всегда с лимонкой ходишь? Думаешь, поможет?

— Поможет... на тот свет отправиться да парочку с собой прихватить.

У меня их две! — Толян оцупал разгрузку.

— Ты хотя бы спать-то с ними не ложись, а то мало ли чего.

— Нормально все. Чека у каждой надежная, с загибом. А то дээргэшников вражьих развелось — нельзя спокойно отлить. Чуть ли не под каждым кустом сидят.

29

В последнее время, когда объявился зять, Маргарита стала поругиваться с Виолой. До этого пылинки с нее сдувала, учила читать, счет цифрам запоминать. А теперь той ни до чего стало, чуть что: «Папе позвоню!»

— Лапка моя, да нельзя так часто ему звонить, начальство отругает. Ведь его и врачи осматривают, и процедуры он принимает, а в тихий час ему поспать надо, отдохнуть, а здесь ты: «Папочка, поговори со мной!» Вечером ему позвонить можно, когда у него, думаю, есть свободное время, ему это будет в радость.

Несколько дней назад Маргарита проговорила о Семене перед Виолкой, сказав, что он в госпитале, а не в командировке, как ранее внушала внучке, и та сразу это запомнила:

— Бабушка, ты всегда говорила, что он в командировке? — решила Виола выяснить у бабушку правду, и той пришлось выкручиваться:

— Так и есть... Из командировки он попал в госпиталь, и теперь у него есть возможность позвонить нам.

— А что такое — госпиталь?

— Военная больница, поняла?

Виолка поняла бабушку, но все равно было обидно, что бабушка все это знала и молчала. У той же свои заботы. Предстоящее слушание дела по иску группы лиц не позволяло спокойно жить, хотя бы так, как жила до этого. На судебное разбирательство она сама не собиралась из-за Виолки (не тащить же ее с собой на слушание), поручила защиту адвокату, хотя и не могла предположить, что он там может наговорить.

— Ведь для доказательства мнимой вины ответчика заявителя ничего не могут предъявить: ни платежных документов, ни показания свидетелей, а на расчетном счете фонда нулевой баланс, — убеждал адвокат. — Даже непонятно, как это дело вообще дошло до слушания, почему не развалилось на досудебном расследовании. Хотя, учитывая влияние некоторых заявителей, это понять можно. Но вы, дорогая Маргарита Леонидовна, не переживайте, я все сделаю для восстановления справедливости.

Маргарита и сама это понимала. Но понимать — это одно, а чувствовать себя юридически защищенной — совершенно другое. И это слушание для нее — лишь разминка. Ведь скоро исполнится полгода со дня смерти мужа, предстоит вступать в права наследства, а эта волокита с пе-

реписыванием документов — вещь сложная. Летом же и вовсе предстоит через суд, как ей объяснили в полиции, установить факт смерти любимой дочери, если, конечно, она не объявится с божией помощью. Дел предстоит много, а у нее нет ни времени, ни денег особенных, и опять же предстоит избавляться от недвижимости: то ли продавать загородный дом, то ли квартиру Ксении, в которой она ни дня не жила. И начать все-таки надо с загородного дома, а квартира — это уж на самый экстренный случай. В общем, забот невпроворот. И теперь у нее единственная надежда на адвоката. Он либо сам займется всеми этими делами, либо подключит своих помощников — ей без разницы. Лишь бы дела продвигались. Одно такое должно на днях разрешиться, и от его результатов во многом зависело дальнейшее сотрудничество с Романом Осиповичем.

Ждать долго не пришлось. Через день он стоял на пороге квартиры с цветами, с подарками для нее и внучки: высокий, с легкой проседью, в дорогих и стильных очках, и мило улыбнулся, когда Маргарита открыла дверь:

— А вот и я! Прошу любить и жаловать!

— Проходите, Роман Осипович! Мы вас ждем!

Он вручил хозяйке букет цветов, внучке — коробку с набором кукол.

— Вы сегодня прекрасно выглядите! — порадовал он хозяйку, прежде чем сесть за стол.

— Ой, прекратите, умоляю вас! Вот откупорьте, — и подала бутылку вина. — Надеюсь, есть повод выпить?

— Еще какой! Хотя я и ранее говорил, что сегодня будет чистая формальность. Подробности рассказывать нет надобности, скажу лишь, что решение суда должно быть изготовлено в пятидневный срок, а так как вы лично не принимали участия при оглашении, вам обязательно направят копию. И более вас ничего не должно волновать. Пусть заявители подадут апелляцию, пусть волосы на голове рвут, вас это уже не касается.

— Ну, что же... — улыбнулась Маргарита, — есть прекрасный повод выпить!

— Поддержу вас в этом замечательном предложении!

Они отпили из бокалов, Маргарита положила гостю салат из спаржи и шампиньонов, подвинула поближе тарелку с беконом.

— Мне тоже спаржу! — подала голосок Виола.

— В салате есть перец, а тебе нельзя острое.

— Бабушка, ну немножко, одну только веточку... И грибочек.

Гость улыбнулся:

— Какая милая девочка, смотришь на нее, и душа радуется.

— Шалунья она у меня, хуже стала вести себя.

— А мой папа скоро из госпиталя приедет! — доложила она Роману Осиповичу.

Тот посмотрел на Маргариту:

— Он что же, с вами живет?

— У него свое жилье. Виола очень скучает. Как ни хороша бабушка, а папа ближе. Вот заботится о нем, ждет не дождется. Он ведь под мобилизацию попал, ранение получил, теперь лечится.

— Что ж, дело случая, — не стал гость ничего уточнять. — Это уж как кому повезет.

Маргарита принесла из духовки запеченный бок баранины, шипящий на широком блюде.

- Опять то, что мне нельзя! — по-взрослому вздохнула Виола.
— Фрукты ешь, орешки, курочку отварную могу положить. Будешь?
— Положи... — смешно развела девочка руками, смиряясь со своей участью.

Роман Осипович поглядывал на Виолку, на Маргариту, с которой они почти ровесники, и по нему было видно, что он что-то задумал. Когда хозяйка ловила его загадочный взгляд, он его не отводил, надеясь, что очки-«хамелеоны» скроют его откровенность. В какой-то момент он даже подсел к хозяйке и, почувствовав ее тепло, положил ей голову на плечо, словно сдавался на милость победителя.

Виолка к этому времени, так и не доев курицу, начала клевать носом.

Посмотрев на ее мучения, Маргарита увела ее в спальню, уложила, начала читать сказку о волке и лисице, но девочка по-взрослому вздохнула:

— Тебя ждут!

— Не болтай чепухи, — будто вскользь отговорилась Маргарита. — Сама заснешь?

Девочка кивнула, демонстративно повернулась к стене, а бабушка вышла из комнаты и тихо закрыла дверь.

— Сегодня у тебя останусь! — вкрадчиво отреагировал Роман на ее возвращение. — Нужно составить примерный план дальнейших задач, а их, признаться, у нас с избытком.

— А как же жена?

— Я с ней в разводе, и это к нашему делу никак не относится.

Он говорил так спокойно и рассудительно, что Маргарита не смогла возразить, словно заранее смирилась со своей участью. Впрочем, участью ли, если она и сама желала перемен в жизни, стабильности, устав от бесконечных волнений. Уж столько на нее свалилось переживаний и забот, сколько, наверное, за всю жизнь не припомнит.

Роман Осипович, оставшись у Маргариты в этот вечер, стал постоянно навещать ее. И сразу многое изменилось. Даже Виолка изменилась. Она стала реже звонить отцу и подолгу говорить с ним.

Как-то он попросил еще поболтать, но она торопливо, с деловой интонацией в голосе доложила:

— Пойду помогу бабушке ужин готовить! А то она жениха ждет!

Семен так и обомлел: «Какого такого жениха?! Что за бред?!» — хотел уточнить, но дочка отключила телефон.

Завершалась третья госпитальная неделя, и все вроде бы наладилось, шло привычным чередом, как и выздоровление Семена. Иногда, накручивая метры по коридору, он пробовал слегка давать нагрузку раненой ноге. Все рекомендации врачей Семен старался исполнять, мечтая о том моменте, когда, отбросив костыли, пойдет обычной походкой. Пусть это будет не сразу, но он добьется своего.

Как-то, возвратившись из прогулки по коридору, Семен вспомнил худого и носатого директора автобазы, его слова о том, что, мол, место забронировано — приходи и трудись. Даже книжка трудовая у них хранится. Решив убедиться, что это так, Семен позвонил ему, желая узнать, что к чему.

Активировал его номер и сразу услышал:

— Кого я слышу! Семен Иванович? Докладывай, дорогой!

— В госпитале я нахожусь, с ранением ноги. Дело идет на поправку, надеюсь, что после реабилитации вернусь к вам. Местечко держите?

— Обязательно, а как же! Совсем работать некому!

— Пока точный срок назвать не могу, но месяц моя тягомотина продлится.

— Такое серьезное ранение?

— Серьезное не серьезное, а на костылях прыгаю. Правда, динамика положительная, осложнений нет. Надеюсь и желаю вернуться и все сделать, чтобы это произошло как можно скорее.

— Ну, если есть желание — это самое главное. Возвращайся, ждем.

К этому времени Прибылой окончательно отоспался, немного даже поправился. И каждый день копался в смартфоне, ища ролики и сайты с сообщениями с фронта, но более всего его интересовало противостояние на линии Хватово-Временная, где держала оборону его рота. С каждым днем он все острее понимал, что такое война, каково быть на «передке», где бойцы порою и дня не живут, а кто месяц провоевал, тот вообще герой.

Раненых в госпитале прибавлялось. Были и парни из их роты. Семен многих мало знал, кивнет головой при встрече в коридоре и далее кovyляет, уткнувшись в пол, словно остерегаясь неровности.

Однажды его кто-то окликнул:

— Семен! Неужели ты?!

Прибылой взгляделся и узнал в человеке с загипсованным правым плечом и с поддерживающей косынкой Безрукова из своего отделения — и невольно замер, расплылся в улыбке:

— Антон?! Где расположился?

— В конце коридора, крайняя палата справа...

— Пойдем ко мне. Посидим, а то что-то устал — из стороны в сторону начинает водить.

Когда пришли и сели на кровать, Семен толкнул Николая:

— Посмотри, кто пришел-то?

Николай повернулся к ним и не удивился:

— Еще наш! — Он пожал Антону левую руку и вновь отвернулся к стене.

— Какие новости? — спросил Семен у Антона после паузы.

— Самая главная — плохая... Не стало Толяна Кочнева, твоего дружка. За три дня до моего ранения.

— Расскажи, как было дело... — попросил Семен.

— Характер у него шепутной, сам знаешь... В контратаку мы пошли, Толян, как всегда, впереди... Когда начали отходить на свои позиции, не сразу заметили, что его нет. А смотрим, метрах в ста пятидесяти мелькает он в кустах с красной повязкой на рукаве — у всех наших белые, у него — красная, а вокруг него несколько врагов, видимо, хотели живым взять, только у него всегда с собой имелось две «лимонки». Ну, он и шарахнул их обе, да так ловко, что укропы даже не успели разбежаться — попадали; трое или четверо их было... — Антон замолчал, и никто в палате не смотрел друг на друга, будто все оказались виноваты в гибели Кочнева. — А как стемнело, мы эвакуировали его, сначала на полусогнутых шли, а последние метров пятьдесят ползли. Обнаружили и опознали его по красной повязке... Надо бы его родителям сообщить.

— Сообщу, только не сразу, — встрепенулся Семен. — Мы ведь с ним

на соседних улицах живем... жили. Вот выпишусь из госпиталя, побываю у родителей, на могилку схожу.

— Вместе ходим, не забывай, что и я земляк.

В палате стало тихо: ни разговоров, ни музыки, как обычно, и Антон легко поднялся:

— Пойду, парни, к себе... А Толяну пусть земля будет пухом...

Когда Антон ушел, парни в палате мало-помалу разговорились, а Семен так и промолчал остаток дня, да и потом продолжал о чем-то думать. Почему-то не верилось в гибель Толяна, казалось, что произошла несуразная ошибка, кто-то что-то перепутал и сообщил о его гибели по недосмотру ли, по глупости или коварству. Хотя как не верить Антону, если он был свидетелем. Семена даже не обрадовали слова врача на недавней перевязке, когда тот самолично осмотрел заживление стопы и сказал медсестре:

— Можно накладывать сухую повязку! — И добавил: — А вам, молодой человек, на следующей неделе пора готовиться к выписке. Залезать — не лучший способ реабилитации. Вам теперь необходимо двигаться, будет боль, натертости, а чтобы их было меньше, приобретите обувь на размер больше, желательно с меховой мягкой начинкой. Сейчас зима — как раз по сезону будет. Скорее всего, вас комиссуют, и отправитесь домой с чистой совестью.

Возвращался из перевязочной Прибылой в лучшем настроении, чего уж скрывать. Сразу исчезли госпитальные переживания последних недель, отдалились окопные воспоминания — теперь они представлялись одним большим эпизодом, а подробности возвращались лишь во снах, особенно первое время, когда он вновь и вновь «наступал» на мину и всякий раз просыпался, переворачивался на другой бок и долго не мог заснуть. Теперь все это позади и надо смотреть вперед.

Вечером долго разговаривал с Ольгой, даже вышел в коридор, чтобы не тревожить Николая романтическими вздохами. Что он сказал Ольге? Да ничего особенного: повторил разговор с доктором, обсудил, как ему лучше добираться до Сарматова. В какой-то момент разговора не выдержал и спросил напрямую:

— Оль, быть может, я начинаю бежать впереди паровоза, но мне важно понять, могу ли я надеяться на твою помощь, не получится ли так, что на словах одно, а на деле будет другое. При этом для меня важно твое отношение, а еще важнее, чтобы оно не изменилось, когда ты встретишься со мной, как ты поведешь себя при этом: как с товарищем или как-то по-иному?

Она перебила его же словами:

— «Как-то по-иному», как с любимым человеком. Не переживай. — Она вздохнула. — Я сама себя не узнаю, это просто какое-то сумасшествие. В мыслях только ты, встреча с тобой — это сейчас для меня главное, а что будет потом? Будь что будет, и уже неважно, что станут говорить о нас наши родители!

— А Женька?

— С ним-то как раз легче всего. Ты у него с языка не сходишь: «Семен говорил», «Семен помог» — и все в таком роде. — Она вновь вздохнула и надолго замолчала.

— Ты чего?

— Думаю и представляю нашу встречу, и что будет потом...

— Думай не думай, а развязка неизбежна! — пошутил он. — Главное,

чтобы все это тебе было не в тягость, чтобы душа рвалась навстречу. Если уж у нас так далеко зашел разговор, то расклад, на мой взгляд, таков: я выпишываюсь из госпиталя, сажусь на автобус до Сарматова, ты меня встречаешь, и мы едем... куда ты думаешь?

— Не знаю... Куда повезешь, туда и поеду.

— Вот и прекрасно! На первый случай заедем ко мне. Конечно, хотелось бы и дочку увидеть, и родителей. Правда, им пока ничего не говори, поставим перед фактом... Что ты молчишь?

— Плачу от неожиданности, от волнения дышать не могу.

— Первые десять лет трудно будет, потом привыкнешь!

— Тебе только бы шутить. Приезжай скорее! Целую и жду!

Семен отключил смартфон, вернулся в палату и до ужина лежал в постели, вспоминая разговор и представляя будущую встречу.

31

Как ни ждал Семен Прибылой выписки из госпиталя, но она случилась будто бы неожиданно, хотя к этому времени наступила зима. Воронеж — город почти южный, и снега не было, из окна казалось, что осень так прописалась на его улицах, что не будет ей конца, зато подмораживало. В среду после утреннего обхода ему было сказано, что сегодня подготовят необходимые документы, завтра состоится врачебная комиссия, и тогда лети, голубь, на все четыре и радуйся жизни. «Завтра так завтра! — решил Семен. — День сюда, день туда — особой разницы нет!» Он позвонил Ольге, объяснил ситуацию.

— Думаю, на один день ты сбежишь из своего архива, зато потом у нас будет целых три вместе с выходными. До четверга ничего не предпринимай, когда сообщу, тогда и отпросисься. Проходящие автобусы идут из Воронежа вечером, утром буду в Сарматове.

Они еще долго обсуждали подробности, но знали, что всего до конца не предусмотреть. Главное, что они встретятся, увидят друг друга, а что будет потом... Лучше не загадывать. Семен знал по опыту, что в любом ожидании нужно отвлекаться, чем-то заниматься, хотя особых занятий в больничных стенах трудно найти. Зато можно поговорить с товарищами. Он обменялся с ними номерами телефонов, домашними адресами, с каждым поговорил. Более всего переживал за Николая. Тот рвался выписаться, но Семен его успокаивал:

— Не дури! Радуйся, что тебе протез изготовили! Походи с ним, привыкни.

— Никогда я к нему не привыкну!

— Это так кажется. Не стесняйся, говори врачу, где жмет или натирает. Это уж такое дело, что надо потерпеть. Зато подпилят, подправят — это лучше, чем ты сам будешь дома что-то выдумывать. Так что сиди здесь, пока не попросят на выход. И ходи, с утра до вечера ходи и привыкай к «обновке». Что молчишь?

Николай вздохнул:

— Буду стараться. Деваться некуда.

— Вот это правильный настрой!

Перед отъездом поговорил Семен и с Антоном.

— С тобой-то нам проще встретиться. В одном городе живем.

— Надо сначала отсюда выбраться. Ладно, Семен, не будем зря языки чесать. Давай договоримся: как встретимся в Заречье, обязательно

попытаемся на могилке Толяна. Я звонил сегодня его родителям, осторожно спросил о нем, и мне сказали, что его похоронили две недели назад. Рассказал им, кто я, о тебе сообщил. Его отец нормально отнесся, пожелал нам скорейшего выздоровления и приглашал в гости.

— Где ты телефон-то их нашел?

— С Толяном заранее обменялись, как знали, что пригодится.

Перед прощанием с приятелями Прибылой позвонил Ольге, сказал, что через десять минут покидает госпиталь и что позвонит позже, с вокзала, когда возьмет билет. Закинув за спину почти пустой рюкзак и разобрав костыли, собрался к ожидавшему у выхода такси. Его провожали всей палатой, а он чувствовал, как колотится от волнения сердце, и это было радостное волнение.

Очередь в билетных кассах хотя и была небольшая, но когда он построился последним, то какой-то парень в кепке-шестиклинке, спросив: «Из госпиталя?» — на что Семен кивнул, осторожно подхватил его под руку, сказал для очереди: «Боец с фронта!» — и подвел к окошку кассы, и от его внимания Семен даже смутился.

Билет он выправил на автобус отправлением в восемь часов. В запасе оказалось почти три часа, но это не страшно, он подождет, теперь это совсем не тягостно, когда есть определенность. Он позвонил Ольге, сказал, что около восьми утра будет в Сарматове.

— Вот и отлично! — тихо отозвалась она, видимо, находясь на работе. — А я отпросилась на завтра! — И скороговоркой негромко добавила: — Ура-ура-ура! Поеду в Сарматов первой электричкой. Надеюсь, найдем друг друга на вокзале?!

— Найдем, куда мы денемся...

Посадку на автобус объявили вовремя. Семена пропустили вперед, помогли подняться по ступенькам, и уместился он у окна с левой стороны, желая обезопасить раненую ногу во время хождения по салону светлых попутчиков.

Он сидел, обняв костыли, впереди у него была ночь, чтобы попытаться понять, как далее сложатся их отношения с Ольгой, к чему они приведут, как отреагируют родственники. «В суету ввергся народ, в кровавую круговерть, когда многие начали вести себя так, словно доживают последние дни. Но это же не так, если даже раненые строят планы, пытаются выбраться из сложившейся ситуации. А те из них, кто сначала впадал в уныние и даже депрессию, мало-помалу понимали, что на ранении жизнь не заканчивается, поэтому необходимо бороться за свое восстановление, будущее, ибо за ними стоят их близкие, друзья, а кроме того — облака и лес, поле и река, и ветер над ними — все то, что называется жизнью!» — подумал он и вздохнул, улыбнулся от таких своих размышлений.

Когда автобус подъехал к автовокзалу в Сарматове, он выходил последним, чтобы не загораживать дверь костылями и не мешать пассажирам. Аккуратно спустился по ступенькам, а глаза поднял — Оля перед ним улыбается: в сером пальто, в бежевом берете, с сияющими глазами и пытается подхватить под локоть.

Семен лишь глянул в ее темно-зеленые глаза — и все в нем взорвалось от счастливого чувства. Он вдруг увидел в ней то, чего никогда не замечал, хотя знал ее более десяти лет, — ее глубокие глаза, казалось, пронзавшие насквозь.

Освободив руку, он обнял ее, прижал к себе и долго целовал, и мно-

гие прохаживать, казалось, хорошо понимали их, очевидно, представляя и свою подобную скорую встречу.

— Вот я и дома! — наконец радостно сказал он. — И теперь надо подумать, как далее нам быть. Дома, понятно, у меня из еды ничего нет, поэтому хорошо бы сразу кое-чем запастись. Ничего, если тебе придется заглянуть в магазин? Деньги есть?

— Конечно. Еще твои остались.

— Вот и хорошо. Сделаем так: я подожду тебя на вокзале, чтобы не путаться у людей под ногами, а ты уж сама решишь, что нужно купить.

Когда она через полчаса вернулась с двумя пакетами, он улыбнулся:

— Теперь долго можно жировать!

Семен заказал такси.

— В Заречье? — уточнил водитель.

— Туда... — ответил Семен, до конца не веря, что уже через полчаса будет дома.

Когда проехали по мосту Волгу, понял, что это так и есть.

И вот он открыл дверь в квартиру одним ключом и вторым, осторожно распахнул ее.

— Проходите, барышня! Кажется, все в порядке.

Пока они снимали одежду и обувь, Семен приглядывался к Оле, привыкал к ней, будто никогда не видел, а только-только познакомился.

Он подключил воду, электричество, из шкафа достал белье и одежду.

— Пойду-ка я в ванную, смою порох сражений и госпитальные воспоминания.

— А как же быть с ногой?

— Аккуратничать буду, чтобы не намочить бинты.

— Я прикупила несколько пакетов. Вот возьми один. Сам сможешь помыться или помочь?

— Смогу, — отговорился он, не решившись оголяться при ней, а она вполне поняла его.

— Тогда иди мойся, а я столом займусь. Будь аккуратным на мокром кафеле! — заботливо предупредила она.

— Посмотри, на полке в прихожей был скотч.

Заматав им ногу в пакете, Семен долго не валандался: побрился, помыл голову, осторожно, чтобы не замочить раненую ногу, сполоснулся и вышел из ванной комнаты, будто скинув с себя сто пудов.

— Все готово! — порадовала Оля. — Я не утерпела и купила бутылку вина. Ругать не будешь?

— За что же?! Я и сам с превеликим удовольствием выпью. Не поверишь, более двух месяцев спиртное в рот не брал. Был у нас во взводе земляк, предлагал бражку замутить, но на «передке» не до пьянства, если хочешь живым остаться.

Он разлил вино по бокалам и сразу предложил тост:

— За встречу, за нас тобой!

Выпили, она прижалась к нему, потянулась с поцелуем. И кто мог в этот момент удержать их. Не было такой силы на свете.

Они, хотя были с дороги, но долго за столом не сидели, понимая, за чем встретились.

Когда перекусили, Оля сказала:

— Тебе отдохнуть надо с дороги, всю ночь не спал... — И ткнула ему лбом в плечо, показывая свое настроение, помогла Семену добраться до

кровати, поддерживала его, когда тот осторожно опускался. — Я сейчас быстренько душ приму.

Он улегся и вздохнул, закрыл глаза и даже будто бы вздремнул, но от прикосновения теплой ладони встрепенулся.

— Не смотри! — попросила она и, приподняв одеяло, придерживая пушистые волосы, сползающие с плеч, нырнула к нему, осторожно прикоснулась и туго обвила руками.

Нацеловавшись, они на какое-то время затихли в ожидании чего-то важного, но на Семена вдруг наплыло что-то, высветившее образ брата... И сразу его зарождавшееся желание обездвижилось, а сам он не знал, что делать, как перебороть себя. Сначала Ольга не поняла, что происходит, даже слегка отстранилась, а потом, догадавшись, что мучает его, тихо сказала:

— Андрей не обидится... Пусть знает, что я и его сын не в чужих руках... — Она нежно обняла Семена, прижалась, а он готов был в этот момент разрыдаться. Какое-то время молчали, и когда более молчать стало невозможно, она попросила: — Поцелуй меня! Все хорошо будет.

Семен поцеловал и сразу уткнулся ей в шею — и будто забыл себя: где он, что с ним — ничего не помнил и не хотел помнить, ни о чем не думал и не хотел думать. Только Оля, только она и он с ней рядом.

32

В то самое время в квартире Маргариты случился полный раздрай. После завтрака в субботу она отправилась к знакомому пародонтологу из-за воспалившейся десны, а Романа попросила присмотреть за Виолкой:

— Она до обеда сонная ходит — проблем не будет. Дай ей какую-нибудь книжку. Пусть читает. Я недолго.

Но оказалось, что врач заболела, и ей пришлось возвращаться. Правда, по пути заглянула в аптеку и купила фурацилин для полоскания, но все равно вернулась намного раньше обещанного. В квартире было тесно от музыки, доносившейся из телевизора. Она, не раздеваясь, заглянула в большую комнату и ошалаела от увиденного, да так, что сразу рука потянулась за телефоном, и Маргарита успела снять на видео полуобнаженных Романа и Виолку. Когда тот заметил ее, сразу вскочил с ковра и попытался отнять телефон, но она начала отбиваться сумкой.

— Не смей подходить, негодяй!

— Бабушка, Роман хороший, мы с ним во врачей играли! — вступилась за адвоката внучка.

— Ага, знаем мы таких хороших! Что он с тобой делал?

— Ничего. Только животик гладил... Он врач, ему можно.

— Мразь!.. Ты хотя бы оделся, — крикнула она ему и хотела запустить в него керамической скульптуркой льва, висевшей на стене, и в последний момент вспомнила о «тревожной кнопке» связи с охраной, замаскированной под этой скульптуркой.

Кнопка эта появилась еще при муже, когда вынуждали обанкротить его фирму, но ею никто так и не воспользовался. Маргарита хотела избавиться от нее и снять квартиру с охраны, так как это удовольствие стало слишком дорогим, но как хорошо, что не успела. И теперь надо лишь потянуть время и отвлечь извращенца, которого сама же приютила.

Пока тот одевался и собирал свои вещи, время шло, а когда раздался звонок в дверь, он испуганно спросил:

— Кто это?

— Соседка, наверное. Откуда мне знать...

Она открыла дверь, и в прихожую ворвались два полицейских с автоматами, в «брониках» и шлемах.

— Вызывали? — спросил один из них, сержант. — Что здесь происходит?

— Вот, — указала она на Романа и Виолку, не успевшую одеться. — Внучку растлевал в мое отсутствие!

— Ложь! Эта женщина лжет! Ничего такого не было!.. — чуть ли не завopil он.

— А для чего же тогда раздевался, для чего прикасался к девочке?

— Не было ничего такого. Она врет. Все вы здесь живете враньем!

— Гражданин, ваши документы!

— Пожалуйста, они в пиджаке в прихожей. Сейчас достану.

Пока он дрожащими руками доставал паспорт, его губы тряслись, и с трудом можно было разобрать, что он говорил:

— Это ошибка! Я — член областной коллегии адвокатов. Сам стою на страже законов.

— Как он оказался в квартире? — спросили у Маргариты.

— Он мой гость... Я отлучилась к пародонтологу, но неожиданно быстро вернулась и застала всю эту мерзость. Я даже на видео все зафиксировала. Спасибо, что быстро приехали, а то он мне угрожал, но я успела спрятать телефон.

— Где он?

— В надежном месте.

— Храните его, а прежде, чем кому-то отдавать, даже следователю, скопируйте ролик. Он очень пригодится вам. Сейчас прибудет «скорая», и вы поедете на освидетельствование девочки.

Сержант связался с кем-то по рации, доложил:

— Развратные действия в отношении ребенка...

— Какой позор, какой позор! — шептала Маргарита и вытирала слезы.

— А вы, гражданин, одевайтесь! — обратился сержант к Померанцеву. — Сейчас поедете в отделение.

Сержант одел ему наручники, что возмутило адвоката:

— Это незаконно!

— Что законно, а что нет, будете разбираться со следователем.

Вскоре прибыло несколько оперативников, и Маргарита ответила на вопросы следователя, ничего не говоря о видео, так как хорошо знала, что это за человек Померанцев, сколько у него связей. Выкрутится, как уж, да еще в чем-нибудь обвинит ее саму. Врач «скорой» осмотрела Виолку, внешних повреждений не нашла, но все равно предложила Маргарите проехать в больницу вместе с внучкой.

— Это стандартная процедура для следствия, — успокоила она. — Думаю, все с девочкой в порядке.

Действительно, обследование прошло быстро, правда, Виолка начала капризничать из-за повышенного к себе внимания, а когда они возвращались домой на такси она, вздохнув, призналась:

— Как же мне надоели сегодня врачи!

В квартире Маргарита вроде успокоилась, вымыла в ванной Виолку, помыла пол в прихожей, пропылесосила ковры. Когда более или менее навела прежний порядок, они попытались с внучкой пообедать, но почти не ели.

— Бабушка, — начала хныкать Виолка, — я так устала, что совсем нет аппетита.

— Иди, отдохни, моя хорошая. Поспишь, и все будет прекрасно.

Она уложила ее, прочитала сказку про доброго Лесовика, и когда Виолка заснула, под села к компьютеру и очень осторожно скопировала ролик, боясь нажать не на ту кнопку, потом переписала его на две флешки, подумала вроде радостно, но без энтузиазма: «Теперь, мразь, ты у меня не отвертишься. А то “девочки-лапочки”, “сю-сю” да “сю-сю”, а у самого на уме мрак и разврат!» Вспомнив пропавшую дочь, она разрыдалась, но плакала почти без голоса, тихими слезами, словно только теперь поняла, сколько забот свалилось без мужа, без дочери, да и без зятя. От него особой помощи не дождешься, правда, когда о чем-нибудь попросишь, никогда не отказывал, не отнекивался; если мог, сразу помогал: то на рынок отвезет, то за город. А потом ему попала шлея под хвост, связался с казаками, разругался с Ксюшкой и добровольцем отправился на Донбасс. С этого все и началось, и чем все закончится — Богу лишь известно.

Вспомнив зятя, она даже не могла и подумать, что он находился в это время в десяти минутах ходьбы от нее. Если в первый день они с Ольгой почти не выбирались из постели, то на следующий Семен решил объявиться, доложить теще о прибытии из госпиталя и вообще легализовать себя, съездить в Затеряево. Но для этого, если уж собрался ехать на машине, надо хотя бы посмотреть на нее, завести. Хотя морозов не было сильных, но все равно необходимо убедиться, что она надежна, в чем вообще-то и сомнений никаких, и только после этого заявляться к Маргарите.

Через полчаса они остановились у гаража, подъехав на такси. Опираясь на костыль, Семен открыл ворота, забрался в машину, перекрестился, подумал: «Ну, с Богом!»

Машина на удивление завелась со второго «тычка», он прогрел двигатель, и вскоре они были у дома Маргариты.

— Иди один, а я в машине подожду. Виола знает меня, выдаст с головой.

— Ну и пусть выдает, кого нам теперь бояться?! Сами себе хозяева.

Все-таки он уговорил Ольгу, они приготовили подарки, и Семен позвонил Маргарите.

— Ты где, прощающая душа?! — изумилась она.

— У подъезда...

— Ой, Господи! Ну не дурень ли?! Что, ранее не мог позвонить?

Когда они вышли из лифта, то дверь в квартиру была распахнута. А на пороге их встречала Маргарита и подпрыгивающая Виолка.

— Папа, папочка, я так ждала тебя! Так ждала! — и чуть ли не повисла на нем.

— погоди, дочка, не плачь, не видишь, папе тяжело держать тебя, — Маргарита вздохнула и чуть ли сама не прослезилась.

Виолка отстранилась, посмотрела на костыль, даже дотронулась до него:

— Это мне подарок?

— Ой, глупенькая. Это костыль. Папа был в командировке и получил ранение. Вот с наградой вернулся! — сказала Маргарита и посмотрела на Ольгу.

Семен ее взгляд перехватил, пояснил:

— Это Ольга, познакомьтесь. Она встречала меня!

— А я знаю тетю Олю!

— И я тебя помню, малышка! Вот ты и дождалась папку, — не растерялась она и прижала к себе девочку, а Семен пояснил: — Это наша родственница.

— Ребята, что мы столпились в прихожей? Раздевайтесь и проходите на кухню. Будем отмечать папино возвращение!

— Маргарита Леонидовна, должны вас огорчить. Во-первых, я за рулем, а во-вторых, мы сейчас едем в Затеряево и хотели взять с собой Виолку, а то она давно не была у деревенской бабушки, да и у дедушки. — И спросил у дочери: — Поедем к бабушке?

— Конечно! Мне надо собраться?

От всего, что происходило в прихожей, у Маргариты заколотилось сердце, особенно от слов Виолки, которую так не хотелось отпускать. После сегодняшнего происшествия она почувствовала себя необыкновенно одинокой, такой, что не знала, как жить дальше, и внучка скрашивала бы ее одиночество, а теперь она лишалась и этого, пусть и на время. Но и поделаться ничего не могла, если внучка на все согласна, лишь бы побыть с отцом.

Она одела Виолку, нацепила ей рюкзак с книжкой и смешным медвежонком — сегодняшним папиным подарком, и поцеловала ее.

— Когда ждать вашего возвращения?

— Поживем немного, а там видно будет... — сказал Семен. Он уж было собрался уходить, но Маргарита сходила в спальню и принесла флешку, попросила:

— Сохрани ее. На ней копии важных для меня бумаг.

— Сохраню, обещаю не любопытничать.

Подхватив костыль, он повернулся к двери, а Маргарита попросила:

— Передавай привет родителям. В добрый час!

33

Что ни говори, а путешествие к родителям — сплошное удовольствие. Тем более не одному, а в сопровождении двух милых дам. Старшая сидела рядом с Семеном, а младшая изогнулась в детском кресле за их спиной и смотрела, не переставая, на отца. Семен оглянется, улыбнется:

— Соскучилась?

— Да, папочка! Буду всегда на тебя смотреть!

Когда проезжали центр Сарматова, Оля напомнила:

— Надо в магазин заехать и родителей предупредить, а то как снег на голову свалимся!

Он становился у торгового центра, сказал:

— Тогда иди. Эта обязанность пока на тебе. Да, торт купи!

Минут через двадцать она вернулась с пакетами, спросила:

— Позвонил?

— Нет. С Виолкой в считалочки играли. Да и не хотел без тебя скрытничать.

— Тогда сейчас позвони, пока стоим!

Семен позвонил отцу, и тот сразу с вопросом:

— Ты все еще в госпитале?

— Нет. Собрал женскую команду, и выезжаем из Сарматова. Так что через час-полтора ждите!

— Ты не один, что ли?

— С Ольгой, Виолкой! Говорю же — с командой!

Отец хотел что-то сказать, но мать перехватила у него трубку:

— Сынок, ты никак едешь?! Вот счастье-то!

— Мама, все, что есть в печи, все на стол мечи! Целуем вас. До скорой встречи!

Душа ликовала. Сегодня у него был, без сомнения, самый счастливый день за последние месяцы: Ольга рядом, Виолка, родителей скоро увидит. Подумав о них, он вспомнил о Женьке, спросил у Ольги:

— А сын сейчас где?

— У бабушки должен быть...

— Звони ему, пусть к моим подтягивается, хочу, чтобы все сегодня собрались.

Хотя и казались оставшиеся километры долгими, но и они миновали. И вот уж Затеряево — родина Семена, вот их дом с распахнутыми воротами, и отец около них встречается. Обнимая его, Семен даже вздохнул, протер слезлившиеся глаза. И увидел мать, выглядывавшую из-за отцовского плеча. Вот оно, счастье, о каком он мечтал и грезил на фронте.

Пока отец помогал сыну, Вера Алексеева не отходила от Ольги и Виолки, приговаривая и прихлопывая руками:

— Какие же, девчонки, молодцы! А то мы с дедом совсем загрустили. Теперь же вот какое счастье!

Ольга все ждала вопроса: «А ты-то как же оказалась с Семеном?», но не дождалась, словно это их не интересовало особенно. Зато вскоре появившийся Женька не стал церемониться. Увидев мать, сразу с вопросом:

— Мам, ты же на конференцию собиралась?!

— Ну, так вернулась. Долго ли умеючи! А тут Семен подвернулся, до Затеряева довез.

Поверил ли сын или нет, ей уж было без разницы, потому что она еще днем договорилась с Семеном, что он какое-то время поживет у них, и серьезный разговор с сыном еще предстоит. Ну, если и не разговор, то как-то объясниться она должна. Ведь не будешь врать и скрывать то, что скрыть невозможно, да и не нужно.

Когда уселись за стол и взрослые подняли бокалы, Иван Семенович привстал и с дрожью в голосе сказал:

— Вот мы и дождались тебя, Семен! Рады видеть, дорогой наш сын, да и Оля, и Женя, и Виолка тоже рады. Как здорово, когда собирается семья, хотя бы и для того, чтобы поглядеть друг на друга, обняться и улыбнуться. Так выпьем же за то, чтобы такие встречи были как можно чаще, а поводы только хорошие!

Семен и отец выпили по рюмке водки, а Оля с Верой Алексеевной — домашней наливочки из старинных лафитничков, хранившихся у них с давних времен. Закусив, мужчины выпили еще по одной, женщины отказались и просили Семена попробовать то огурчик домашний маринованный, то грибочек, то копченый ветчины.

Разговаривая, Семен не заметил, как освоившаяся Виолка перебралась к бабушке и о чем-то перешептывается с ней, и это ему очень понравилось, ведь он еще недавно остерегался возможного бунта дочери, когда соберется к Ольге. Ей и нужно-то побыть с бабушкой одни сутки, пока у него утрясутся отношения с Женькой, и он тогда заберет ее. Правда, в разговоре выяснилось, что Вера Алексеевна оформила недельный отпуск для лечения спины, а если это так, то сам случай помогает Прибылому.

Они сидели бы за столом бесконечно, но вскоре стемнело, вспомнили, что Ольге с Женькой пора домой, а они еще и торт не пробовали. А ведь Семен неспроста просил Олю купить шоколадный бисквит с пропиткой, о котором мечтал с начала мобилизации.

И когда, съев по куску таявшего во рту бисквита, они с Ольгой начали собираться, отец предложил выпить на «посошок»:

— Где наша, сынок, не пропадала! Сегодня можно!

Они выпили, а когда вышли в прихожую, Виолка пошла с ними.

— А как же бабушка? — спросил он у дочери. — Она так ждала тебя. А я провожу Олю. Договорились?

— Проводи и возвращайся. Я и бабушку люблю, и тебя!

Семен промолчал, не стал развивать разговор, лишь огорчился в душе и подумал: «Ну когда, когда не надо будет врать?! Ладно, недолго все это будет длиться. Перевезу Ольгу и Женьку к себе, Виолка будет пока у Маргариты. А после, глядишь, купим трехкомнатную квартиру и будем жить-поживать, добра наживать!»

Заказали такси. Ольга с сыном вышли из дома первыми, а Семен с отцом задержались, и сын понял, что это неспроста, особенно, когда тот спросил:

— Ты с Ольгой-то всерьез или как?

— Всерьез... Матери пока ничего не говори.

— Говори не говори — она сама обо всем догадалась. Ладно, быть добру!

Они обнялись на крыльце, и Семен осторожно пошел к машине. Когда подъехали к дому Ольги, то оказалось, что не очень-то легко подниматься на третий этаж по ступеням. Пока поднялся, даже вспотел, хотя Ольга с Женькой поддерживали и страховали. Когда разделись в прихожей, Женька сразу скрылся в своей комнате.

— Чего это он? — удивился Семен.

— По компу соскучился.

Они помаленьку расположились, Ольга заварила чай, разлила по чашкам, села рядом, заглянула в глаза, спросила:

— Ну и как мы дальше жить будем?

— Обыкновенно. Как все живут. Скажи сыну все как есть. Если можешь Виолке соврать, то ему-то чего голову морочить. Отцу я уже сказал.

— Это из-за этого вы в коридоре задержались? — улыбнулась она.

— Им же интересно. Родители ведь.

— Ну и что он сказал?

— Быть добру!

Ольга прижалась к Семену и зажмурила глаза, словно летала в этот момент в облаках.

Чуть позже к ним заглянул Женя.

— Все чай гоняете? — чуть насмешливо спросил он.

— Гоняем... Хочу Семена у нас жить оставить! Ты не против?

Тот замер:

— Нет, конечно. Это серьезно?

— Серьезно. Ты же не против?! Семен нам помогал, а мы поможем ему. Чай будешь?

— Налей чашку!

Она налила, попросила:

— Посиди с нами...

— Нет, к себе пойду. Стрим идет. Завтра же выходной.

Недолго смотрели друг на друга Прибылые. Они пригостились ко сну, и когда уединились в комнате, то не было в этот момент на свете людей счастливее их — до такой степени, что ни он, ни она не понимали, почему раньше это счастье к ним не приходило.

Привыкать к другой семье необходимо без спешки. Ведь сразу наваливается столько новых впечатлений, столько новых имен звучит, что голова идет кругом. Семен смотрел в эти дни на Ольгу и не узнавал ее. Всегда она в последние годы, хотя и встречался с ней редко, казалась неразговорчивой, даже нелюдимой, всегда у нее что-то было свое на уме. Видна была забота и невысказанная печаль.

Теперь же все в ней переменялось, так она не походила на себя прежнюю, придумывая то одно занятие, то другое. И все делала с огоньком. На следующий день после обеда они легли отдохнуть, но отдых — это не для Ольги. Они не пролежали и десяти минут, как она предложила:

— А может, к моим родителям съездим? Поближе познакомишься с ними, поговорим, чайку попьем.

— Как-нибудь в следующий раз, когда научусь без костыля ходить. А то посмотрят на меня и подумают: «Ну и нашла себе дочь ухажера?! Специально, что ли, взяла из инвалидного дома?»

— Ничего не скажут. Они нормальные у меня, но и тебя понять можно. Извини, что ляпнула, не подумавши. Хотя Женька им все и без меня все расскажет. Ну и пусть. А тебе все равно вредно залеживаться — надо ногу разрабатывать.

— Ну, не после же обеда. — Он обнял ее и вздохнул: — Давай сегодня ничего не будем делать. А завтра, когда буду один, вас дожидаясь, оторвусь по всей программе. Я же понимаю, что мне необходимо двигаться, чтобы нога не скучала.

— То-то, вижу, все в рубцах, а рубцы вроде зажившие.

— Я же в апреле добровольцем был на Донбассе, почти в том же месте, где теперь нарвался на мину. Не везет мне: не успеешь повоевать — сразу в госпиталь.

— Не согласна! Тебе очень повезло, если мы рядом! — Она прижалась к нему, затихла, словно поняла его настроение.

Более к разговору о болячках они не возвращались.

Теперь, оставаясь с утра один, когда Оля уходила на работу, а Женька в школу, Семен долго не валялся в постели, торопливо завтракал и начинал ходить по комнате. Сначала в носках, а потом Ольга купила ему домашние тапочки с задниками. И он, привязав тапочек к левой ступне, подолгу, но с перерывами, топтался по квартире, останавливал себя лишь, когда нога начинала ныть. Но ныла она с каждым днем все терпимей, особенно когда ступня разогревалась, становилась гибкой и податливой. Он даже попросил Олю купить трость и начал привыкать к ней, с боязнью расставшись с костылем. С ним все-таки надежнее, но через день-другой он и к трости привык, хотя, осторожно наступая на больную ногу, остерегался широко шагать. Да ему и не нужно было куда-то спешить.

В следующее воскресенье, когда Семен собрался к родителям, он мог вполне обойтись тростью, но все-таки вооружился по совету Ольги костылем и трость прихватил. Собираясь, он уже знал, что в понедельник Вера Алексеевна выходит на работу, Виолку оставить будет не с кем, значит,

надо возвращаться в Заречье к Маргарите, а самому побывать у хирурга, в военкомате; накопилось много иных дел, но он пока не готов по полдня рыскать по городу, пусть и на машине. Из всех этих перспектив Семен сожалел лишь о том, что на какое-то время расстанется с Ольгой. Когда он сказал ей об этом, она промолчала, лишь вздохнула.

— Не переживай, — попытался успокоить ее. — Москва не сразу строилась, и мне еще только предстоит помотаться между Заречьем и Затеряевым. Без этого пока никак.

— Все равно переживаю! — не согласилась она. — Как ты будешь один, если в магазин сходить не можешь? Тем более что так скользко стало. А прибраться, постирать?

— Надеюсь, не бросишь меня? В любой выходной можешь приехать с Женькой. Я разве против? Да и я разберусь с делами, пойму, что к чему, опять приеду. Не переживай — скучать не позволю!

Когда пришло такси, Семен пожал руку Женьке, а Ольга вышла проводить до машины. Она поцеловала его и вздохнула:

— Был — и нету...

Через десять минут он обнимал родителей, но первой его встретила Виолка.

— Папочка приехал! — И подскочила к нему.

Прежде он подхватил бы ее на руки, а теперь лишь прижал к себе, поцеловал.

Пообедав с родителями и собрав пожитки в виде костыля и трости, он попрощался.

— Не забывай нас, сынок! Всегда тебя ждем и девчонок твоих!

Он обнялся с родителями и усадил Виолку в детское сиденье, пристегнув ее:

— Я не хочу сидеть в этом смешном кресле! Я не маленькая!

— Вот исполнится семь лет, тогда кресло снимем. — И добавил для родителей: — Ворчит барышня!

Когда они отъехали от дома, Семен достал телефон, нашел номер тещи, сказал дочке:

— Поговори с бабушкой, скажи, что мы возвращаемся!

Виолка поговорила с Маргаритой совсем немного и передала трубку отцу.

— Семен, ты не против, если Виолка сегодня побудет с тобой, а то у меня уйма забот скопилось.

— Запросто, моя же дочь!

Хотя он и легко согласился с тещей, но до конца не понял ее, потому что никогда она не отвечала так. «Наверное, из-за своего хахаля заволновалась. Ведь не зря Виолка упоминала о нем...» — невольно подумал он.

Вспомнив, что еды у него почти не осталось, да и та теперь недельной давности, Семен сказал:

— Надо нам, доча, в магазин заехать.

С костылем много не унесешь, но пакет еды набрал: молочки для Виолки, мяса, хлеба, мандаринов, яиц. Вроде бы и немного, но ему какая-то женщина даже помогла донести пакет до машины.

Донесла и спросила:

— Наверное, с войны вернулся?

— Оттуда...

— А у меня сынок воюет! Все мое сердце исстрадалось!

— Вернется, мать, никуда он не денется. Спасибо за помощь!

Машины в гараж он не погнал, оставил у подъезда. Поднялся на лифте к себе на этаж, открыл квартиру и сказал дочке, помня, что она пока ни разу у него не была:

— Вот здесь я и живу! Проходи — хозяйкой будешь.

— А я знаю. Мы с бабушкой здесь были!

Они помаленьку разобрались, Семен поставил на плиту кастрюльку с мясом, налил Виолке чашку сладкого кефира, и чем бы ни занимался, из ума не выходила Маргарита. «Что-то с ней не так?» — эта мысль сверлила и сверлила мозг, и он не мог найти для себя ответа.

А у Маргариты своя песня, и не та, о которой предполагал зять. В последнюю неделю, когда он увез дочку в Затеряево, она не находила себе места от свалившихся несчастий, более всего от адвоката. Ее уже дважды вызывал следователь, и она узнала от него, что адвокат давно разведен, в своей среде особенным авторитетом не пользуется, хотя ничего криминального за ним не замечено. И непонятно, что его свело с мужем. Помнила лишь, что Герман хорошо отзывался о Померанцеве, считая его специалистом высокого класса. «Специалист он, может, и высокого класса, но в душе негодяй, а по сути — преступник. И как я доверилась ему, а самое гадкое — целовалась и обнималась с ним! Это мне за все наказание божие, и поделом. Заслужила!» Эта мысль к ней пришла несколько дней назад и не давала покоя. В какой-то момент Маргарита даже подумала, что черная полоса продолжится, если она ничего не сделает, чтобы очистить душу. А что она может сделать? Пойти в церковь и покаяться? Ну хорошо, покаялась, а далее что? Все равно грехи-то ее с ней остались, хотя попытка очистить душу сама по себе неплоха. Но полного-то очищения все равно не будет! Вот если бы... Но на это надо решиться. Два дня она мучилась и решила, найдя простой способ избавиться от своего невольного стяжательства, в которое она сама же себя и ввергла в тот момент, когда после смерти мужа забрала деньги из его сейфа, и при деньгах был список меценатов, пожертвовавших средства на конкурсные премии. «Ведь что проще: надо извиниться, вернуть деньги этим людям и жить спокойно!» И от этой мысли она будто воспарила. Оказывается, как легко быть счастливым!

Она начала обзванивать людей по имевшемуся списку, представлялась и говорила всем примерно одно и то же: «Уважаемый такой-то! Приношу свои извинения — я была не права, когда убедила суд с помощью адвоката не признавать за собой долг. Но теперь я обнаружила в бумагах Германа Михайловича некий список фамилий, которые обозначались рядом с суммой. Помня фамилии, звучавшие на суде, я поняла, что это и есть те деньги, из-за которых разгорелся сыр-бор. И не моя вина, что я этого не знала. Теперь справедливость восстановлена, я готова вернуть ваши взносы». Раз за разом раздражаясь искупительной тирадой, она ожидала, что тот, кому она звонила, тотчас кинется за своими деньгами, но почти все отказывались, обставляя отказ разными отговорками, примерно такими: «Ну, что вы, Маргарита Леонидовна, какие деньги?! Брать их — это предать Германа Михайловича. Оставьте себе — пригодятся на памятник незабвенному человеку!» Слушая такие речи, Маргарита не понимала, что происходит и почему эти люди так изменились: то чуть ли не на части рвали, а то сразу пошли на попятную? Или для них не деньги были главным мерилом, а чувство обманутости, которое дороже любых денег, а главное — обиднее. Вот, наверное, в чем причина. Среди «отказников» лишь один согласился забрать деньги — некто Тимофей Семибра-

тов, но и то не сразу, а через несколько дней обещал заехать, когда оправится от болезни.

И все-таки, как ни благоприятно завершился для Маргариты сегодняшний день, когда она созвонилась с последним «клиентом» перед возвращением Семена от родителей, небольшой червячок мучил душу сомнением: нет, не смогла она признаться людям, что знала о списке с самого начала, что скрыла это на суде, но это теперь для нее небольшой грех, если она повинилась перед собой. Это главное. Захотелось сделать еще что-то доброе. Когда вспомнила о Виолке, о зяте, то подумала: «Вот приехали и сидят голодными!» Она позвонила Семену, сказала коротко, как приказала:

— Сейчас загляну в магазин и приду к вам, приготовлю что-нибудь из еды.

«Приходи, старая карга, я тебе тоже что-нибудь приготовлю!» — подумал Семен. Перед этим он, не выполнив обещание, данное Маргарите, любопытства ради открыл в ноутбуке ее флешку, как оказалось, с единственным роликом. Он сперва не поверил, увидев почти голенькую Виолку с каким-то мужиком в очках и цветастых плавках, и в тот же момент его затрясло... И очень захотелось увидеть тещу.

35

Разговор состоялся, и был он сначала жестким, и говорили они на кухне, закрывшись от Виолки, усадив ее в спальне смотреть мультяшечки, чтобы не травмировать психику воспоминаниями.

Семен показал Маргарите ролик, успев переписать его в свой телефон, и сразу с жестким вопросом:

— Что это значит, бабушка Маргарита?

— Что видишь, то и значит! Прежде чем махать шашкой, спросил бы, для чего отдала тебе эту флешку.

— Что это за мужик на видео?

— Роман Померанцев, знакомый адвокат, которого приютила на свою голову. Кто же знал, что у него на уме. В прошлую субботу, когда ты уже приехал из госпитала, но ничего не сказал об этом, я их оставила одних, сама пошла к зубному, да неожиданно быстро вернулась и хорошо, что успела снять этот ролик, ставший доказательством — не побоюсь этого слова — преступления.

— Где теперь этот упырь Померанцев?

— В следственном изоляторе.

— Что он делал с Виолкой?

— По ее словам, гладил... Потом ее возили на обследование, взяли анализы, так что в этом плане обошлось без сюрпризов, не переживай: с Виолкой все в порядке и не надо при ней вспоминать об этом случае — быстрее забудет.

— Медицинское заключение есть по результатам осмотра?

— Да, копию храню у себя, так же, как и еще одну копию видео. А то адвокат — тот еще жук, вполне может отвертеться, используя свои связи.

— Как ты вообще познакомилась с ним? — спросил Семен, впервые в жизни назвав Маргариту на «ты».

— Давно слышала от Германа, он хорошо отзывался о нем, а тут понадобился надежный адвокат, ну я и нашла его номер в телефоне.

— И сразу женихом сделала...

— Семен, пожалуйста, не разговаривай со мной таким тоном!

Прибылой осекся, вздохнув, извинился:

— Не хотел, Маргарита Леонидовна!

— Ладно, замаяли для ясности, как говорится. Нам ссориться по этому поводу нет смысла, хотя тебя можно понять. Главное, что с Виолкой все в порядке, а этого козла развратного надо проучить примерно, чтобы раз и навсегда отучить на будущее.

— Таких не отучишь... Извините меня, погорячился. Буду хранить видео, так сказать, на всякий пожарный случай.

Разговор вроде бы закончился мирно, но все равно между Семеном и Маргаритой образовалась некая дистанция, мешавшая душевно разговаривать. И готовить они ничего особенно не готовили: сварили из бульона вермишелевый суп, отварное мясо порезали отдельно, нарезали сыр, откупорили банку огурчиков, а к чаю насыпали в вазу из коробки овсяного печенья.

Когда они то ли победили, то ли поужинали, Маргарита вздохнула и посмотрела на Семена:

— Как хорошо быть всем вместе! Теперь нам с Виолкой останется на ночь кефирчика попить.

И он ее понял, не стал противиться, поэтому принял сторону тещи, подыграл ей:

— Виолка очень соскучилась по бабушке Маргарите!

— Не очень... — чистосердечно призналась девочка, а сама сползла со стула и подошла, обняла ее.

— Эх, горе ты мое луковое! Куда же я без тебя, а ты без меня, если с пеленок на моих руках росла.

К концу посиделок за столом Семен мало-помалу остыл, понимая, что ни в чем тещиной вины нет. Ну а то, что связалась с проходимцем, — живой же человек. Всего не предугадаешь. Когда они собрались уходить, Семен хотел вызвать им такси, но Маргарита отказалась.

— Водители не любят короткие поездки, ворчат. Мы с Виолкой потихоньку дойдем. Через десять минут будем дома!

— Сразу позвоните, чтобы я не переживал. И никому не открывайте дверь. Береженого бог бережет!

Они ушли, он лег на диван, дождался, когда они позвонят, а потом неожиданно уснул. Проснулся, а за окном уж темным-темно.

Позвонил Оле.

— Докладываю, что я давно дома, а дочка у бабушки. Скучаю, даже печалюсь, пребывая в одиночестве, но что делать: такова моя горькая судьба.

— Ладно уж, не прибедняйтесь, господин Прибылой. Отдыхайте, пока возможность есть.

Он не стал в этот раз сюсюкать — настроение было не то, а спокойно отключил телефон. Опять лег на диван, но долго не пролежал, когда вспомнил о машине, подумал: «Ну, что она, беспризорная, стоит без пригляда в чужом дворе? Пойду, поставлю на место, так спокойнее будет, потому что в ближайшие дни никуда ехать не собираюсь». Для него нынешнее жилье было действительно непривычным, с жильцами не знаком. Это не на прежнем месте, где каждый знал, что красная BMW — зятя Чернопуга, и ее обходили за километр. Поэтому хочешь не хочешь, но торопясь оделся, прихватил костыль, добрался до маши-

ны и вскоре был в гараже. Его там знали, начали расспрашивать, когда вернулся с фронта, где воевал, предлагали выпить, но Семен отказался:

— Не обижайтесь, мужики, не хочется без второй ноги остаться!

Он немного поговорил с ними, вызвал такси и вскоре был дома. И теперь мог по-настоящему расслабиться, достал бутылку недопитого с Ольгой вина, налил полбокала и, слегка захмелев, долго лежал, обдумывая предстоящую жизнь.

Два дня он выходил из дома только за продуктами, а на третий неожиданно позвонил Безруков, с которым лежал в госпитале. Услышав знакомый голос, Семен удивился:

— Антон, ты?

— Я-я...

— Когда прибыл?

— В субботу. Немного погулял и тебя вспомнил. Как дела?

— Да чего по телефону языком молоть? Приезжай. Поговорим нормально.

— Пузырек брат?

— Как без этого. Адрес мой у тебя должен быть.

— Да, есть...

— Тогда я картошку жарю!

Хотя Семен и рад было появлению Безрукова, но все равно он свалился на голову неожиданно, когда мрачные мысли после случая с Виолкой еще продолжали его угнетать. Это сразу заметил Антон:

— Чего такой невеселый? Или не рад видеть?

— Потом, Антон, потом... Сейчас раздевайся, мой руки и за стол.

— Про руки ты хорошо сказал! Как мы их тщательно мыли в окопах, как увлажняли кремом из глины.

— Что было, то было.

Они выпили по первой, по второй, и начались воспоминания. Казалось, что готовы говорить бесконечно. Больше говорил Антон. Почему-то в этот момент показалось, что он очень одинокий человек, хотя на фронте говорил, что у него есть родители, старший брат — полицейский, что они ждут его, особо подчеркивая это. А он тогда удивился, подумал: «Как могут родители не ждать сына с войны?! Это же естественно, что ждут. Так и должно быть!» Он тогда хотел спросить об этом, но не спросил, не смог и теперь. Зачем лезть в чужую душу без спроса.

Поинтересовался о Николае Пажиткове, однопалатнике: выписался ли, нет ли?

— С ним беда. Если помнишь, ему изготовили протез, он надел его, но и шага ступить не смог, слезу пустил. Успокоили, как могли: мол, дома в спокойной обстановке привыкнешь, научишься ходить, а он замкнулся, с таким настроением и выписался из госпиталя: на костылях, а протез в рюкзаке за спиной.

— Как-нибудь надо позвонить ему.

— Пока повремени. Пусть оглядится, мысли передумает, а сейчас бесполезно, сейчас он и говорить не будет... Ладно, а у тебя-то что? Чего такой смурной был?

— Погоди... — Семен взял телефон. Нашел ролик с Виолкой. — Полюбуйся!

— Кто это? — спросил, Антон, особо не удивившись.

— Девочка — моя дочь, а голый педрила — адвокат Померанцев, те-

шпин сожитель... Был сожителем, теперь в изоляторе закрыли. Теща пошла к стоматологу, а он к ребенку прицепился, мразь. Задушил бы!

— Ты, конечно, ошарашил! Значит, пока отец воюет, а с его дочкой... — Он не договорил, хотел плюнуть, но лишь сжал кулак. — Ладно, разберемся. Значит, фамилия его Померанцев?

— Да, Роман Померанцев, адвокат...

— Все понял! Ничего не говори о нем по телефону, нигде и ни с кем более не упоминай эту фамилию. Брат, думаю, поможет разобраться.

— Ладно, считай, что забыл. А у тебя-то что? Тоже ведь с тревогой на душе ходишь? Вижу же!

— Отец пьет. Все нервы матери истрепал. Пока я работал, побаивался меня, а как мобилизовался, совсем распустился!

— Даже и не знаю, чем помочь.

— Да и не сможешь. Ладно, скажи, когда к Толяну поедем?

— Оклемаюсь немного, начну без костыля ходить, тогда можно будет.

— Договорились, а теперь я буду собираться.

Прибылой проводил гостя до двери, когда Антон ушел, подумал: «Почему нормальным мужикам всегда кто-нибудь жизнь отравляет?!»

36

Побывал Прибылой у хирурга, начал ходить на лечебные процедуры, в военкомате отметился в новом статусе, а на выходные смотался к Ольге, заглянул к родителям и успокоился. После недельных процедур даже пробовал гарцевать без трости, но пока такая ходьба напоминала пантомиму испуганного человека. Так что трость, как понял Семен, еще долго будет нужна. Но трость — не костыль, не так сильно портит настроение и впечатление.

Мало-помалу приближался Новый год, и Семену хотелось побывать на могилке у Толяна, потому что после будет сложнее вырваться, ибо договорился с Джоником Ашотовичем, что после новогодних праздников выйдет на работу. Пусть пока не до конца восстановился, но прыгать и скакать ему не требуется. Созвонился с Антоном, спросил о планах, тот переговорил с отцом Кочнева и поставил перед фактом: в ближайшую субботу можно съездить, если устроит. Семена это не устраивало, потому что в пятницу надо мчаться к Ольге, и очень не хотелось пропускать новую встречу.

— А что, если дня за два-три до Нового года смотаемся? Тебе, как я понимаю, все равно, а отец Толяна, думаю, пойдет навстречу, — предложил он.

Антон перезвонил и доложил:

— Он согласен. Ехать надо на Загородное кладбище. Где встречаемся?

— Я закажу такси, по пути вас подберу. Вы вроде в той стороне живете? Прихвачу выпить-закусить, чтобы помянуть Толяна.

— Чтобы тебе не таскаться по магазинам, сам возьму.

— Как скажешь, — не стал спорить и упрячиться Семен.

Съездив в выходные к Ольге, навестив родителей, Семен даже пожалел, что пришлось ждать, мог бы и ранее попасть к Толяну. Но теперь уж чего: как сложилось, так пусть и будет. Утром в среду Семен заказал такси, по пути купил цветов и подобрал Антона и Олега Викторовича — отца Толяна. Семен сразу сравнил его с сыном: такой же рыжеватый, только с

седьм отливом, такой же неказистый. Пожал он Семену руку, назвал себя и до самого кладбища молчал. Понять его можно. В такие моменты не до болтовни.

Могилка Кочнева была присыпана свежим снегом, над которым возвышался холмик с восьмиконечным крестом, а у основания креста — фотография фронтowego друга. Как же необычно это звучит — «фронтовой друг», такое понятие более подходило дедам да прадедам, но теперь, значит, и они с ними сравнивались. Мужики положили красные гвоздики к венкам у креста, и они выделялись на фоне белого снега огненными шарами.

Семен воспринимал смерть Толяна по-особенному, как собственную, и будто со стороны теперь смотрел на самого себя.

Пока он размышлял, Антон разлил водку по пластиковым стаканчикам, один поставил к кресту, накрыл его ломтем хлеба и сказал:

— Помянем Анатолия!

Помянули, Олег Викторович поправил закрутившуюся от ветра ленту на одном из венков, сказал:

— Спасибо вам, парни, что помните Толю! Шебутной он был, но добрый. Пусть земля ему будет пухом... — Он отвернулся, шмыгнув носом, ладонью смахнул слезу, и сделалось нестерпимо жалко его. Захотелось утешить, но какими словами? И нужны ли они ему были сейчас?..

Семен и Антон вздохнули, перекрестились. Семен мог много говорить о Толяне, но чего нагружать мужиков словами, говори не говори, а не вернешь парня, так и не успевшего по-настоящему пожить.

Постояли, помолчали.

— Ну что, ребята, пора разъезжаться, а то я лишь на пару часов с работы отпросился. Не пропадите, — нехотя всколыхнулся Олег Викторович.

Семен посмотрел на него и понял, что сейчас творится у того на душе, когда они — пусть и раненые, но все-таки живые, а его Толяна нет с ними.

Они подвезли его до промзоны, а сами вышли в центре, решили в кафе попить пива. Антон предложил:

— На днях пришла фронтвая получка, можно и гульнуть, а то ведь когда еще увидимся!

Прибылому ничего не оставалось, как согласиться.

В кафе тепло, посетителей нет, они, видимо, первые. Сели в углу, сразу сутулый официант подбежал.

— Слушаю вас!

— По два пива и рыбки приличной! — сказал Антон.

Ему явно хотелось поговорить, и он, вспомнив Толяна, вздохнул:

— Все-таки несправедливо устроена жизнь. Вот жил парень, работал, с девушкой встречался, родителей радовал, и вдруг — бац, и нет его, на погосте лежит!

— Ладно, чего уж теперь. Все под Богом ходим... Как у тебя дела складываются?

— Нормально. Главное, отца закодировал. Он у нас еще тот фрукт — любит всем нервы трепать. Как трезвый — душа-человек, как выпил — не подходи. А у брата к нему еще и своя обида, хотя и нехорошо обижаться на отца. Года три назад тот спяну не досмотрел за шестилетней внучкой, и она самовольно отправилась гулять, а дебил из соседнего подъезда заманил ее к себе, пообещал сделать из нее кинозвезду, нащелкал кучу фотографий в разных видах и разместил в интернете. Понятно: шум, скандал, мужика задержали, но отпустили — чего взять с сумасшедшего.

— С девочкой-то все обошлось? По возрасту как моя Виолка.

— Обошлось, только напугана была сильно. Они в этом возрасте глупенькие: кто пальчиком поманит, конфетку покажет — за тем и идут. Но теперь это все в прошлом, мать хотя бы год спокойно поживет! Да и я успокоился. Плечо мое почти зажило, можно на фронт собираться! Я ведь контракт на полгода подписывал. Еще три месяца надо повоевать, а там сейчас самое интересное начинается. Это не ноябрьскую грязь месить в окопах.

— Тебе жениться бы надо!

— Был я там. Два года прожили, детей не нажили. Вместо них взаимные упреки. Ну и развелись. А ты-то как?

— Да куда теперь, хромоногому, комиссия завернула. Но даже если и не она, вряд ли от меня будет польза на «передке», потому что, как известно, отбитые пальцы не отрастают, а без них, оказывается, очень тяжело брентную тушку носить. Теперь мой маршрут: дом — работа. Если же совсем худо будет стране — в обоз пойду нестроевым добровольцем. Но даст Бог, не случится этого. Да и не хотелось бы: сошелся со старой знакомой, не с руки оставлять.

— Ты вроде говорил, что женат?

— По паспорту — да! Да только где теперь искать жену? Летом она поехала в Испанию с любовником, как теща сказала, и с концами: ни слуху, ни духу. Теще потом пришло подозрительное письмо неизвестно от кого, что, мол, не ищите дочь — бесполезно.

— Во как? А как же возмездие, неотвратимость наказания?

— Это все в теории хорошо, а на практике — поди разберись, тем более что за границу теперь нет доступа. Да и никому мы там нужны.

Семен замолчал, отхлебнул пива, подцепил ломтик рыбы.

— А у меня есть новость... — сменил тему Антон. — Слух прошел по Заречью, что известный тебе адвокат подрался в камере — знаешь же, как там любят таких, как он. Его перевели в одиночку, а он свел счеты с жизнью — не выдержал мук совести. Во как бывает. Тебе разве теща не говорила?

— Нет, ничего такого. Как-то сказала, что судить его будут, собираюсь пойти на суд.

— Она, видно, пока и сама не знает. Но теперь и не заморачивайтесь. Все решилось само собой.

Семен понимал, что Антон многое не договаривает, а спросить у него подробности... Зачем? Иногда полезней промолчать. И хорошо, что он сообщил об адвокате, а то уж Семену хотелось сказать о Максиме, что видели его в Заречье — на дорогой машине разъезжал. А зачем, спрашивается, теперь говорить? Что изменится? Ничего, а дело может по-всякому обернуться. А ему это не нужно, если знает, что Ольга забеременела. Вчера позвонила и спросила:

— Что же ты наделал? Тесты показали мое интересное положение...

— Ловко у тебя это получилось!

— У нас! Запомни: у нас двоих!

Они вчера долго болтали на эту тему, даже начали строить планы. И вот теперь скажи Антону о Максиме, а после ходи и думай, в какую сторону приведет откровенность. Нет уж, теперь надо подальше держаться от всего этого: и ради себя, и ради Ольги, а главное — ради того, кто у них будет. Какой тревожной и непредсказуемой жизнь ни будь, а все равно не хочется жить одним днем, хоть краешком глаза, а хочется заглянуть в

будущее, пусть и ближайшее. А как иначе? Уподобиться слепому кроту, жить в норе и ничего не видеть?!

— Ну что, Семен, посидели мы, поговорили, долг перед товарищем исполнили — можно и по домам?! Обещал матери смеситель в ванной поменять. Отцу-то некогда, работать пошел! — сказал Безруков с явной гордостью.

— Спасибо тебе за все! — Семен не стал уточнять, за что именно, пусть Антон сам решит.

По домам они поехали на троллейбусе. Безруков сошел через две остановки, а Семен, попрощавшись с ним, доехал до своей высотки у замерзшей протоки.

Вышел, остановился на ее заснеженном берегу, подышал морозным воздухом, прилетевшим из заволжских степей, вспомнил однополчан на далеком Донбассе, и сделалось тревожно. Более всего угнетала теперешняя неопределенность, и все, что происходило вокруг, что казалось началом зловещего действия, все сильнее и сильнее затягивавшего людей в противостояние. И если в тылу еще как-то сводился нейтральный баланс, то на фронте события принимали все большее ожесточение, и это хорошо понимали те, кому выпала нерадостная доля увидеть такое своими глазами. И как теперь от этого избавиться, как выйти из кровопролития, если оно захватывает все новые души? И решение здесь одно: нужна Победа, и чем она быстрее придет, тем больше воинов вернутся к семьям и постараются забыть фронтовые кошмары.

Пока Семен нерадостно размышлял, погода сменилась, из-за горизонта пришла темная снежная пелена, будто пропитанная гарью от разрывов снарядов и копотью горячей техники, и он еще раз вспомнил однополчан, вздохнул: «Помоги вам Господь, братья! Сохрани вас и пошли удачи!» — и сотворил крестное знамение.

